ДУ ФУ

Леонид Бежин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ду Фу (712-770) - величайший поэт Китая. Судьба поставила его в самый центр исторических событий: Ду Фу пришлось быть свидетелем народных войн и дворцовых переворотов, взлетов и падений его страны. Патриотическую лирику Ду Фу называли "поэтической историей" эпохи, в то же время Ду Фу - мастер пейзажной лирики, а также многих других жанров китайской поэзии. В книге рассказывается о жизненном пути поэта, о его встречах с выдающимися людьми эпохи, приводятся переводы стихов Ду Фу и отрывки из исторических сочинений, позволяющие представить картину жизни средневекового Китая.

- Леонид Бежин
  - ○
  - ○ Глава первая ЯВЛЕНИЕ ЕДИНОРОГА
    - ■
    - ■ ГОСПОДИН ДУ СЯНЬ РАЗМЫШЛЯЕТ О ДРЕВНЕМ И СОВРЕМЕННОМ
    - ■ УТРО В ДОМЕ ГОСПОДИНА ДУ СЯНЯ
    - ■ ТЕТУШКА ПЭЙ ВОСПИТЫВАЕТ ЛЮБИМОГО ПЛЕМЯННИКА
    - ■ ДУ ФУ ОВЛАДЕВАЕТ КОНФУЦИАНСКОЙ НАУКОЙ
    - ■ ВНУК ДУ ШЭНЬЯНЯ ОТКРЫВАЕТ СЕКРЕТЫ ПОЭЗИИ
    - ■ «НА ЗАКАТЕ ДНЕЙ» ВСПОМИНАЯ ДЕТСКИЕ ГОДЫ
  - ○ Глава вторая ИМПЕРАТОРСКИЕ ЭКЗАМЕНЫ
    - ■
    - ■ ДУ ФУ ПУТЕШЕСТВУЕТ
    - ■ СТРАННИК С СЕВЕРА УХОДИТ ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЮГ
    - ■ ГЛАВНЫЙ ЭКЗАМЕНАТОР РЕШАЕТ СУДЬБУ ДУ ФУ
    - ■ ВОЗВРАЩЕНИЕ II СНОВА - СКИТАНИЯ
    - ■ ДУ ФУ ПОСЕЩАЕТ ХРАМ ВЕЛИКОГО ЛАОЦЗЫ
    - ■ ЛУНМЭНЬ - ВОРОТА ДРАКОНА
    - ■ ДУ ФУ В РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
  - ○ Глава третья ТРИ ПОЭТА
    - ■
    - ■ ДЕРЗКИЙ ЛИ БО ПОКИДАЕТ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР

- ХРАБРЕЦ ГАО ШИ «НЕ ВСТРЕЧАЕТ СУДЬБЫ»
- ХОЗЯИН ВИННОЙ ЛАВКИ ПРИНИМАЕТ ИМЕНИТЫХ ГОСТЕЙ
- ОСЕННИЕ ПРАЗДНЕСТВА У КАМЕННЫХ ВРАТ
- ПИСАЛ ЛИ ЛИ БО ЭПИГРАММЫ НА ДУ ФУ?

○ Глава четвертая ОДА ЗАПАДНОЙ СТОЛИЦЕ

-
- СТОЛИЦА ЧАНЪАНЬ ПОРАЖАЕТ ВЗОРЫ ИНОЗЕМЦЕВ
- ПЕРВЫЙ МИНИСТР ВЫСЛУШИВАЕТ ДОНЕСЕНИЯ СВОИХ ШПИОНОВ
- БЕДНЫЙ «ГОСТЬ» БОГАТЫХ «ХОЗЯЕВ»
- ГОСПОЖА ДУ ОБЕРЕГАЕТ ПОКОИ СВОЕГО МУЖА
- ДУ ФУ ВСТРЕЧАЕТ СТАРОГО ДРУГА И ВНОВЬ РАССТАЕТСЯ С НИМ
- «ГРУСТНО. ОСЕННИЙ ДОЖДЬ»
- ДУ ФУ В ЧАНЪАНИ

○ Глава пятая МЯТЕЖ АНЬ ЛУШАНЯ

-
- МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК НАЧИНАЕТ БОЛЬШУЮ ВОЙНУ
- ИМПЕРАТОР СЮАНЬЦЗУН ПРОЩАЕТСЯ С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ МАВЭЙ
- ОТРЯД АНЬ ЛУШАНЯ ЗАХВАТЫВАЕТ В ПЛЕН НЕИЗВЕСТНОГО
- ДУ ФУ БЕЖИТ ИЗ ЧАНЪАНИ В СТАВКУ НОВОГО ИМПЕРАТОРА
- ОСВОБОЖДЕНИЕ СТОЛИЦЫ
- ЧИНОВНИКИ ОБЛАСТИ ХУАЧЖОУ ВСТРЕЧАЮТ НОВОГО ИНСПЕКТОРА
- ВСТРЕЧА ДУ ФУ И ВАН ВЭЯ

○ Глава шестая СОЛОМЕННАЯ ХИЖИНА

-
- ДУ ФУ БРОСАЕТ СЛУЖБУ
- ОТ ЦИНЬЧЖОУ ДО ЧЭНДУ: ПУТЕВАЯ АНТОЛОГИЯ
- ДУ ФУ СТРОИТ СОЛОМЕННУЮ ХИЖИНУ
- «ВЕСНЫ И ОСЕНИ» НА БЕРЕГУ РЕКИ СТА ЦВЕТОВ
- ГОСПОДИН ЯНЬ У СТАНОВИТСЯ ГУБЕРНАТОРОМ ЧЭНДУ
- ДУ ФУ ВОСПЕВАЕТ КРАСОТУ ВЕЩЕЙ

- Глава седьмая ПРОСВЕТЛЕНИЕ ПОСЛЕ СНЕГОПАДА
  -
  - ПОМОЩНИК ГРАДОПРАВИТЕЛЯ СЮЙ ДЕВЯТЫЙ ПОДНИМАЕТ МЯТЕЖ В ЧЭНДУ
  - СНЕГОПАД В ЗИМНЮЮ НОЧЬ
  - СЕМЕЙСТВО ДУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СОЛОМЕННУЮ ХИЖИНУ
  - ВОСЕМЬ СТАНСОВ ОБ ОСЕНИ
  - СТРАНСТВИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
  - ПРОСВЕТЛЕНИЕ ПОСЛЕ СНЕГОПАДА
  - ДУ ФУ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУ ФУ
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Леонид Бежин
ДУ ФУ

Житие - жизнеописание - биография. Вот главные вехи, определяющие развитие одного из самых распространенных литературных жанров. Сначала древнее житие, повествующее о монашеском смирении и суровых аскетических подвигах, затем средневековое жизнеописание князей, полководцев и «слуг государевых» (впрочем, последовательность могла быть и обратной: сначала светское жизнеописание, а затем - религиозное житие) и наконец - современная биография. Этот путь был пройден и китайской литературой, хотя современная биография возникла там довольно поздно и многие произведения художественно-биографической прозы XX века по традиции именовались жизнеописаниями. Почему? Дело в том, что на Востоке сложился особый взгляд на человеческую личность и человеческую жизнь, в корне отличный от западного. Если европейское понимание личности, сформировавшееся в период буржуазных революций, нашло свое завершение в индивидуализме, в трагической обособленности человека от общества и разрыве связей с историей, то историческое развитие стран Востока выработало такие мировоззренческие основы, при которых личность никогда не обособлялась, не отпадала от родового древа, и человек словно бы занимал свое извечное место в обществе, в семье, в государстве. Поэтому китайского биографа - в отличие от биографа западного - почти не интересовали душевные переживания человека, подробности быта, житейские мелочи. Он рассказывал о своем герое лишь самое главное: когда родился, где и кем служил, какие важные и значительные поступки совершил в жизни. Биография была как бы актом «утверждения имени» - в ней содержалась сумма всего содеянного человеком и выносилась ему этическая оценка.

Именно таким предстает в жизнеописаниях Ду Фу, поэтому рассказывать о его жизни и просто и сложно. Просто потому, что этическая оценка личности поэта успела устояться за двенадцать веков, прошедших со дня его смерти, сложно - потому что и эта этика, и все мировосприятие средневекового китайца родились на иной почве, в иной культурной среде. В Ду Фу для нас многое непривычно, порою не только его стихи, но и поступки, жесты, образ мышления требуют перевода на язык наших понятий. Конечно, Ду Фу не столь загадочен, как те китайские поэты, которые сознательно надевали маску шута или юродивого, чтобы

говорить правду в форме иносказаний, «безумных речей» и смутных намеков. Поэт более традиционен и склонен к прямому слову, и все-таки иногда кажется, что мы разделены с ним непреодолимым барьером, настолько далек от нас средневековый Китай, настолько отличны от наших его традиции и уклад жизни. Но барьер преодолим, и чем глубже проникаешь в китайскую культуру, тем меньше удивляешься ее экзотичности и тем больше общечеловеческих ценностей в ней находишь.

Глава первая ЯВЛЕНИЕ ЕДИНОРОГА

Главный гадатель ответствует так:
Серый и черный приснится
медведь -
То сыновей предвещающий знак...»
Из «Ши цзина» - древнекитайской «Книги песен»

ГОСПОДИН ДУ СЯНЬ РАЗМЫШЛЯЕТ О ДРЕВНЕМ И СОВРЕМЕННОМ

Легко вообразить, какой суматохой был охвачен дом господина Ду Сяня в один из дней 712 года. Неизвестно, происходило ли это весной или осенью (а возможно, на черепичной крыше лежал снег или листья деревьев покрывала летняя пыль), но служанки бестолково сновали по комнатам, повар опаздывал с обедом, а во внутреннем дворике толпились любопытные соседи. Всем хотелось поздравить хозяев дома со столь важным событием. У госпожи Ду родился мальчик - это ли не счастье для всей семьи! Когда почтенный Ду Сянь узнал о благополучном исходе родов, он поблагодарил Небо за оказанную милость и мысленно вспомнил всех своих предков. Мальчик в семье - значит, есть на кого опереться в старости, есть кому продолжить дело отца и, что не менее важно, присмотреть за его могилой, умилостивив душу усопшего запахами жертвенного вина и мяса! Господину Ду Сяню лишь недавно исполнилось тридцать, и он вовсе не спешил умирать, но со всей серьезностью истинного китайца заботился о своем посмертном существовании. Как и все его соотечественники, он верил, что, попадая в загробный мир, душа человека продолжает испытывать потребность в пище, заботливом уходе п даже материальном достатке, а кто, кроме родных детей, сумеет со всей надлежащей строгостью выполнить погребальный обряд, похоронив вместе с умершим его любимые вещи, глиняные фигурки слуг и животных, а в день поминовения предков принесет на могилу жертвенную утварь! Словом, господин Ду Сянь неспроста гордился новорожденным - продолжателем славного рода Ду. Малыш будет

учиться, сдаст императорские экзамены, поступит на службу и, быть может, станет таким же знаменитым, как генерал Ду Юй, живший за тринадцать поколений до него, или унаследует талант своего деда Ду Шэньяня, известного поэта, широко образованного человека.

Этих двух предков господин Ду Сянь особенно чтил. Генерал Ду Юй застал еще времена, в китайской периодизации получившие название Троецарствия. После заката могущественной династии Хань (206 год до н. э. - 220 год н. э.) страна разделилась на три враждующих царства - Вэй, У и Шу, которые постоянно сталкивались в войнах. Пехотинцы в доспехах, закованные в латы конники разили друг друга мечами. Бунчуки и знамена трепетали на древках, вздымалась пыль под боевыми колесницами, горели рисовые поля. Однако и в это тревожное время не было предано забвению письменное Слово, завещанное китайскому народу одним из его мифических прародителей, императором Фуси (согласно легенде Фуси изобрел письменность, созерцая линии на панцире черепахи), и поэты эпохи Троецарствия, по выражению тогдашних знатоков стиха, расстилали на шелке волшебный узор изящной словесности. Среди них особенно прославились «три Цао» - Цао Цао, Цао Чжи и Цао Пи. Эти поэты, воспевавшие воинские подвиги, мечты о бессмертии и веру в могущество слова, с одинаковым искусством держали меч и кисть, вот и в Ду Юе сочетались два начала - образованности и воинского духа. Его характер - прямой и честный - словно бы выровняли по плотницкому угольнику, как любили говорить философы, рассуждающие о свойствах человеческой натуры. Генерал Ду Юй оставил о себе добрую память, и народ слагал о нем песни. Женатый на знатной принцессе, он занимал высшие военные и гражданские посты в государстве Вэй. При этом он отличался большой ученостью, хорошо знал законы, строительное дело, разбирался в хозяйственных премудростях, умел вести астрологические расчеты, а его толкование памятника «Комментарий Цзо» считалось образцовым.

Храбрый генерал похоронен на фамильном кладбище у подножия горы Шоуян, где находятся могилы и других представителей рода. Если Ду Юя позволительно сравнить с могучим стволом родословного древа Ду, то его ветви как бы охватывают четыре последующих столетия. Четыре долгих века простояло это древо, открытое всем ветрам истории, и его ветви жгли молнии, палили пожары, сушил мороз. В 265 году страна объединилась под властью династии Цзинь, но период мира был недолгим: в самом начале IV века нашествие степных кочевников

разделило Китай на север и юг. Потомки Ду Юя бежали из долины Хуанхэ в Сянъян - город на юге Китая. Сянъянские Ду прочно обосновались на новых землях, построили дома, разбили сады и огороды. На всех должностях - от уездных чиновников до областных губернаторов - верой и правдой служили они отечеству, хотя не их вина в том, что времена Северных и Южных, династий не отличались устойчивостью: угроза вторжения кочевников, крестьянские бунты, дворцовые заговоры и казни создали этим векам репутацию смутного времени. Многие представители знати перестали «отличать правду от лжи, истину от заблуждения», как говорилось в древности, но семейство Ду сохраняло связь с вековыми традициями, заботилось о своем добром имени. Доклады вышестоящим властям, поездки по окраинным землям, разборы жалоб и тяжб, посильная помощь простому люду и стремление предостерегать от ошибок правителей - так складывалась их жизнь, чиновников средней руки. На досуге они любовались хризантемами, желтеющими листьями клена, камнями причудливых форм и маленькими искусственными водопадами. В их домах продолжало звучать поэтическое слово, воспевавшее красоту южных гор, воображаемые «путешествия к небожителям» и дворцовых красавиц.

В 589 году север и юг вновь объединились под властью династии Суй. Предки Ду Фу вместе со всеми своими соотечественниками надеялись на возрождение былой славы и могущества китайской державы, но их надеждам не суждено было сбыться. На троне воцарилась жестокая императрица У, окружившая себя льстецами и казнившая многих честных людей. Опала настигла и семейство Ду, члены которого сумели проявить в это время столь свойственный им дух самоотверженности и благородства. В семейных преданиях сохранились рассказы, вполне отвечавшие древним представлениям о высоких и благородных поступках, и подрастающие поколения, конечно же, слышали эти рассказы. Юные представители рода восхищались мужеством своих предков, не забывавших ДРУГ друга в беде. Не только мужчины, но и женщины участвовали в борьбе с жестокой императрицей. Не только взрослые, но и дети мстили за расправы и казни. Когда в тюрьму попал Ду Шэньяиь, его пятнадцатилетний сынишка бросился с кинжалом на сановника, отдавшего приказ об аресте, и погиб от мечей стражников. Сановник, вскоре скончавшийся от ран, перед смертью произнес фразу, которую часто повторяли в семье Ду Фу: «А я и не знал, что у Шэньяня такие преданные дети!» Ду Шэньяня выпустили из тюрьмы, и он благополучно пережил мрачные годы императрицы

У. Как поэт он находился в зените славы и, не склонный преуменьшать свои заслуги, считал, что ему нет равных среди стихотворцев. Кто еще сочинит стансы, в которых единая рифма выдерживается более чем на сорок строк! Подобное умение сродни искусству художника, заботливо выписывающего мельчайшие детали своей картины, или мастерству музыканта, играющего сразу на нескольких инструментах. Уверенность Ду Шэньяня в собственном даре соответствовала не только складу его натуры, но и веяньям времени. Надвигалась новая эра, и каждый чувствовал себя сильным в сильном государстве.

Мудрецы древности самым благим предзнаменованием для страны считали появление единорога - цилиня - фантастического существа, которого воображение китайцев наделяло чертами дракона, лошади и носорога. Мелькнет его тень в неясной дали, забрезжит в туманной дымке, и во все концы несется молва о наступлении золотого века. Единорог - значит конец войнам и междоусобицам, конец бедствиям и разрухе, начало мира и благополучия. И хотя эти чаяния не всегда сбывались, вера в предзнаменования - солнечные затмения, падение метеоритов, звездные дожди - оставалась прочной и непоколебимой. Вот и е того самого 618 года, когда в стране воцарилась могущественная династия Тан, сменившая свою предшественницу династию Суй, членам семейства Ду часто снится волшебный цилинь. Он стоит, упершись копытами в скалистый утес, чешуя ослепительно сверкает на солнце, из ноздрей вырывается пар, и заостренный рог победоносно упирается в самое небо. Не предсказывает ли это золотой, век? А может быть, золотой век уже наступил и волшебный цилинь возвещает об этом? Не случайно же первый танский правитель избрал своим девизом слова «Доблесть и совершенство»! Действительно, степные кочевники покорены, и их воинственные набеги не грозят больше китайской державе. Гонцы на взмыленных скакунах каждый месяц приносят вести о победах танских полководцев, которые разбивают походные шатры и палатки все дальше от родных границ. Правители сопредельных стран спешат присягнуть на верность Срединной империи, и их послы доставляют ко двору редких тропических животных, причудливые растения, заморские диковинки, а придворные художники торопятся перенести их изображение на шелк, чтобы император мог обозревать на досуге сокровища своих кладовых.

Во всех областях Поднебесной наведен порядок. Правители отдаленных провинций беспрекословно подчиняются императорским указам,, налоги своевременно поступают в казну, и каждый крестьянский двор обрабатывает два выделенных ему

участка земли - один в наследственное, а другой - во временное владение. За эту землю крестьянин расплачивается с государством зерном, а также продуктами домашнего ремесла и отработкой на государственном поле. Принимаются и денежные платежи - если крестьянин продает урожай на рынке. Благодаря системе «надельного землепользования» в деревнях укрепляется слой зажиточных крестьян - так называемых «добрых хозяев», основной опоры империи. Законодательство прочно прикрепляет крестьян к земле - беглых вылавливают и возвращают в деревню. Традиционная круговая порука между крестьянами служит дополнительным средством контроля: один отвечает за всех, а все за одного. Ремесленники и купцы также платят государству большие налоги, которые идут на содержание императорского двора, армии и чиновничества. Наибольшими привилегиями при дворе пользуется наследственная аристократия, владеющая обширными поместьями в разных концах страны. Доходы от этих поместий позволяют аристократам вести праздный образ жизни, соревнуясь в верховой езде и стрельбе из лука, устраивая пышные выезды на охоту и «прогулки среди гор и вод». На зеленых лужайках аристократы, сидя верхом на лошадях, играют в мяч, изогнутыми клюшками, концы которых имеют форму полумесяца, забивая голы в сетчатые ворота. Они лакомятся устрицами и крабами, фисташками и оливами и наряду с традиционным вином пьют чай, постепенно входящий в моду. В тиши кабинета, окутанного дымом курильниц, склоняются над шашечной доской. Слушают игру на цитре и любуются свитками старинной живописи.

Конечно, подобная праздность - это высшая привилегия, служилое чиновничество, к разряду которого принадлежит и семейство Ду, вряд ли может себе ее позволить. Так же, как и раньше, потомки Ду Юя заправляют делами в городских и уездных управах, составляют бумаги, инспектируют строительство дамб и общественных зданий, совершают далекие служебные поездки. Чиновников в стране не так уж много - полтора процента от всего населения, и поэтому каждому приходится стараться не за страх, а за совесть. Особенно чиновникам низших разрядов и классов (всего этих разрядов - девять, а классов - тридцать), к которым и принадлежат члены семейства Ду. Их дорожное платье вечно покрыто пылью, туфли на ногах стерты и изношены до дыр. Часто из-за обилия срочных дел им приходится ночевать в управе, и они засыпают над бумагами коротким и тревожным сном, чтобы наутро вновь растереть тушь и взять в руки кроличьи кисти. Правда, по танским законам чиновники освобождаются от налогов, но это не

слишком большое вознаграждение за изнурительную работу. Лишь с тяготами воинской службы можно сравнить труд мелкого чиновника, а воин в Китае - это тот же крестьянин. Недаром те, кто несет службу в далеких пограничных гарнизонах, сами обрабатывают землю и сеют рис, а по сигналу тревоги берутся за оружие.

УТРО В ДОМЕ ГОСПОДИНА ДУ СЯНЯ

Раннее утро. В доме господина Ду Сяня готовятся к первой трапезе, слышен плеск воды в ручных умывальниках, на кухне звенит посуда, в печи полыхает огонь, шипит масло на сковородах и доносится запах жареного. Служанки убирают в сундуки постели, проветривают комнаты, стирают пыль с мебели. Во дворе кричит горластый петух и лают собаки. Маленький Ду Фу, уже причесанный и одетый, открывает раздвижные двери комнаты, в которой он спал, и идет по дому. Множество самых разных предметов вызывает его любопытство, и он тянется к низкому резному столику с чайными принадлежностями, долго смотрит на топчан с фарфоровым изголовьем, рассматривает украшенные рисунком ширмы, тростниковые циновки, устилающие пол, и заклеенные прозрачной бумагой окна. На переплетах окна покачивается тень бамбука, растущего перед домом. Солнечные лучи проникают сквозь бумагу, отражаются в бронзовом зеркале, лежащем на туалетном столике, в приподнятой крышке лаковой шкатулки, в которой хранятся оставшиеся после матери вещи - длинные заколки для волос, костяной гребень, румяна и пудра. Отец не разрешает Ду Фу прикасаться к этим вещам, но сам часто берет их и тяжело вздыхает. После этого он ведет сына к поминальным табличкам, на одной из которых начертано имя матери, и читает вслух стихи:

Ступени у входа
не знают следов привычных,
Но в роще деревья
как будто хранят твой взгляд...

Многое в доме напоминает о почтенной госпоже Ду и словно бы хранит ее добрый взгляд и улыбку. Госпожа Ду умерла несколько лет назад, когда ее первенец еще не умел ходить, и потому Ду Фу не помнит матери. Лишь рассказы отца и погребальный портрет, написанный здешним художником, помогают ему представить ее облик, но отец рассказывает о ней

не так уж часто, а портрет чем-то отпугивает мальчика. Изображенная на нем женщина кажется чужой и незнакомой, настолько сухи и безжизненны черты ее лица, бесцветны глаза, мертва улыбка. Погребальный портрет похож на страшную маску, которыми пугают детей бродячие циркачи и фокусники, поэтому Ду Фу старается подолгу не оставаться у поминальных табличек - его влекут другие уголки дома. Например, парадная комната, где отец обычно принимает гостей. Эта комната застелена лучшими циновками, обшитыми узорной тканью, украшена высокими ширмами, дорогой посудой, аквариумами с рыбками, а для особо почетных гостей даже куплено несколько стульев, к которым обитатели дома еще не успели привыкнуть, потому что стулья лишь недавно появились в обиходе знатных семейств. В доме принято по-прежнему сидеть на полу, поджав под себя ноги, но маленький Ду Фу любит забираться на стул, такой высокий, что кажется, будто находишься на вершине горы. Правда, взрослые редко позволяют ему сидеть на стуле: во-первых, они опасаются, что мальчик может упасть, а во-вторых, они ревностно следят за порядком в парадной комнате, и каждое утро служанки здесь с особой тщательностью выбивают циновки, протирают от пыли фарфоровые вазы на лаковых столиках и возжигают благовония в бронзовых курильницах. От Ду Фу требуется много изобретательности, чтобы ускользнуть из-под надзора служанок и вскарабкаться на стул, а если это все же не удается, он тайком отправляется в другой уголок дома, где тоже немало интересного, - в кабинет отца.

В кабинете - залежи книг. Ду Фу не раз доводилось видеть, как отец достает из футляров накрученные на сандаловые палочки свитки, благоговейно разворачивает их и читает нанесенные на золотисто-желтую бумагу значки. Ду Фу не знает, что они означают, но ему необыкновенно нравится сам вид этих значков, а также запах благовоний, пропитывающих бумагу, костяные застежки на футлярах и блеск хрустальных наконечников на сандаловых палочках. Загадочные значки кажутся ему похожими то на тигриные когти, то на луковицы, то на изъеденные гусеницами листья. Когда-нибудь отец расскажет Ду Фу, что именно так называются различные стили написания иероглифов - «письмо тигриных когтей», «письмо упавших луковиц» и «письмо листьев, изъеденных червями», а пока господин Ду Сянь лишь издали показывает ему свои книги, не позволяя брать их в руки. Так же бережно относится он и к другим принадлежностям «кабинета ученого» - кистям из кроличьей шерсти, изящно отделанным тушечницам и пластинкам застывшей туши. Ду Фу любит смотреть, как отец

откалывает кусочек туши, растирает ее на специальном камне, смачивает водой, а затем окунает в нее кисть и быстрыми движениями пишет иероглифы. Прямая черта... наклонная черта... точка... причудливый крюк, и вот уже столбцы иероглифов заполняют лист бумаги справа налево. Выглядывая из-за плеча отца, Ду Фу испытывает чувство восхищения и зависти. Неужели когда-нибудь и он сумеет писать иероглифы! Ему хочется, чтобы этот желанный миг наступил скорее, от нетерпения он тянется к руке отца, сжимающей кисть, и тот сажает на бумагу большую кляксу. Господину Ду Сяню приходится взять новый лист бумаги, а сына выпроводить из кабинета. Грустный и обиженный, Ду Фу отправляется на женскую половину дома, надеясь там найти себе развлечение.

На женской половине все утопает в запахах: и лаковые коробочки на туалетных столиках, и цветы в фарфоровых вазах, и бронзовые курильницы, в которых тлеют угольки сгоревших благовоний. Попавшему сюда может показаться, будто он дышит не воздухом, а нектаром. Это ощущение возникает оттого, что даже стены и перегородки комнат пропитаны благовониями, женщины прячут в складках одежды мешочки с ароматическими веществами, принимают горячие ароматизированные ванны и разговаривают друг с другом не иначе, как держа во рту кусочки душистого мускуса или алоэ. Ду Фу, конечно же, нравятся приятные запахи, и он с удовольствием останавливается возле цветочных ваз, коробочек с бальзамами и эссенциями и засовывает палец в пасть бронзового льва, из которой тянется синеватый дымок. Комната матери закрыта - в ней никто не живет, и Ду Фу лишь заглядывает туда сквозь щелку. За опущенными занавесками царит полумрак, едва слышно звенит сверчок, забравшийся в невидимую щель. Ду Фу становится грустно, и он бежит в комнаты, где живут его бабушка, тетушки и другие родственницы по линии отца. Любопытство мальчика вызывают пятнистые тигриные шкуры, навесы и пологи, украшенные перьями зимородка, разноцветные опахала и веера. Все это интересно потрогать и подержать в руках, хотя у тигриных шкур такой угрожающий вид, что к ним лучше не приближаться. Зато хранящуюся в узорном футляре цитру Ду Фу без всякой опаски берет в руки и самозабвенно колотит по струнам, воображая, будто из-под его пальцев рождается мелодия. Домашние же затыкают уши от его игры и торопятся отобрать инструмент. «А что, если маленький господин отправится погулять во двор?» - говорит малышу одна из служанок.

Во дворе он охотится за бабочками, разглядывает свое отражение в зеленоватой воде пруда и прячется от няньки в

зарослях бамбука. Ему хорошо и весело. Хотя внутренний дворик усадьбы совсем невелик по размерам, Ду Фу он представляется огромным дремучим лесом. Таким огромным и таким дремучим, что можно заблудиться. Поэтому, прячась от няньки, Ду Фу все же заботится и о том, чтобы нянька сумела его найти, и, стоит ей сбиться со следа, нарочно высовывается из зарослей, раскачивает стебель бамбука или бросает ей под ноги маленький камушек. Если и после этого она не находит его, тогда он сам бежит к няньке, берет ее за руку, и они вместе продолжают прогулку, минуют колодец с журавлем, поленницу дров и кухню. На кухне готов завтрак, и толстый повар с подвернутыми рукавами халата моет под струей воды ножи и ополаскивает сковороды, на которых жарилось мясо. Огонь уже потух, и в печи догорают угли. Служанки относят в дом блюда с молодыми побегами бамбука, вареными овощами, соевым творогом и приготовленными на пару хлебцами. Старый дворовый пес, свесив язык, сидит поодаль от кухни, дожидаясь подачки. Повар бросает ему кость, и он жадно ловит ее на лету. Ду Фу от радости хлопает в ладоши: ему нравится смотреть, как пес грызет свою кость. Мальчик и сам не прочь отведать чего-нибудь вкусного, но нянька говорит, что скоро их позовут завтракать, а пока они устраиваются в беседке рядом с колодцем. Нянька показывает на постройки в углу двора, объясняя их предназначение: в амбаре хранится зерно, в загоне содержат домашний скот. Обо всем этом маленькому господину необходимо помнить, ведь после отца он станет главою дома. Но Ду Фу слушает невнимательно и больше поглядывает на высокую стену, окружающую двор и усадьбу. Из-за стены доносятся голоса прохожих, крики уличных торговцев, скрип рассохшихся колес. Там - совсем иной, незнакомый мир, и Ду Фу хочется поскорее узнать, что же его ждет за стеною родного дома?

ТЕТУШКА ПЭЙ ВОСПИТЫВАЕТ ЛЮБИМОГО ПЛЕМЯННИКА

По улицам древнего Лояна, Восточной столицы империи (Западной столицей считался город Чанъянь), мимо строгих старинных зданий, торговых лавок, буддийских храмов, пристаней и мостов катится пропыленная коляска, запряженная парой лошадей, в которой восседает господин Ду Сянь, а с ним рядом - маленький Ду Фу, одетый в дорожное платье. Тут же, в сундуках, уложены его вещи - домашнее платье, любимые игрушки, всякая мелочь. Малыш вертит головой в разные стороны, приподнимается на сиденье и вытягивает шею - ведь это его первое путешествие! Отец сказал, что они навестят тетушку

Пэй - что ж, очень хорошо! Можно будет поиграть с двоюродным братом и вдоволь набегаться по саду! Тетушку Пэй уважают в семье за удивительную доброту и бескорыстие, и она, конечно же, встретит их как самых дорогих гостей. Только почему отец такой грустный, тяжко вздыхает и старается покрепче обнять Ду Фу? Неужели он боится, что сын от любопытства вывалится из коляски! Или причина не в этом? Впрочем, Ду Фу некогда задумываться и строить предположения - вокруг так много интересного! По обочинам движется пестрая толпа прохожих: зонтики, веера, высокие прически, заколотые шпильками, напоминают весенних стрекоз и бабочек, порхающих среди цветов. Мимо проносятся всадники на лошадях, знатные вельможи с надменными лицами выглядывают из-за занавесок паланкинов, а их слуги гортанными голосами разгоняют толпу: «Дорогу! Поберегись!» На перекрестках торгуют фруктами и цветами, разносчики продают с лотков чистую ключевую воду, а рядом в харчевнях пекут лепешки, ощипывают кур, разделывают мясо и рыбу, варят чай в бронзовых котлах, добавляя имбирь или душистый перец. Торговцы и лавочники зазывают покупателей, раскладывают перед ними дорогие меха, разворачивают парчу и тончайший лоянский шелк, просвечивающий на солнце, словно облачная дымка. Мерцают свечи в буддийских кумирнях и чужеземных Храмах Священного Огня. Под Мостом Небесной Переправы скользят лодки, отражаются в воде паруса, и древний Лоян со стороны реки кажется еще прекраснее...

Вот и Ворота Ранней Весны, за которыми находится Квартал Благодатного Ветра, где живет добрая тетушка Пэй со своим сыном. Их дом не из самых богатых, но в нем есть все, что нужно людям со скромным достатком и возвышенными устремлениями. Сад для прогулок, беседка для размышлений, чайная комната, библиотека - повсюду безукоризненная чистота и порядок, в каждом уголке дома тишина и покой. Госпожа Пэй встретила гостей с подобающим достоинством и, обменявшись с ними церемонными поклонами, позвала слугу. Слуга отнес их вещи в комнату, показал, где умыться с дороги. Господину Ду Сяню он предложил до обеда выпить чашку чаю, а маленького Ду Фу угостил грушей. Никогда мальчик не ел таких сладких груш, какие росли в саду госпожи Пэй: наверное, даже волшебный персик долголетия не мог быть вкуснее. За обедом тетушка держалась весело и непринужденно, хотя порою ею овладевала минутная задумчивость, и Ду Фу ловил на себе внимательный и изучающий взгляд тетушки. Рядом с ней на циновке сидел худенький большеголовый мальчик и палочками ел рис - это был двоюродный брат Ду Фу. Мальчик украдкой поглядывал на гостя,

а Ду Фу тихонько выстреливал в него зернышками вареного риса. После обеда тетушка Пэй и отец остались в комнате, а братья принялись носиться по саду, прыгать через ручей и скакать на деревянной лошадке. Затем они принесли небольшую бронзовую статую будды и принялись обливать ее водой, изображая обряд омовения. Обоим нравилась эта игра, и они не услышали, как Ду Фу позвали в дом. Господину Ду Сяню пришлось самому выйти во двор за сыном. Когда Ду Фу вернулся в комнату, тетушка Пэй встала ему навстречу, обняла и прижала к себе. «А что, если ты поживешь немного здесь? Ведь тебе весело вдвоем с братом», - сказал отец и посмотрел на тетушку. «Я научу тебя читать и писать. Ты станешь таким же умным и образованным, как философ Мэнцзы», - добавила она, и Ду Фу понял, что его оставляют. Действительно, на следующее утро отец уехал, а Ду Фу, проснувшись, увидел перед собой новые стены и вещи, новые лица людей. Так он оказался в Лояне, и госпожа Пэй надолго стала его наставницей.

Она искренне жалела Ду Фу, ведь бедному мальчику столько довелось испытать! После смерти матери отец женился вторично - на женщине из рода Лу. Мачеха Ду Фу обладала многими добродетелями: заботилась о муже, расчетливо вела хозяйство, соблюдала все посты и обряды, но при этом она не сумела всем сердцем полюбить Ду Фу. Как она ни старалась, а мальчик оставался для нее пасынком. Недаром в древности кровных родственников сравнивали со стеблем и ветками, а чужой сын - чужая ветка, и приживить ее почти невозможно. Не потому ли Ду Фу и отправили в Лоян? Впрочем, судить трудно, и причины могли быть иными. Хотя на похоронах матери Ду Фу и свадьбе отца собирались толпы гостей, семья переживала далеко не лучшие времена. Среди живущих ныне Ду, к сожалению, нет второго генерала Ду Юя или прославленного стихотворца Ду Шэньяня, а когда подгнивают опорные балки, то и весь дом теряет прочность. Не имея надежной опоры и покровительства, на чиновничьем поприще особо не продвинешься, а потомки Ду Юя и Ду Шэньяня не мыслили для себя иных занятий, кроме государственной службы. Принадлежность к древнему роду Ду заставляла их презирать ремесло торговца, купца или ростовщика, с воцарением династии Тан становившееся все более прибыльным. В семье Ду Фу было не принято произносить вслух слово «деньги», но монет в кошельке от этого не прибавлялось. Поэтому стоит ли удивляться, что маленький Ду Фу оказался вне дома! Возможно, за ним попросту некому присмотреть или он сам отбился от рук. Так или иначе, госпожа Пэй сделает все для осиротевшего племянника. Мальчик родился не слишком

здоровым, легко ранимым и впечатлительным, поэтому главное - окружить его теплом и лаской. Пусть он чувствует себя словно в родной семье и поменьше скучает о доме. Тогда можно будет взяться и за его воспитание.

Конечно, госпожа Пэй мечтала видеть племянника таким же прямым и честным, как генерал Ду Юй, а для этого существовала целая наука о воспитании, предназначенная для детей чиновников и аристократов, - всевозможные советы и наставления, умелое применение которых превращало даже непослушного ребенка в «благородного мужа». Точно так же, как плотницкий угольник, циркуль или отвес помогали обрабатывать дерево и камень, мудрое воспитание выравнивало и выпрямляло человеческие характеры. Необузданных и вспыльчивых делало мягкими и уступчивыми, трусливых и робких - смелыми и отважными, алчных и жадных - щедрыми и добрыми. Оно приучало к учтивости, деликатности и хорошим манерам. Не усвоить хотя бы начальных навыков воспитания считалось равнозначным тому, чтобы остаться перед людьми босым или с непокрытой головой: для любого китайца это было высшим позором. Поэтому с приездом племянника госпожа Пэй еще раз перечитала наставления мудрецов и вспомнила назидательные притчи, необходимые в домашней педагогике. В одной из притчей рассказывалось о неразумном крестьянине, которому хотелось поскорее получить урожай риса, и он стал от нетерпения поддергивать слабые колоски. Урожай безвозвратно погиб, и крестьянин не получил ничего, - наглядный урок всем нетерпеливым и не умеющим ждать! Госпожа Пэй, конечно же, никогда так не поступит: она будет бережно и осторожно выращивать в душе маленького Ду Фу ростки доброты и любви.

Детское сердце - самое чистое и доброе (с этим согласились бы все мудрецы и философы), и Ду Фу по своим задаткам не отличался от сверстников. Правда, по наблюдениям госпожи Пэй, Ду Фу становится немного похожим на деда Ду Шэньяня. Он тоже не прочь по-мальчишески прихвастнуть своей силой и ловкостью, хотя каждому видно, что силачом ему никогда не быть. Слабенький и тщедушный, Ду Фу едва подтягивается на суку дерева, но это не мешает ему воображать себя храбрецом и героем. Недаром он в таком восторге от бурных и воинственных танцев, которым китайцы научились у жителей пограничных степей. Госпожа Пэй не слишком одобряет этот восторг - ей не по вкусу воинственные степные танцы (и особенно варварский обычай танцующих раздеваться на лютом морозе и брызгать себя ледяной водой), но отрезвить Ду Фу пока не удается. Стоило ему однажды увидеть знаменитую на весь Китай танцовщицу Гунсунь

(это произошло на улицах города Яньчэна), и он долго не мог забыть ее танец. Зрелище и в самом деле было захватывающим. Прославленная Гунсунь танцевала в воинских доспехах, с обнаженным мечом в руке, в шляпе из черного каракуля. Когда она кружилась в танце и рассекала воздух мечом, казалось, поднимался грозный вихрь. Уличная толпа замирала от страха, перед глазами зрителей вставали картины исторических сражений, а сама Гунсунь выглядела суровой и неустрашимой воительницей. Это-то и поразило воображение мальчика, стремившегося ко всему героическому. Откуда же тут взяться скромности - мечта о подвигах требовала веры в себя, и не вина Ду Фу в том, что эта вера подчас граничила с самоуверенностью. Ребенок - не взрослый, и он с одинаковой искренностью отдается стремлениям к дурному и хорошему.

Если наивные заверения Ду Фу, что он станет непобедимым воином, подчас вызывали у госпожи Пэй снисходительную улыбку, то его дерзкая вера в свой поэтический дар воспринималась более серьезно. В семилетнем возрасте Ду Фу написал стихи о волшебной птице Фениксе - стихи вполне законченные и зрелые. Знатоки, читавшие их, пощипывали бороды, покачивали головами и восхищенно вздыхали: «Поистине этот ребенок получил поэтический дар от Неба!» Госпожа Пэй и сама удивлялась, с каким искусством и поэтической сноровкой семилетний мальчик выразил мысль о том, что волшебный Феникс, так же как единорог-цилинь, предвещает мир и благополучие. В девять лет Ду Фу поразил ее успехами в каллиграфии: она лишь показала ему приемы написания больших иероглифов, и вскоре он опередил в этом свою наставницу. Госпожа Пэй невольно залюбовалась иероглифами, выведенными рукой Ду Фу, а затем отобрала лучшие из них и сложила в специальную сумку. Для мальчика это было высшей похвалой: он понял, что к его упражнениям относятся со всей серьезностью, и отныне мечтой Ду Фу стало доверху наполнить сумку большими иероглифами. Госпожа Пэй поддерживала это стремление, но в то же время оставалась самым строгим судьей, и если иероглиф заваливался набок, расползался, словно подтаявший снежный ком, или казался похожим на сорочье гнездо с торчащими во все стороны ветками, она зачеркивала его и бросала в корзину. Ду Фу старался изо всех сил, чтобы сумка наполнилась быстрее корзины. Увлеченный каллиграфией, он забывал об играх,- целыми днями растирал тушь и склонялся над учебным столиком. Пальцы и ладони у него были перепачканы тушью, на одежде красовались кляксы, но он снова и снова проводил «прямые», «наклонные» и «откидные», от усердия грызя кончик

кисти и закопченными щипцами снимая нагар со свечей. Тетушка Пэй, конечно же, написала об успехах мальчика его отцу, но ответ не слишком порадовал ее. Господин Ду Сянь благодарил ее за заботу о сыне, но в то же время сообщал о решении отдать его в школу. Ду Фу взрослеет, и ему пора браться за изучение классических книг, толкующих об искусстве управления государством, о долге правителя перед подданными и подданных перед правителем, о сыновней почтительности, уважении к старшим, искренности и взаимной любви. Только освоив эти книги, Ду Фу сможет стать «благородным мужем» и получить должность чиновника. А кроме того, оп нуждается в обществе сверстников - хватит ему, словно неоперившемуся птенцу, прятаться под крылом у тетушки. На волю, на воздух! Так писал в ответном письме господин Ду Сянь - писал уже не в первый раз, и госпожа Пэй понимала, что ей предстоит расстаться с мальчиком. Она давно готовилась к этому, но, провожая в дорогу своего воспитанника, не удержалась от слез. За годы, проведенные в ее доме, Ду Фу стал ей вторым сыном: она особенно остро ощутила это, похоронив собственного сынишку. Когда Ду Фу и его двоюродный брат серьезно заболели, встревоженная мать пригласила знахаря - сморщенного старичка с гадательными принадлежностями в котомке, и тот указал место, куда следовало положить больных. По словам знахаря, взаимодействие могучих сил Инь и Ян в этом месте дома создавало благоприятные условия для лечения тяжелой болезни. Госпожа Пэй не знала, верить этому или нет, но знахарь так настойчиво убеждал ее, что она решила попробовать. К несчастью, указанное им место было слишком маленьким и две кровати туда не помещались. Госпоже Пэй предстояло выбрать между Ду Фу и собственным сыном, и она не колеблясь выбрала Ду Фу. Не потому ли ее сынишка умер, а племянник выздоровел и остался жить? Ду Фу тогда был слишком мал, чтобы понять, какой ценой досталось выздоровление, и госпожа Пэй не рассказывала ему о своем выборе. Пусть расскажут другие - ей трудно подобрать слова, чтобы выразить свои сокровенные чувства. Но после смерти сына она еще сильнее привязалась к Ду Фу.

Поэтому так тяжела была разлука и такой горькой казалась дорожная пыль, скрывавшая от глаз любимого племянника. Утешала госпожу Пэй лишь надежда на то, что Ду Фу будет навещать ее и присылать письма. Так оно и случилось - он еще не раз возвращался в Лоян, в Квартал Благодатного Ветра, где его встречала тетушка. Она удивлялась его успехам: Ду Фу целыми страницами читал наизусть классические книги, а листки бумаги с его иероглифами уже не помещались в сумке. Показывал он и

новые стихи-о луне, о цветах, о «горах и водах». Рифмы в этих стихах были такими звонкими, сравнения такими отточенными, что госпожа Пэй лишь разводила руками от удивления. Она познакомила племянника с лоянскими ценителями искусства, коллекционерами живописи и поэтами - господами Ци Ваном, Ли Фанем и Цуй Ди, и, несмотря на разницу в возрасте, Ду Фу очень скоро нашел с ними общий язык. Тетушка Пэй заметила, что с людьми старшего возраста ему было даже интереснее, чем со сверстниками, и он мог целыми днями беседовать с ними о живописи, о каллиграфии и читать стихи. Господа Ци Ван, Ли Фань и Цуй Ди восхищались стихами Ду Фу и единодушно предсказывали ему большое будущее. Они уверяли госпожу Пэй, что ее племянник вскоре затмит своего деда Ду Шэньяня и воспарит над другими поэтами, как Феникс, воспетый им в детстве. Госпожа Пэй гордилась этими пророчествами. На всякий случай сама она не слишком расхваливала Ду Фу, но в глубине души верила, что ее племянник в будущем станет большим поэтом и люди повсюду будут повторять его строки.

Однажды приезд Ду Фу совпал со знаменательным событием: сам император Сюаньцзун с многочисленной свитой прибыл в Лоян, чтобы совершить обряд жертвоприношения у священной горы Тайшань. Древняя столица словно бы ожила и преобразилась с прибытием императора. На улицах замелькали парадные экипажи чиновников, торговцы разложили на прилавках лучшие товары и даже стали щедрее на милостыню, подавая мелкую монету нищим и бросая куски бродячим собакам. По случаю торжественных событий тетушка Пэй надела лучшее платье, украсила себя драгоценностями и так обильно окропила духами, что над ней тучами носились бабочки и пчелы, влекомые сладким запахом. От соседей она узнала, что в городе остановился певец Ли Гуйнянь, знаменитый не меньше, чем танцовщица Гунсунь, и госпожа Ци Ван, Ли Фань и Цуй Ди устраивают у себя его выступление. На следующий день госпожа Пэй и ее племянник получили приглашение на концерт певца. И вот в комнатах зажгли ароматные свечи, расстелили лучшие циновки, поставили вино и угощение, а на небольшом возвышении приготовили место для артиста. Гости рассаживались согласно чинам и рангам: впереди - самые богатые и знатные, затем - остальная публика. Ду Фу досталось местечко в дальнем углу комнаты, но он хорошо видел, как Ли Гуйнянь поднялся на возвышение, сел и положил на колени цитру, перебирая струны и как бы вслушиваясь в зарождавшуюся мелодию...

Сколько песен знал Ли Гуйнянь - и древних, и нынешних, и

китайских, и пришедших с далекого Запада! Эти песни сочинялись в деревнях и городских кварталах, звучали в лодке под камышовым парусом и в крестьянской телеге, их пели сборщицы коконов шелкопряда, валившие лес дровосеки и воины на далеких границах. Сочиненные безымянными певцами, эти песни попадали в дворцы правителей. Когда Ли Гуйнянь под плавный аккомпанемент цитры запел «Радужную рубашку, одеяние из перьев», все зааплодировали и почтительно приподнялись с мест, узнавая любимую мелодию императора Сюаньцзуна. Ду Фу тоже захлопал в ладоши, порывисто вскочил и помог приподняться тетушке, чтобы подвести ее поближе к сцене. Он впервые слышал такое искусное пение и такую мастерскую игру на цитре. Голос Ли Гуйняня то становился совсем неслышным, как пение цикады осенней ночью, то гремел, словно горный водопад, умноженный тысячекратным эхом. Казалось, что струны сами звучали под пальцами музыканта, а рождавшимся звукам вторили порывы ветра, шум леса и раскаты грома:

Я пью ночной туман, купаюсь в ранних зорях,
Кружусь, кружусь вдали, парю под небесами.
И равный тьме вещей, себя я обретаю.
Не ведая забот, влеком своей судьбой.

Так писал в своей «Оде о цитре» древний поэт Цзи Кан, сравнивавший звучание струн со стоном цапли или трубным криком лебедя, и поистине эти слова относились к Ли Гуйняню. Недаром слушатели просили его петь снова и снова, и концерт закончился далеко за полночь.

ДУ ФУ ОВЛАДЕВАЕТ КОНФУЦИАНСКОЙ НАУКОЙ

Каждый образованный человек в Китае обязан знать имя Конфуция. С давних пор этого человека чтут как величайшего учителя мудрости, подвижника и просветителя, а народная молва причисляет его к лику святых. В честь Конфуция возводят храмы, совершают обряды, а его изображения становятся предметом религиозного поклонения. Дух Конфуция как бы призван охранять семейные устои, поддерживать тепло домашнего очага, заботиться об умножении потомства, исцелять недуги и хвори. Таковы проявления народной веры в Конфуция, но если для простого крестьянина, торговца или ремесленника достаточно склонить колени перед алтарем и помолиться духу Конфуция, то человек образованный должен еще и постигнуть мудрость

классических конфуцианских сочинений. Только тогда он сможет сдать государственные экзамены и получить право на чиновничью должность, ведь в старом Китае конфуцианство неразрывно связано с государственной службой. Управление народом, поддержание порядка в стране, развитие торговли и ремесел основаны на тех нравственных началах, которые были установлены самим Конфуцием. Да и только ли в этом суть! Конфуцианство - это учение, охватывающее все сферы жизни средневекового Китая. Его основная задача - регламентация отношений между «верхами и низами» и за счет этого достижение той меры социальной гармонии, которая возможна при феодальном устройстве общества. Конфуцианцы стремятся подчинить общественную жизнь строгим нравственным нормативам и правилам, заключающимся во взаимной любви между родителями и детьми, долге правителя перед народом, и хотя действительность редко отвечает их идеалам и далеко не все правители выполняют долг перед народом, а сыновья - перед отцами, вера в учение Конфуция остается твердой и непоколебимой. Предки Ду Фу передавали эту веру из поколения в поколение, вот почему и он сам запирается ночью в комнате, опускает бамбуковую занавеску в окне, зажигает свечу и достает с полки «Беседы и суждения» - одну из главных конфуцианских книг.

В доме тишина. Только слышно, как шумит в саду ветер, раскачивая финиковые пальмы, и по улице бродит сторож со своей колотушкой. Водяные часы мерно отсчитывают время. Горит свеча. Как хорошо, что никто не мешает! Ду Фу бережно вынимает из петель костяные застежки, открывает футляр и долго рассматривает книгу, слегка поглаживая ладонью обложку. Какая удивительная судьба! Этот древний трактат составили поколения последователей Конфуция, записавших его высказывания и афоризмы. Во времена одного из самых жестоких китайских императоров - Цинь Шихуана, ненавидевшего Конфуция за проповедь человеколюбия и живьем закапывавшего в землю конфуцианских ученых, «Беседы и суждения» были сожжены в числе других классических книг. Указом императора каждому, кто имел у себя сочинения Конфуция, под угрозой смерти предписывалось сдать их властям. По всей стране запылали костры, уничтожавшие связанные шнурком бамбуковые дощечки с иероглифами - рукописные книги той эпохи. Казалось бы, с учением Конфуция покончено навсегда, но человеческая память оказалась сильнее костров Цинь Шихуана. Конфуцианские ученые, знавшие наизусть «Беседы и суждения», хранили их в памяти до той поры, когда умер Цинь Шихуан и императоры

последующих династий объявили Конфуция величайшим учителем мудрости. Тогда-то текст «Бесед и суждений» был вновь записан, но уже не на бамбуковые дощечки, а на бумагу, изобретенную во времена династии Хань. Так древняя книга пережила своего гонителя и дошла до юного Ду Фу...

О жизни Конфуция известно немногое, и его образ в значительной мере идеализирован традицией. Когда будущий философ появился на свет, возраст его отца приближался к семидесяти, но он по-прежнему обладал большой физической силой. О матери Конфуция ничего не известно, но, вероятнее всего, это была добрая и умная женщина, заботившаяся о правильном воспитании сына. В семье поддерживался строгий патриархальный уклад: может быть, поэтому любимые детские игры Конфуция заключались в том, что он подражал совершению различных обрядов. По отзывам знавших его людей, Конфуций рос не по годам серьезным, самостоятельным, уважающим старших. В 19 лет он женился, и уже вскоре у него родился сын, получивший имя Ли - Карп, потому что один из знакомых прислал молодому отцу в подарок карпа, символ семейного счастья. Нужно было зарабатывать на жизнь, и Конфуций поступил на службу - сначала смотрителем хлебных лавок, а затем смотрителем жертвенных животных. Но уже в это время в нем пробуждается тяга к философским размышлениям и складываются основные идеи будущего учения. Хотя «в своей деревне он выглядел простаком, словно бы не способным сказать ни слова», люди все чаще приходили к нему за советом, за помощью, за добрым словом. В 22 года Конфуций оставил службу и стал учителем мудрости. Всем, кто приходил к нему со связкой сушеного мяса (такова была плата за обучение), он раскрывал смысл древних книг, обрядов и церемоний. Чтобы пополнить свои знания, Конфуций совершил путешествие в столицу Лоян и встретился там с мудрецом Лаоцзы, служившим в должности придворного библиотекаря. Они подолгу беседовали о Небе, Земле и Человеке - трех важнейших первоосновах мира.

Вернувшись в родное царство Лу, Конфуций столкнулся с жестокими придворными распрями, заставившими его бежать в соседнее царство Ци. С этих пор начались скитания. Конфуций мечтал стать советником мудрого государя и от его имени осуществлять свои планы управления народом. Только однажды это удалось - Конфуций недолгое время занимал должность губернатора области и, как рассказывают, сумел навести в ней образцовый порядок. Конфуцианская традиция в идеализированных тонах рисует образ «справедливого губернатора»: добиваясь исполнения своих указов, Конфуций, по

свидетельству древних хронистов, не угрожал, не запугивал, а мягко увещевал, да и сами указы - записанные на бамбуке и скрепленные государственной печатью - были почти не нужны, потому что люди сердцем чувствовали его доброту и заботу. В действительности же все выглядело совсем не так, и мечты Конфуция об идеальном правлении оставались мечтами. После завершения срока службы ему не удалось вновь получить самостоятельную должность, а сановники и князья не прислушивались к его советам. Горечь и досада охватывали Конфуция, все более убеждавшегося в том, что его учение бессильно изменить окружающую жизнь. Непризнанный и одинокий, бродил он по дорогам Китая. Пил простую воду и спал, положив руку под голову. Страдал от нищеты и болезней. Но при этом говорил ученикам: «Заботься не о том, что люди тебя не знают, а о том, что ты не знаешь людей». Правильность - чжэн - была основной чертой его характера.

Конфуций умер в окружении ближайших учеников, вряд ли предвидя дальнейшую судьбу своего учения. В истории человеческой мысли часто случалось так, что идеи, словно семена, долго лежали под слоем почвы, прежде чем прорасти и дать первые всходы. То же самое произошло и с идеями Конфуция: лишь через несколько веков после его смерти семена этих идей взошли на благодатной почве. Императоры династии Хань завершили начатое Цинь Шихуаном объединение страны, и оказалось, что учение Конфуция, не нашедшее себе применения в маленьких раздробленных княжествах, способно стать идеологической опорой единой империи. Почему? Да потому, что оно таит в себе не отрицание, а утверждение единой централизованной власти, и ханьские идеологи очень хорошо это осознавали. За распространение конфуцианских идей взялись уже не странствующие философы, а люди более практической складки - расторопные и энергичные государственные деятели. Они заново отредактировали и прокомментировали конфуцианские книги, составив из них классическое Пятикнижие. Чиновникам всех рангов вменялось в обязанность штудировать конфуцианский канон. Конфуция цитировали в императорских эдиктах, изучали в школе. Конфуцианство стало именно конфуцианством - государственным учением, обязательным для всех. Чему же учил Конфуций? «Учитель сказал: «В пятнадцать лет мои помыслы устремились к знаниям. В тридцать лет я обрел устойчивость в своих устремлениях. Начиная с сорока - уже ни в чем не сомневался. В пятьдесят я познал волю Неба. В шестьдесят мой слух обращался лишь к истинному. В семьдесят я стал следовать желаниям сердца, не нарушая установленных норм». В

этом высказывании перечислены важнейшие для конфуцианства понятия - устойчивость в устремлениях, отсутствие сомнений, познание воли Неба, но можно ли объединить их в одно, поступив по примеру самого учителя, часто предлагавшего ученикам по части предмета составить представление о целом? «Не делай другим того, чего не желаешь себе», - сказал однажды Конфуций, выразив этим свое понимание гуманности и любви к людям.

Ханьские идеологи стремились прежде всего использовать в конфуцианстве то, что отвечало конкретным задачам управления государством, но для самого Конфуция понятия конкретного и общего находились в нерасторжимом единстве. Основная мысль Конфуция в том-то и заключалась, что человек только тогда сможет усовершенствовать мир, когда путем внутреннего самосовершенствования обретет гармонию и целостность внутри себя. Иными словами, человек совершенен лишь в любви, а любовь дарит радость общения с ближним. «Учитель сказал: «Знание истины нельзя сравнить с любовью к ней, любовь нельзя сравнить с радостью». Без любви к людям, без живого и трепетного тепла этой любви теряли смысл понятия долга, справедливости, сыновней почтительности. «Цзыю спросил о сыновнем послушании. Учитель ответил: «Ныне почтительностью к родителям называют способность их прокормить. Но возьмите собак и лошадей - их ведь тоже кормят! И если к родителям нет чувства почтительности, то в чем же разница!» Доброта и любовь, по мысли Конфуция, были всеобщим законом человеческого бытия, установленным самим Небом. Нарушение этого закона, считал философ, могло вызвать наводнение, засуху, солнечное затмение. «Узоры Неба» (облака, радуга, кометы и звезды), словно некие космические письмена, служили для его последователей провозвестниками правды, и люди судили по ним, не потерян ли великий Путь, не нарушено ли равновесие между добром и злом.

Конечно, взгляды Конфуция во многом утопичны, но в то же время они не были полностью оторваны от реальной жизни. Наделяя безграничной властью и могуществом Небо, он, по словам учеников, избегал вести беседы и выносить суждения о чудесах, духах и сверхъестественных силах. Почему? Не верил в их существование? Нет, из дальнейших рассуждений Конфуция следует, что он верил в сверхъестественные силы, и было бы большой ошибкой назвать его атеистом. Но учение Конфуция направлено на то, чтобы человек достойно и счастливо проявил здесь, на земле, а не в потустороннем мире. Конфуций сознательно ограничивал себя вопросом, что такое реальная человеческая жизнь и как ее разумно устроить. «Осмелюсь спросить, что такое смерть?» - обратился к нему ученик, и

Конфуций ответил: «Не зная, что такое жизнь, откуда мы можем знать, что такое смерть!» Человеческая жизнь во всем ее многообразии притягивала наподобие магнита мысли Конфуция. Противники учения часто изображали философа сухим и бесстрастным книжником, чуждым всякой поэзии, но на самом деле Конфуцию было свойственно живое восхищение миром. Следует с полным доверием отнестись к рассказам источников о том, как он любил слушать крики обезьян в осенних горах, чувствовать в воздухе талый запах выпавшего снега, вдыхать аромат цветущей сливы - мэй, стоять в задумчивости над прозрачной речной водой и смотреть на синеющие вдалеке горы. Это восхищение миром словно бы сквозит между строк «Бесед и суждений» - книги, полной сокровенной и чистой поэзии. Более того, мы можем смело назвать Конфуция одним из первых китайских поэтов, хотя он и не писал стихов, а лишь собирал и обрабатывал народные песни (традиция приписывает ему составление древнекитайской «Книги песен»): не случайно «Беседы и суждения» для большинства стихотворцев - в том числе и для Ду Фу - служили неиссякаемым источником поэтических образов. Если китайских поэтов вдохновляли образы Конфуция, то сам философ искал вдохновения в еще более глубокой древности. «Учитель сказал: «Излагаю, но не создаю. С любовью и верой отношусь к древности...» - говорится в «Беседах и суждениях». Конфуций восхищался простыми и патриархальными нравами минувших времен, добрыми обычаями и веселыми песнями. Конечно, он отчасти идеализировал древность, как бы создавая китайский вариант мифа о золотом веке, но это придавало его позиции тот нравственный пафос, благодаря которому острее звучала критика современности. Конфуций горестно сетовал на то, что многие его современники утрачивали живую связь с прошлым. Разрушались древние постройки, исчезали древние обряды, менялась одежда, и даже бронзовая утварь теряла первобытную простоту отделки («Учитель сказал: «Теперь чаши для вина стали иными. Разве это чаши для вина?»). Прошлое как бы выветривалось из памяти, и Конфуций поставил своей целью восстановить утраченные звенья цепи. Не считая себя творцом учения («Излагаю, но не создаю»), он хотел сохранить культурную традицию, сберечь огонь веры. Поэтому «Книга песен», «Книга истории» и другие классические книги были для него не просто литературными памятниками, а зеркалом морали, сводом нравственных правил.

Сердцем в согласии жить мы должны,
Чтоб не рождались ни злоба, ни гнев...

Так поется в древней «Книге песен», которую Конфуций рассматривал как пособие по воспитанию, учебник дидактики. Поэтому высшей оценкой человека у него было: «С ним можно говорить о «Книге песен»! Песни, музыка, звон бронзовых колоколов, аромат жертвенного вина в тяжелых кубках как бы наполняли сердце Конфуция торжественным и ликующим чувством, сливались для него в единое понятые ритуала. Этикет, обряд, ритуал - темы вечных раздумий философа, к которым он вновь и вновь возвращается на страницах «Бесед и суждений». Вопреки утверждениям противников конфуцианства, представителей других философских школ, Конфуций не был приверженцем ритуальной пышности, и вовсе не внешняя сторона ритуала привлекала его. Он видел, что ритуал создает традиции человеческого общения, что «почтительность без ритуала приводит к суете. Осмотрительность без ритуала превращается в боязнь. Смелость без ритуала выглядит грубостью». По мнению Конфуция, ритуал вносит в жизнь размеренность и ритм (разве не подчинены ритуалу смена времен года, расцвет и увядание в природе!), а это признак всего устойчивого, укоренившегося, проверенного временем.

...Ночной мотылек врывается в комнату и кружит над свечой. Ду Фу вздрагивает и, словно очнувшись, смотрит на водяные часы: скоро утро. Надо хотя бы немного поспать и набраться сил, но как не хочется отрываться от книги! Великий Конфуций стремился к знаниям с пятнадцати лет, сейчас и Ду Фу столько же! Он тоже стремится постигнуть главный смысл жизни. Но в чем заключается этот смысл? Конечно же, не в том, чтобы получать чиновничье жалованье, есть на дорогой посуде палочками из слоновой кости, спать за расшитым пологом и копить наследство для детей и внуков. Такая жизнь ничем не отличается от сонного прозябания рыбок в аквариуме, а человек - если он хочет быть равным Небу и Земле - должен стремиться к большему. Конфуций сказал однажды, обращаясь к ученикам: «Чада мои, к чему волноваться о том, что я не занимаю никакой должности! Страна давно уже в хаосе, и Небо хочет, чтобы наставник ваш был колоколом с деревянным языком!» И Ду Фу мечтает стать таким колоколом, пробуждающим в людях добро и любовь.

ВНУК ДУ ШЭНЬЯНЯ ОТКРЫВАЕТ СЕКРЕТЫ ПОЭЗИИ

Изучая классические книги, Ду Фу не забывает и об искусстве

стихосложения, ведь само слово «стихи» или «песни» (по-китайски «ши») произошло от названия «Книга песен» («Ши цзин»), и, таким образом, истинная поэзия берет начало из того же источника, что и конфуцианская мудрость. Разница лишь в одном: из конфуцианских книг люди черпают мудрые мысли и поучительные нравственные примеры, поэзия же прежде всего говорит о чувствах - чувстве долга, любви, справедливости. Они как бы дополняют друг друга: разум - хозяин, чувство - гость. Поэтому умение сочинять стихи - важнейшее условие поступления на службу: лишь тот, кто владеет секретами стихосложения, может сдать государственные экзамены. Не следует ли из этого, что поэзия имеет важное государственное значение, - чеканное поэтическое слово чеканит волю будущего чиновника, укрепляет в нем силу духа, воспитывает стойкость и мужество.

Но поэзия необходима не только на службе: без поэтических чтений не обходится ни одна дружеская пирушка, стихи посвящают друг другу при встречах и расставаниях (гостя, отплывающего на лодке, провожают до пристани, останавливаются с ним в небольших придорожных павильонах и сочиняют «стихи на прощание»), посылают по почте вместо писем, дарят по случаю важных событий. Недаром считается, что поэтическое творчество подчас способно заменить лекарство. Если на душе тоска или боль, то лучший способ избавиться от них - выразить свое чувство в стихах, и тогда, облеченное в словесный узор, оно перестанет тяготить душу. Одним словом, нельзя и представить жизнь человека без поэзии, и среди предков Ду Фу были не только достойные конфуцианские мужи, но и ценители поэтического слова, подобные Ду Шэньяню. Вот почему и в комнате внука возвышаются горы поэтических трактатов, антологий и сочинений древних поэтов, и Ду Фу целыми днями - стоит лишь наскоро проглотить миску вареных бобов и запить молоком - читает нараспев стихи.

Истинная поэзия рождается благодаря вдохновению, но существуют и определенные правила, которые должен знать стихотворец. Великий Конфуций говорил, что для человека одинаково пагубно размышлять и не учиться, учиться и не размышлять. Вот и сочинению стихов надо учиться, размышляя над секретами поэтического мастерства, иначе стихам грозят те же «болезни», что и людям, и необязательно быть опытным врачом, чтобы распознать их. «Болезни» стиха видны сразу: «хромающий» ритм, неточная рифма, неправильный выбор слова. Чтобы избежать их, начинающий стихотворец должен прежде всего усвоить, что стихи - в зависимости от длины строки -

бывают пятисловными и семисловными. Взять, к примеру, строку Се Линъюня, поэта Северных и Южных династий:

мин юэ чжао цзи сюэ
ясная луна освещает выпавший снег

В этой строке пять слов-иероглифов, разделенных цезурой-паузой, которая в пятисловных стихах следует после второго иероглифа, а в семисловных - после четвертого. Вот пример семисловной строки того же поэта:

бэй фэн жу гуй шуан и тин
печальный ветер проник в покои иней лег во дворе

Казалось бы, в этих строках нет ничего необычного, а между тем поколения знатоков и ценителей стиха восхищались ими. И действительно, если вглядеться внимательнее, эти строки необыкновенно точно передают картину холодной зимы, ночного снегопада, сияния месяца над побелевшим полем, печального шума ветра, проникающего сквозь тонкие перегородки дома, и следов первых заморозков на зелени двора. В чем же секрет этих строк? Может быть, в том, что в них нет ни одного «пустого слова», как принято называть вспомогательные грамматические связки, предлоги и послелоги? Каждый иероглиф в строке создает свой зримый образ: луна, снег, ветер, иней (недаром китайскую поэзию сравнивают с живописью). Или же секрет Се Линъюня в его удивительном умении отбирать слова? К примеру, в первой строке знатоки особенно восхищались словом «выпавший», «скопившийся», «наслоившийся», рисующим горки белеющего на зелени снега, а во второй строке - словом «лег», «прильнул», «прижался», изображающим крупинки утреннего инея.

В Китае издавна привыкли любоваться отдельно взятой стихотворной строкой, и многие поэты остались в истории лишь благодаря одной-двум строчкам. Конечно, написать их стоило немалых творческих мук, и поэты подчас доводили себя до бессонницы и «стирали до лысины» кисти, стараясь соблюсти пятисловный или семисловный размер, избежать «пустых слов» и поставить каждое слово на место. Но еще труднее было соединить такие строки в целом стихотворении: тут вступали в силу другие правила. Китайские стихи в записи выглядела так же, как и проза, но отличались от прозы имеющейся постоянной рифмой. Рифма встречалась и в прозопоэтическом жанре оды, но там она считалась необязательной и скорее приравнивалась к дорогому и

ненужному украшению. В стихотворении же рифма связывала строки единой нитью, словно шелковый шнурок нефритовые подвески. От поэта требовалось лишь умение выдержать единую рифму на протяжении всего стихотворения. Смена рифмы допускалась в «стихах старого стиля», написанных в подражание народной песне, если поэт хотел подчеркнуть резкую смену темы или настроения. Кроме того, «стихи старого стиля» (своего рода баллады) бывали довольно длинными, и это тоже вынуждало менять рифму. Лишь таким опытным стихотворцам, как Ду Шэньянь, удавалось зарифмовать более сорока строк, и то этот случай стал почти легендой, и рассказы о нем причислялись к традиционным «рассказам о чудесах». Обычному же поэту, а тем более начинающему стихотворцу, такое было не под силу, приходилось довольствоваться двенадцатью-четырнадцатью зарифмованными строками.

В «стихах нового стиля», окончательно сложившегося во времена династии Тан, смена рифмы не допускалась. Имелись и другие ограничения, лишавшие этот стиль простоты и непосредственности народной песни, но зато придававшие ему кристальный блеск и отточенность авторской; поэзии. К примеру, «новый стиль» обязывал строго соблюдать параллельное построение строк. Это означало, что третья строка стихотворения должна была перекликаться с четвертой, отзываясь в ней наподобие эха, пятая - с шестой и т. д. Вот как выглядят параллельные строки Се Хуня, поэта IV века:

Под ласковым ветром
цветущий колышется сад,
И белые тучи
на горных отрогах лежат.
Поющие птицы
встречают полуденный зной,
Прибрежные травы
омыты прозрачной водой.

В этом стихотворении перекликаются слова: ласковый ветер - белые тучи, поющие птицы - прибрежные травы, сад - горные отроги, встречают полуденный зной - омыты прозрачной водой. Подобная упорядоченность придает стихам особую прелесть и гармоничность. В стихах возникает внутренняя смысловая игра, и читатель как бы заранее ждет эха - отзвука одного слова в другом. Разумеется, поэту приходится порядком поработать, чтобы добиться изысканного и строгого параллелизма (банальный параллелизм говорит о «болезни» стиха), а ведь это требование в

«стихах нового стиля» - отнюдь не последнее.

В них должна быть не только словесная, но и звуковая упорядоченность. В китайском языке каждый иероглиф произносится своим тоном - ровным, падающим или восходящим, и поэту надлежит так подобрать слова, чтобы стихотворение получило законченный музыкальный рисунок. Говоря языком Шэнь Юэ, известного теоретика эпохи Северных и Южных династий, «в стихотворной строке музыкальный рисунок должен постоянно варьироваться, а в пределах двустишия - тяжелое сочетаться с легким, а не с подобным себе». Тяжелое - с легким: о чем это? Безусловно, о сочетании тонов - падающего с восходящим, ровного с падающим. Знатокам стиха вроде Шэнь Юэ резало слух малейшее неблагозвучие, и если поэзия издавна считалась родственной живописи, то последователи Шэнь Юэ словно бы приравняли ее и к музыке. В музыкальном двухголосии движение верхнего голоса не должно совпадать с движением нижнего (иначе получится унисон), вот и рекомендации Шэнь Юэ заключаются в том, чтобы тон иероглифа в верхней строке не совпадал с тоном иероглифа, занимающего то же место строкой ниже. Только тогда звуковой рисунок сможет приобрести завершенность и устойчивость и в стихе появится мелодия (не случайно китайские стихи читаются именно нараспев).

Итак, рифма, параллелизм, тональный рисунок... что же еще? Кажется, и так достаточно правил, чтобы начинающий стихотворец ощутил благоговейный страх перед строгой наукой стихосложения, но нельзя не упомянуть и еще об одном. Этим правилом владеет лишь тот, кто с детства читает классические книги, помнит наизусть строки древних поэтов и умеет разговаривать с читателем на языке намеков и иносказаний. «Намеки на древность» - таково название упомянутого приема - помогают читателю проникнуть в смысл стихотворения, который находится как бы «в стороне от сказанных слов». Недосказанность - одно из сильнейших выразительных средств китайской лирики. Поэт как бы «забывает слова» там, где воображение читателя само начинает работать, и за гранью написанного текста раскрывается глубинный подтекст. В то же время нельзя перегружать стихи «намеками», иначе они превратятся в головоломку. Одного-двух «намеков» вполне достаточно, чтобы в стихотворении возник второй план, как это происходит, к примеру, у Юй Синя, поэта периода Северных и Южных династий, одного из учителей Ду Фу:

...Стенания цитры
заполнили маленький дом,
Старинные книги

лежат в изголовье моем.
Ту притчу о бабочке
мне доводилось слыхать,
Но я не Чжуанцзы,
и бабочкой мне не бывать...

В трактате древнекитайского философа Чжуанцзы рассказывается, как однажды ему приснилось, будто он бабочка, весело порхающая над лугом. И вот, проснувшись, философ долго не мог понять: снилось ли ему, Чжуанцзы, что он бабочка, или бабочке снится сейчас, что она - Чжуанцзы. Читатель стихов Юй Синя, конечно же, знал эту притчу, и ему было достаточно намека, чтобы воскресить ее в памяти.

...Так рождаются стихи: из-за горы книг едва виднеется голова поэта, который то приляжет на циновку, подперев кулаком щеку, то встанет и пройдется по комнате, то снова сядет за книгу. Поэтическое ремесло дается с трудом - недаром сами древние мучились над своими творениями, тратя на их создание десятки лет и «стирая до лысины» кисти. Что помогало им найти вдохновение? Душистый аромат благовоний, старинные предметы, как бы хранящие «дух древности», и вся обстановка кабинета ученого - все это «внешние» стимулы творчества. Гораздо важнее - «внутренние» («внешнее» и «внутреннее» всегда противопоставлялось философами). Истинная поэзия вырывалась из глубины души, и «внезапное озарение» приносило то, что не давали долгие и мучительные поиски: древние стихотворцы мгновенно сочиняли строки, которые на века оставались в поэзии. Именно - на века. Не зря же мудрецы и философы верили, что поэзия преодолевает смерть и, воплощенная в стихах, душа человека навеки остается в мире.

«НА ЗАКАТЕ ДНЕЙ» ВСПОМИНАЯ ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Каждый, кто изучает древний и средневековый Китай, должен постоянно обращаться к династийным историям. Это название возникло потому, что императоры новых династий, взойдя на престол, обычно отдавали распоряжение о составлении истории предшествующей династии: так сложился огромный свод, охватывающий почти всю историю Китая. В династийных историях содержатся сведения об экономике, политике, военном деле, науке и искусствах; в них же включены и биографии известных политических деятелей, полководцев, поэтов и художников. Биография Ду Фу тоже включена в династийные

анналы, но что удивительно: никто из средневековых историков и хроникеров не рассказал о самом раннем периоде жизни поэта, не постарался запечатлеть облик самолюбивого подростка, охваченного жаждой сочинять стихи и писать «большие иероглифы». Почему так случилось? Чтобы ответить на этот вопрос, задумаемся, каким же было традиционное для Китая, основанное на конфуцианских взглядах, отношение к детству.

Герой одного из рассказов Лу Синя, замечательного китайского писателя наших дней, вспоминает о том, как он отнимал у младшего брата бумажного змея, по его мнению, отвлекавшего ребенка от серьезных занятий, сердился, кричал, доводил его до слез и только позднее, прочитав книгу по педагогике, понял свою ошибку. Игрушки необходимы ребенку, как воздух, как сама жизнь, потому что в играх и заключается детство. Эта простая мысль стала для героя рассказа настоящим открытием. Воспитанный в традиционном китайском духе, он не привык воспринимать детство как самостоятельный, имеющий свои внутренние законы период жизни. С конфуцианской точки зрения человек обретал себя лишь во взрослую пору, когда он становился «благородным мужем» («цзюнь цзы»), а до этого момента он словно бы еще и не существовал, находился в небытии, представлял собой сформировавшийся зародыш. Поэтому в официальных биографиях исторических лиц об их детстве почти ничего не сообщалось. В жизнеописаниях многих поэтов, каллиграфов, художников, помещенных и в старой и в новой «Истории династии Тан», мы прочтем лишь об их ранней поэтической одаренности и стремлении к знаниям: авторы жизнеописаний полагали нужным упомянуть об этом, так как «талант» и «широкая начитанность» входили в число достоинств «благородного мужа», и тот факт, что они обнаружились в раннем детстве, следовало занести в династийные анналы.

Иначе смотрели на детство последователи других философских школ Древнего Китая (например, даосизма). В отличие от конфуцианцев они, например, идеализировали состояние детской безыскусности, доказывая, что лишь ребенок обладает той природной естественностью, которая недостижима ни в каком ином возрасте. И если никто из конфуцианских историков не рассказал нам о детстве Ду Фу, то сам поэт довольно часто обращался к детским воспоминаниям. Его стихи о детстве служат надежным источником для биографа. В китаеведческой науке давно замечено, что даже авторы династийных биографий использовали стихи как биографический источник, доверяя их точности и не опасаясь поэтического вымысла (в средневековом Китае иначе смотрели на вымысел,

воображение, фантазию, чем смотрим сейчас мы, и стихи по документальной точности описаний не отличались от исторической прозы). Вот и современный биограф вправе воспользоваться стихами Ду Фу, написанными в поздний период жизни, но как бы возвращающими поэта к ее истокам. Память Ду Фу сохранила то немногое, что позволяет представить его детство. Он не успел запомнить мать, поэтому в стихах о матери нет ни строчки. Зато Ду Фу вспоминает тетушку, вспоминает седоголовых лоянских друзей, угощавших его вином, вспоминает танцовщиц и певцов, которых довелось увидеть и услышать. В ноябре 787 года поэта приглашают на выступление танцовщицы по имени Ли Двенадцатая, ученицы той самой знаменитой Гунсунь, чей танец с мечом так поразил его в детстве. Эта неожиданная встреча вызывает волнение в стареющем поэте. Глядя, как танцует Ли, Ду Фу словно бы узнает в ней Гунсунь, и воображение переносит его на полвека назад.

Когда-то, в далекую пору,
красавица дева жила,
Воинственным танцам которой
внимал с восхищеньем народ.
Восторженных зрителей толпы
со страхом следили за ней:
Казалось подчас, что на землю
небесный обрушился свод
Казалось, волшебный охотник
девятое солнце сразил,
Дракон повелителей Неба
в крылатой упряжке вознес.
Едва она выйдет на сцену -
и словно бы гром прогремит!
Застынет она - и как будто
ударит внезапный мороз!

Тогда же, в старости, Ду Фу повстречался с певцом Ли Гуйнянем и посвятил ему стихотворение:

В знакомом мне доме.
я пение ваше слыхал,
У старого друга
я с вами встречался не раз.
Здесь, к югу от Цзяна,
прекрасные есть уголки.
Цветы опадают -

я снова приветствую вас.

В стихотворении «Сто печалей», написанном в 761 году, Ду Фу описывает детство как лучшее время жизни, и это легко понять, ведь с конфуцианской точки зрения поэт не достиг того, что в его возрасте положено достигнуть «благородному мужу»: у него нет ни должности, ни положения, ни постоянного угла, и он вынужден скитаться в поисках случайных заработков. К тому же он вечно болеет и чувствует себя стариком. Поэтому в стихах и возникает ностальгия о прошлом. В даосском трактате «Чжуанцзы», созданном в IV-III веках до и. э., часто встречаются образы резвящихся на воле лошадей, вот и Ду Фу, следуя даосской трактовке, сравнивает себя с беспечным бурым теленком и горько сетует на болезни, нищету и неустроенность поздних лет:

Вспоминаю - мне было пятнадцать тогда -
я мальчишкой в душе оставался.
Словно бурый теленок, беспечен я был,
убегая стремглав за ограду.
А когда в благодатные дни сентября
всюду груши и финики зрели,
Я, бывало, взбирался по тысячу раз
на деревья осеннего сада.
Но теперь наступила иная пора -
пятьдесят мне исполнится скоро.
Я гораздо охотней сижу или сплю
и с трудом поднимаюсь с постели.
И хотя я шутить заставляю себя,
принимая почетного гостя,
Не избавиться мне от назойливых дум,
и заботы совсем одолели.
Я домой возвращаюсь, и снова меня
всюду голые стены встречают.
И жена моя добрая видит опять
на лице моем те же печали.
Сыновья ж мои, неслухи, знать не хотят
никакого к отцу уваженья -
Всё кричат от обиды, что вновь на обед
ничего им сегодня не дали.

Глава вторая ИМПЕРАТОРСКИЕ ЭКЗАМЕНЫ

На восток и на запад
отправлялся в скитания ты,
И опять мы простились, -
с той поры миновал целый век.
То со мною прощался,
и снег был похож на цветы,
А сегодня вернулся,
и цветы так похожи на снег.
Фань Юнь. Стихи на прощание

ДУ ФУ ПУТЕШЕСТВУЕТ

В жизни молодых людей танской эпохи рано или поздно наступала пора скитаний. Верхом на ослике, в коляске, запряженной мулом, под парусом лодки, на спине верблюда или на худой конец пешком отправлялись они в путь. В запыленной дорожной обуви, в изношенной одежде, исхудавшие, с обветренными лицами бродили они по дорогам, останавливались на постоялых дворах или в буддийских монастырях, осматривали исторические реликвии, читали полустершиеся надписи на каменных стелах и снова шли дальше. Что влекло их в иные края, пылких и сентиментальных, восторженных и нетерпеливых, безрассудных и отважных? Почему не сиделось им дома? Может быть, этих юношей обуревала жажда знаний и они мечтали разрешить свои сомнения в беседах с мудрецами; может быть, их манили тайны и чудеса, встречающиеся в неведомых землях? Или, более практичные и рассудительные, они рассчитывали на покровительство знатных вельмож или дружбу могущественных меценатов? В дороге возможны любые встречи, и если ты ничего не имеешь, кроме умелых рук и сметливого ума, то, странствуя, скорее обретешь свое призвание, чем сидя на одном месте. А может быть, в танском Китае изменился сам уклад жизни и люди стали более подвижными, ощутили тягу к новым местам - купцы торговали, паломники странствовали по всему свету, так почему бы и их детям не подставить лицо дорожному ветру? Почему бы не воспользоваться тем, что в стране - с приходом к власти императора Сюаньцзуна - установились мир и спокойствие и можно не бояться в пути разбойников, не заботиться о еде и

ночлеге: на каждом постоялом дворе путешественников ждут дешевый ужин и теплая постель. За несколько урожайных лет цены на зерно, мясо и овощи упали так низко, что нескольких связок монет хватит на долгое путешествие. К тому же императорские чиновники бдительно следят за состоянием дорог - и сухопутных и водных. Главные реки Китая связаны сетью каналов, и, не выходя из лодки, путешественники без всяких затруднений пересекают страну с севера на юг.

Короче говоря, все звало в дорогу юных пилигримов, и если их отцам было кого посадить вместо них в лавку или снарядить с торговым караваном, они на несколько месяцев, а то и на год-два отлучались из дому. Конечно, сыновья бедных крестьян, числившихся по разряду «подлого люда», не могли себе такого позволить, но представители иных сословий не отказывали себе в подобных путешествиях. Неудивительно, что и Ду Фу не устоял перед соблазном. Да и как устоять, если древние проводили в седле и повозке помногу месяцев! Странствующие философы древности - Конфуций, Мэнцзы, Лаоцзы, Чжуанцзы - в пути наставляли учеников, беседовали с правителями царств, разговаривали с отшельниками и мудрецами. Молодым юношей отправился в путешествие Сыма Цянь, первый историограф Китая, - отправился, чтобы увидеть реликвии древности и исторические места, порасспросить очевидцев былых сражений, прикоснуться рукой к взрыхленной копытами и еще не остывшей после недавнего боя земле. Многое прошло перед его глазами, и первый историограф стоял на берегу реки, в водах которой покончил с собой первый поэт древности - великий и прославленный Цюй Юань; Сыма Цянь, по его собственным словам, осматривал родовой алтарь Конфуция, одежду, которую носил философ, и ритуальную утварь, употреблявшуюся при жертвоприношениях. После Сыма Цяня по его следам устремились другие путешественники - историки, воины, поэты. Китайские императоры снаряжали целые экспедиции на поиски волшебного острова бессмертных и эликсира, продлевающего жизнь. Многие годы скитались отважные участники экспедиций по морям и неведомым странам, а возвращаясь, привозили с собой удивительные рассказы, будоражившие воображение современников. Китайские поэты, жившие на юге, особенно любили путешествовать в горах. С посохом в руке, в бамбуковой шляпе, защищавшей от солнца, с заплечным мешком, в котором хранились запасы еды, они забирались на самые неприступные вершины. Слушая звон колокола в буддийском монастыре, глядя на скалистые громады гор, они сочиняли стихи:

Вдоль ограды пройдя,
выхожу я из западных врат
II на запад смотрю,
на вершины скалистых громад.
Как вздымаются круто хребты -
над грядою гряда,
Исчезает во мгле
бирюзовая даль без следа!
Утром иней белеет
на красной кленовой листве,
Вечерами туман
проплывает в густой синеве.
Вот и осень прошла, -
мне до боли ушедшего жаль.
В растревоженном сердце
глубокая зреет печаль.
(Се Линъюнь. «Вечером выхожу из зала Сишя»)

Именно сюда, на юг, где создавались эти строки, и отправился Ду Фу. Домочадцы не препятствовали его долгим отлучкам из дома: мачехе и отцу было попросту не до него, а тетушка Пэй состарилась и уже не могла, как раньше, поддерживать все увлечения племянника. Волосы у нее поседели, на лице появились морщины, и глаза стали слезиться от яркого света. Служанки выводили ее под руки в сад, сажали на циновку, и тетушка Пэй часами смотрела на зеленоватую воду лотосового пруда, перебирая буддийские четки и слегка покачивая головой. В семье Ду Фу подрастали дети - три брата и сестренка, родившиеся от второго брака. Так же, как когда-то маленький Ду Фу, они бегали по дому, взбирались на стулья, с любопытством разглядывали вещи в комнатах и прятались от няньки в зарослях бамбука. Все внимание взрослых отдавалось им, зато юный любитель странствий и поэзии получал полную свободу действий. Никто не беспокоился о Ду Фу, зная его привычку к самостоятельности. И когда он сказал о своем желании совершить путешествие на юг, господин Ду Сянь посмотрел на жену, они оба вздохнули и молча согласились. Пусть их старший постранствует по свету, ведь не пропадет же он в дороге! У семейства Ду на юге есть дальние родственники, на чью поддержку - в случае надобности - он может рассчитывать. Господин Ду Сянь в состоянии помочь сыну деньгами и наставлениями, и было бы неразумно не воспользоваться счастливой возможностью, пока он не связан чиновничьей службой и еще не успел жениться и

создать собственную семью.

И Ду Фу воспользовался этой возможностью. Он решил по примеру древних поэтов подняться высоко в горы, увидеть поросшие лесом вершины, бурные водопады, уединенные монастыри, пройти по бревенчатым настилам горных дорог. Север и юг - это и географические, и культурные области, непохожие по своим традициям, обычаям и верованиям. Север, долина Хуанхэ - исконный центр китайской цивилизации, а юг, долина Янцзы - ее отдаленная окраина. Там обитают племена юэ - «южных варваров», как их называют китайцы. Сильные и ловкие, «южные варвары» умеют лазать по деревьям, охотиться на животных тропических джунглей, нырять за водорослями и моллюсками. «Варварам» неведомы достижения цивилизации, у них «нет городов, они живут в зарослях бамбука по речным долинам. Они привыкли воевать на воде и предпочитают использовать лодки... Они не умеют сражаться на суше, у них нет колесниц, конницы, луков и арбалетов» - так писал о «южных варварах» один из ханьских государственных деятелей, и хотя династии Хань и Тан разделяют четыре века, за это время в укладе жизни южных племен мало что изменилось. Чтобы уберечься от вредных испарений почвы, ядовитых насекомых и змей, они строят жилища на сваях; зерно хранят в примитивных амбарах. По простоте убранства их дома напоминают шалаши или даже птичьи гнезда, свитые на ветвях деревьев. Столь же просты и наивны их верования и обычаи. «Южные варвары» не слышали имени Конфуция, и им незнакомо письменное слово. Они поклоняются пятицветной собаке Паньху, духам морей и рек, лесным идолам. Гортанными голосами поют свои «варварские», непонятные для северян песни. Мужчины коротко стригут волосы и татуируют тело. Жуют бетель и носят в ушах кольца. Домотканая и грубая одежда женщин так же разительно отличается от изысканного платья северянок, как подвешенный на шею амулет от резного украшения.

Племена юэ не единственные обитатели юга: там издавна селились и сами китайцы. Китайская империя имела опорные пункты на юге - города Гуанчжоу, Цзяо-чжоу, Янчжоу, различия между севером и югом не исчезали со временем, а, напротив, охватывали все новые области жизни. Северянин, попавший в один из южных городов, прежде всего удивлялся его планировке: вместо прямых и широких проспектов, разделяющих город на благоустроенные кварталы, его встречали кривые и горбатые улочки, разбегающиеся в разные стороны, словно рассыпанные бусы. Дома лепились один над другим, как птичьи гнезда на отвесной скале; крыши тонули в зелени банановых пальм и

апельсиновых деревьев, скрывались под зонтиками невиданных тропических растений. Горе северянину, рискнувшему выйти на улицу без провожатого: случись ему заблудиться, никто из прохожих не укажет обратную дорогу! Северный диалект китайской речи непонятен для южан, а кроме того, на улицах Гуанчжоу, Цзяочжоу и Янчжоу больше иностранцев, чем самих китайцев. У морских причалов бросают якоря заморские суда, и проворные смуглолицые матросы по трапу сбегают на берег. По улицам расхаживают заморские купцы в чалмах и пестрых одеждах, в харчевнях говорят на смешанных языках, в храмах молятся чужеземным богам. Чернокнижники и заклинатели змей хватают за фалды прохожих, обещая предсказать судьбу или показать танец ядовитой кобры, истязатели плоти напоказ бичуют себя кнутами, факиры и канатоходцы созывают народ на площади. После обеда - в самое жаркое время дня - город затихает и погружается в сон. Купцы возлежат на ложе, накрытые сетью от мошек, и слуги с опахалами стоят у их изголовья. Ремесленники и лавочники перестают щелкать на счетах и стучать молотками по наковальням. И лишь к вечеру город вновь оживает, люди высыпают на улицы, заполняют харчевни и лавки, чтобы разойтись по домам лишь поздней ночью, перед самым рассветом...

Северяне сталкивались на юге не только с иным укладом жизни, но и с иными традициями в культуре и искусстве. В танскую эпоху достигли расцвета северная и южная школы буддизма, каждая из которых имела своих патриархов, свои канонические труды, причем обе школы вели постоянные споры друг с другом. В искусстве разделение на север и юг обозначилось еще во времена «чуских безумцев» - так называли поэтов южного царства Чу, где сложилась замечательная, яркая и во многом загадочная культура, давшая миру имена Цюй Юаня, Сун Юя и других поэтов. «Чуские безумцы» творили в состоянии экстаза и вдохновения, близком вдохновению шаманов, исполняющих ритуальный танец, и неудивительно, что их поэзия была полна фантастических видений, смутных и неясных предчувствий. «Безумцы» воспевали волшебных фей, мифологических героев, персонажей народных легенд, и их романтические строфы словно бы окутывала дымка таинственной недосказанности. Эти черты унаследовали поколения поэтов и художников, сменившие «чуских безумцев». «Стихи о горах и водах», «стихи о садах и полях», в которых отразилась красота южной природы, продолжили традицию древней поэзии юга. В эпоху Тан наряду с южной школой буддизма сложилась и южная школа живописи, основателем которой стал поэт и живописец Ван Вэй. В

противоположность распространенному на севере цветному пейзажу с тщательно выписанными деталями Ван Вэй писал одной тушью, в нескольких штрихах передавая «идею» картины. Словом, сама художественная атмосфера на юге заставляла стремиться туда любителей искусства, а тем более .- начинающих стихотворцев, художников и каллиграфов. Ду Фу был из их числа. Поэтому, простившись с родными, он пересек Хуанхэ - великую Желтую реку, и перед ним распахнулись просторы южных земель.

Что повидал он за несколько лет скитаний? Неутомимый странник достиг самого крайнего юго-востока империи - областей Сучжоу, Ханчжоу, Юэчжоу и Тайчжоу. Экзотическая природа этих мест, заселенных первобытными племенами, пышная тропическая растительность, близость морских берегов вызвали в нем восторженное чувство, и Ду Фу охватила мечта взглянуть на мифическое древо Фусан и добраться до островов Японии. На последние деньги он даже снарядил небольшой корабль для этой цели, но обстоятельства помешали ему. Неудача, конечно же, огорчила, но Ду Фу утешал себя тем, что впечатлений и так было достаточно. В каждом городе, в каждой деревне, на каждой лодочной пристани он встречался с людьми, вглядывался в их лица и через проводника, знакомого с южным диалектом, расспрашивал их о жизни. Люди отвечали ему по-разному, но всех их радовало то, что с воцарением Танов сигнальный огонь, возвещающий о нашествии врагов, все реже зажигался на сторожевых башнях. Мирный труд, каким бы тяжелым он ни был, все-таки лучше войн и сражений, поэтому пусть ремесленники изготавливают из серебра изысканные сосуды, украшенные сценами императорской охоты, диковинными птицами и зверями, а виноградари выращивают экзотические сорта ягод - «жемчужины дракона» и «соски кобылиц»! Пусть купцы, погрузив тюки на двугорбых бактрийских верблюдов, отправляют караваны по Великому шелковому пути в Самарканд, Иран, Сирию! Пусть крестьяне пашут землю, возделывают рис, а рыбаки ловят рыбу и крабов! Лишь бы подольше не гремели боевые барабаны и не взметали пыль копыта боевых лошадей! Так отвечали люди исхудавшему путешественнику на маленьком ослике, разделявшему с ними трапезу на коротком дорожном привале.

СТРАННИК С СЕВЕРА УХОДИТ ВСЕ ДАЛЬШЕ НА ЮГ

Смахнуть крошки с колен, вытереть губы, повесить на плечо дорожную сумку, оседлать ослика и снова - в путь. Солнце поднимается все выше, но в горах - все холоднее. Ветер доносит дыхание ледников со скалистых вершин, и кажется, что там -

наверху - никогда не кончается зима. Мост через ущелье. Внизу гремит водопад, похожий на развернутое полотно шелка. Рядом - островерхие крыши буддийского храма. Колокольный звон плывет над горами, словно бы говоря о том, что в каждом мгновении жизни - вечность, что прошлое, настоящее и будущее едины, как звенья одной цепи, Вот и Ду Фу, глядя в настоящее, думал о будущем и вспоминал прошлое. Он видел гробницу одного из царей древнего княжества У, находившегося здесь, на юге; бродил в окрестностях знаменитой горы Тигриный Холм, неподалеку от которой находилось прозрачное Озеро-Меч; наслаждался благоуханием лотосов в садах Чанчжоу, считавшихся одной из достопримечательностей юга; входил в священные ворота Чанмэнь, с которыми было связано немало событий истории. Удалось побывать и в древнем храме Тайбо, стены которого отражались в спокойных и тихих озерных водах. Ду Фу поднимался на башни и пагоды, взбирался на вершины гор. О чем он думал в эти минуты, оставаясь наедине с реликвиями древности или любуясь красотой природы? Ему было жаль, что эпоха Северных и Южных династий все дальше отодвигалась в прошлое, и хотелось остановить беспощадное время, стиравшее надписи на каменных стелах и покрывавшее бурьяном гробницы древних героев. Неужели их прах погребен здесь, под его ногами! Ду Фу с восторгом вспоминал тех, чья слава гремела когда-то по всей Поднебесной, и стремился ощутить «дух древности», исходивший от безмолвных камней и застывших в молчании гор. Две судьбы особенно волновали его, но волновали по-разному. Десять веков назад в этих краях побывал император Цинь Шихуан, путешествовавший по стране со своей дворцовой свитой. Об этом рассказывали надписи на каменных стелах, и белоголовые старики южане еще помнили то, что довелось им услышать от дедов и прадедов. Тень жестокого монарха, живыми закапывавшего в землю конфуцианских ученых, словно бы незримо следовала за Ду Фу, когда он ехал от деревни к деревне, шел от дома к дому. Предания и легенды о Цинь Шихуане вызывали в нем те же горькие раздумья, что и во всех его соотечественниках. Для всего Китая Цинь Шихуан остался символом слепой жестокости, и само Небо покарало его: недаром империя Цинь просуществовала всего около двадцати лет. Слава Цинь Шихуана оказалась недоброй славой, и на юге о нем вспоминали со страхом. Ду Фу, как убежденный конфуцианец, привык считать управление государством и народом наиболее достойным способом «утвердить свое имя», но получалось, что это не всегда так. Цинь Шихуан не создал себе доброго имени, хотя именно он первым объединил разрозненные царства и

основал единую империю. А вот человек, который никогда не поднимался выше должности среднего чиновника, не отличался особым служебным рвением, но зато обладал замечательным талантом живописца, - этот человек оставил о себе добрую память на юге. Имя его - Гу Кайчжи. Наивный, вспыльчивый, суеверный, по-детски доверчивый, он родился и умер в этих краях. Волшебное искусство Гу Кайчжи поражало современников. «Ци юнь шэн дун, - гласит главный закон китайской живописи. - Соединение души художника с гармонией и ритмом вселенной наполняет его картины движением жизни». Гу Кайчжи как никому другому удавалось запечатлеть именно это «движение жизни». Вода на его свитках клокотала и пенилась, ветер гнул деревья и гнал по небу облака, солнце ослепительно пылало, луна холодновато искрилась. На своих портретах Гу Кайчжи с необыкновенным мастерством передавал выражение глаз, полагая, что именно в глазах сосредоточена сущность характера человека. Старики и дети, женщины и мужчины, чиновники и крестьяне словно живые смотрели с его картин.

Танские коллекционеры недаром гордились тем, что у них - в футлярах из сандалового дерева - хранились свитки художника, но кому посчастливилось увидеть его настенные росписи? А вот Ду Фу - посчастливилось. Однажды он посетил храм Вагуань, стены которого расписывал великий Гу Кайчжи, и заказал здешнему художнику сделать копию изображения, чтобы любоваться им в дороге. Дорога снова звала Ду Фу, и он не задерживался на одном месте. Спускался с гор и опять поднимался в горы, менял лошадей и осликов, пересекал горные реки, останавливался в деревенских гостиницах. Услышав, что в Юэчжоу живут самые красивые девушки юга, отправился туда, чтобы взглянуть на красавиц. Добравшись до места, он понял, почему именно здесь, на юге, родилась знаменитая ода Сун Юя «Святая фея». О каждой из девушек Юэчжоу можно было сказать: «Омытая настоем орхидей и пахнущая чудными духами, она была приветлива, мила и хороша...» Наслушавшись рассказов о чудесном Зеркальном Озере, вода которого даже летом оставалась холодной, Ду Фу побывал и там и долго стоял над тихой зеркальной гладью. Так же он не мог оторвать глаз и от высоких берегов реки Янь, уводившей к морским просторам... Не только новые места, но и новых людей узнавал Ду Фу в дороге. В уезде Цзяннин он подружился с буддийским монахом - бритоголовым, одетым в желтое платье, с четками в руках. Монах оказался человеком, далеким от аскетизма, веселым и разговорчивым. Вместе с Ду Фу они играли в китайские шашки-ици, сочиняли стихотворные посвящения друг другу и катались на

лодке.

Годы, проведенные на юге, обогатили поэта. Потомственный северянин, он понял, что родина - это не только дом отца и лоянская усадьба тетушки Пэй, но и весь Китай, все реки и горы, ущелья и водопады. Поэтому и любить эту большую родину надо с еще большей силой и самоотверженностью, конечно, не забывая и о малой - собственном доме. Иными словами, пора было собираться в обратный путь, и в 735 году Ду Фу вольным путешественником возвратился к родным. Отец, младшие братья и сестренка встретили его радостно, да и самому Ду Фу успевшему соскучиться по домашним, хотелось без конца обнимать и братьев и сестренку, брать на руки и сажать на колени. Он вытащил из дорожной сумки подарки - редкие камни, игрушки и амулеты, купленные на юге. Раздав все это младшим, он почтительно преподнес отцу длинный шелковый пояс для халата, а мачехе - узорное покрывало. На следующий день отец позвал его в кабинет. «Сынок, ты уже не маленький. Побродил по свету, многое повидал. Не пора ли подумать о своем будущем?» - сказал почтенный Ду Сянь, и его седеющая голова напряженно склонилась в ожидании ответа. Лицо Ду Фу сразу же стало серьезным, и на подбородке обозначилась решительная складка. Что ж, он согласен подумать о будущем. Для молодого человека его возраста и происхождения путь существует один - сдать императорские экзамены на чиновничью должность и поступить на службу. Ду Фу уверен, что полностью готов к этому. Он прочел множество книг, овладел искусством каллиграфии и изысканным литературным стилем, восхищавшим даже столичных знатоков. Стоило кисти прикоснуться к бумаге, и Ду Фу ощущал прилив вдохновения. У него сложились взгляды на долг правителя и подданного, императора и народа. Он считает, что каждый должен, подобно колоколу, будить в людях доброту и любовь. И вот в конце зимы 735 года, сдав отборочные экзамены, дающие право участвовать в главных императорских экзаменах, Ду Фу регистрируется как кандидат и ждет наступления весны, слоняясь по шумным и многолюдным улицам Чанъани. Весной 736 года начнутся главные испытания. Ду Фу не сомневается в удаче, ведь, помимо всего прочего, он выступает кандидатом от столичной области, а это уже преимущество. О чем будет его экзаменационное сочинение? О желании служить отечеству, о стремлении принести пользу людям, о верности благородным заветам Конфуция, о добре и справедливости. Ду Фу надеется, что экзаменаторы не найдут в сочинении ошибок.

ГЛАВНЫЙ ЭКЗАМЕНАТОР РЕШАЕТ СУДЬБУ ДУ ФУ

Почтенный господин Ли Ан, возглавлявший экзаменационную коллегию, хорошо сознавал важность возложенной на него задачи. Императорские экзамены были учреждены около двух веков назад и с тех пор стали надежным средством подготовки и отбора государственных чиновников. В экзаменах могли принять участие те, кто окончил одну из столичных школ, предназначенных для членов императорской фамилии и детей знатных особ, кто получил образование в провинциальной государственной школе или был прислан в столицу как выпускник частной школы, сдавший предварительные отборочные экзамены. Каждый раз к началу больших императорских экзаменов молодые люди со всей страны, из самых отдаленных провинций и областей съезжались в столицу Чанъань, сопровождаемые взволнованными родителями, хлопотливыми слугами и домашним скарбом. Всем прибывшим предоставлялось на выбор пять экзаменационных программ: «истолкование канонов», «продвинувшийся муж», «истолкование законов», «истолкование каллиграфии», «истолкование математики». Как правило, большинство кандидатов предпочитало экзаменоваться по первой программе, самой леткой в этом списке, и лишь смельчаки решались претендовать на степень «продвинувшийся муж», обычно присуждавшуюся не более чем двум кандидатам из ста. «Продвинувшийся муж» должен был обладать обширнейшими познаниями в области конфуцианской классики и умением сочинять стихи и оды, он должен был представить трактат на современную тему и свободное рассуждение по вопросам политики и древней истории. Если его ответы удовлетворяли коллегию экзаменаторов, ему ставился высокий балл и он зачислялся в разряд «почтительно ожидающих назначения на должность».

Такой порядок был гораздо справедливее порядка, принятого ранее, при Северных и Южных династиях, когда решающую роль при поступлении на службу играла принадлежность к знатной фамилии. Право на должность как бы передавалось по наследству, и неудивительно, что сыновья богатых и знатных приобретали положение в обществе, а люди даровитые, но незнатные оставались ни с чем. Счастье, если их дарование заметит тот или иной просвещенный вельможа, а не случится этого - обречены они прозябать в безвестности. Даже такой поэт, как Бао Чжао, жаловался на свою непризнанность, а что говорить о менее известных людях! Вот почему танские императоры решили вновь учредить государственные экзамены, существовавшие еще во времена династии Хань, но на этот раз сделать их регулярными и более широкими по масштабу. Пусть

каждый получит право претендовать на должность в государственном аппарате, а не только отпрыски могущественных аристократических фамилий, постоянно готовых к мятежам и заговорам.

Новое начинание себя блестяще оправдало: дух конфуцианской учености и строгой морали воцарился в экзаменационных залах. Правда, ученость ученостью, но и о практических нуждах забывать не надо. Иногда случается, что соискатель степени «продвинувшийся муж», умеющий бойко говорить и писать, знающий наизусть высказывания Конфуция и Лаоцзы, беспомощен в простейших жизненных вопросах и не способен сделать шагу без подсказки. Разве такого можно назначить на должность рекрута по воинскому набору или сборщика налогов! Он оставит армию без солдат, а казну без денег! Поэтому учредители экзаменов стали обращать особое внимание на практические навыки «продвинувшегося мужа», на его умение не спасовать перед трудностями. Конечно, соискатель ученой степени по-прежнему должен был продемонстрировать знание классиков, но при этом суметь применить свои знания к нуждам сегодняшнего дня. Ведал всем этим специальный экзаменационный отдел министерства чинов, возглавляемый им, Ли Аном. После священной особы императора, который лично следил за ходом экзаменов. Ли Ан - первый экзаменационный эксперт, решающий судьбу кандидатов и отбирающий достойнейших из достойных. Когда экзамены заканчиваются, он обычно собирает соискателей в зале и публично разбирает недостатки тех, кому не посчастливилось написать хорошее сочинение. Не всем приятно это слушать - многих задевает беспощадная критика главного экзаменатора, но, по мнению самого Ли Ана, такая критика должна помочь кандидатам при будущих попытках сдать экзамены. К знаниям надо стремиться всю жизнь - об этом говорил великий Конфуций.

Строгость и беспристрастность - главные заповеди Ли Ана, и вот теперь, когда начались очередные весенние экзамены 736 года, экзаменатор берет в руки сочинение, подписанное именем Ду Фу. Этот соискатель ему хорошо запомнился, ведь Ду Фу зарегистрировался кандидатом от области, принадлежащей столице Чанъань, а в Чанъани живет сам император. Поэтому с кандидатов столичной области спрос гораздо строже, чем с посланцев далеких «варварских» окраин, но если им удается сдать предварительные отборочные экзамены, то на больших императорских они, как правило, оказываются первыми. Редко случается так, чтобы кандидат от столичной области, заручившийся к тому же рекомендацией влиятельного лица,

провалился и потерпел фиаско. И на этот раз Ли Ан доволен столичной молодежью: юноши из Чанъани правильно отвечали на вопросы, и их экзаменационные сочинения были выдержаны в лояльном и благопристойном духе. Они писали гладко и без ошибок - все, кроме одного, Ду Фу. Этот кандидат на степень «продвинувшийся муж» приводит главного экзаменатора в затруднение. Как с ним поступить? Ду Фу, безусловно, очень начитан, познания его обширны и глубоки, он проник в самую суть учения Конфуция, но вот сможет ли этот юный эрудит стать исполнительным чиновником, способным на деле доказать свои знания? Не слишком ли он витает в облаках? Конечно, его рассуждения о гуманности, долге и милосердии на редкость самостоятельны, но одно дело рассуждать, а другое - управлять народом. Не всякий книгочей сумеет выколачивать налоги из голодающих крестьян, поднимать их на общественные работы, разбирать их тяжбы и жалобы. И так ли уж необходим блестящий литературный стиль, если нужно составить обычное донесение, доклад или рапорт?

Ли Ан снова читает экзаменационное сочинение Ду Фу. Да, оно отличается немалыми достоинствами, но даже он, опытный экзаменатор, не сразу схватывает суть некоторых рассуждений. Сочинение написано далеко не гладко, и его слог местами очень труден, смысл «намеков на древность» едва угадывается. Сочинение явно выделяется из числа остальных, но кто скажет, хорошо это или плохо! «Продвинувшийся муж» должен излагать свои мысли просто и ясно, без излишних деталей. Ему не возбраняется стремление к литературным красотам, но оно не должно затемнять смысл. В древности говорили о «трех видах простоты»: в подборе фактов, в подборе слов, в манере изложения. Сочинение Ду Фу не отвечает ни одному из этих требований. Он ссылается на самые малоизвестные факты истории, выбирает самые редкие и мало употребляемые слова с весьма скользким значением. А ведь игра слов становится опасной там, где заходит речь о государственных вопросах, двойственность значения может привести к крамоле. Кто поручится, что строки Ду Фу не содержат ничего предосудительного! Господин Ли Ан тоже сочиняет, и ему хорошо известно: иной раз сам не замечаешь, что твои стихи могут быть истолкованы в самом неожиданном смысле, и в истории множество подобных примеров. Короче говоря, у главного экзаменатора налицо все основания для того, чтобы признать сочинение Ду Фу неудовлетворительным.

Да и сам характер юного соискателя оставляет желать лучшего. Вот уж истинный потомок своего деда Ду Шэньяня,

получившего прозвище Необузданный. Откуда в этих Ду такая уверенность в себе! Можно подумать, что они занимают высокие посты в государстве и осыпаны милостями самого императора! На самом же деле ничего подобного нет, так следовало бы поубавить свою спесь. Как смеет этот юнец считать, что в прозе не уступает самому Ян Сюну, а в поэзии - самому Цао Чжи! Ян Сюн и Цао Чжи признаны всеми как выдающиеся таланты, их слава гремит в веках, их стихи и оды включены в лучшие литературные антологии - так позволительно ли ставить свое имя рядом с их именами! Великий Ян Сюн, прославленный Цао Чжи - и никому не известный Ду Фу! Право же, это смешно. Между тем дерзкий мальчишка уверен, что ему нет равных среди других соискателей и что он сейчас же получит высокую должность. Полон решимости служить государю для того, чтобы вернуть Поднебесной утраченную чистоту нравов и помыслов. Но господин Ли Ан сумеет проучить самоуверенного юношу: пусть он единственным из кандидатов от столичной области не встретит свое имя в списке выдержавших экзамен.

После объявления результатов экзаменов господин Ли Ан, верный своей давней традиции, собрал всех проэкзаменовавшихся в зале и стал разбирать недостатки их сочинений. Критика его была очень строгой. Он зачитывал на весь зал неудачные места и выражения и, показывая, в чем заключалась ошибка, не щадил самолюбия молодых людей. Многие из них покрывались краской стыда, слыша громкий смех в зале, но им приходилось терпеть - не спорить же с самим Ли Аном. И только один из соискателей осмелился возразить главному экзаменатору. Он продекламировал строки: «Мой слух очищен прозрачными водами реки Вэй, мое сердце так же свободно, как белые облака». «Кто это написал?» - спросил смельчак, обращаясь к Ли Ану. Главному экзаменатору пришлось признать себя автором этих строк: он еще не подозревал, какая ему подстроена ловушка. «Как мне кажется, вы использовали в этом стихотворении прием «намеков на древность», - продолжал юнец. - В древности слова «мой слух очищен... мое сердце свободно...» были произнесены отшельником, которому император предложил управлять Поднебесной. Не хотите ли и вы, чтобы наш император уступил вам свою власть?» Главный экзаменатор побледнел от испуга, и на глазах его выступили слезы. Такое обвинение - если его воспримут всерьез - может стоить ему жизни! Главное было опередить молниеносно распространяющиеся слухи и самому подать донесение во дворец. Ли Ан так и поступил, и дерзкий юнец, осмелившийся заподозрить в нелояльности главного экзаменатора, получил по заслугам, но и сам Ли Ан пострадал не

меньше. Император счел, что «намеки» Ли Ана слишком рискованны, а их смысл слишком глубоко запрятан, и кто знает, может быть, за маской лояльности таится крамола. Поэтому Ли Ана отстранили от должности, а проведение императорских экзаменов отныне было передано министерству обрядов,

ВОЗВРАЩЕНИЕ II СНОВА - СКИТАНИЯ

Итак, Ду Фу потерпел неудачу на императорских экзаменах. Его сверстники ждали назначения на должность, а он, один из кандидатов столичной области, отправился в областную управу, чтобы проститься с губернатором. Невеселым было это прощание, но еще в древней «Книге перемен» сказано, что ни грусть, ни веселье не могут длиться вечно, и чем дальше уходил Ду Фу от городских стен, тем больше убеждался в этом. Иные чувства охватывали юного поэта. «Кончено, кончено, раз и навсегда! Ах, много ль еще часов я буду держать свое тело в сем мире живых людей? И как не отдаться душою тому, чего она хочет - отвергнуть одно, задержаться ли жизнью в другом? Зачем суетиться, метаться? Куда направляться еще? Ведь знатность, богатство - не то, чего я в душе пожелал бы. Мечтать же о царской столице мне и вовсе, пожалуй, нельзя». Такой ритмической прозой описал свое возвращение домой Тао Юаньмин, великий поэт периода Северных и Южных династий. Может быть, и Ду Фу испытывал нечто похожее? Ведь его путь, по всей вероятности, лежал к родному дому - в область Яньчжоу, где служил его отец.

«Вот лодку мою качает, качает, легко подымая. И ветер порхает, порхает, дуя в мои одежды... Я спрошу у прохожих людей, как держать мне дальнейший путь. Так досадно, что утром рассвет и неясен, и темен, и слаб! И вот я завижу родной мой кров. Как рад я!.. Бегом бы бежать! Служанки и слуги с приветом встречают, а милые детки ждут у дверей». И снова его встречали отец, мачеха, сестра и младшие братья. Конечно же, их разочаровало известие о его неудаче, и он увидел в глазах отца упрек и осуждение. Господин Ду Сянь мечтал, чтобы сын стал чиновником, но что его ждет теперь? Ду Фу не ребенок, пора подумать о заработке. Конечно, их семья не бедна, у них есть земли, они получают изрядный доход, позволяющий жить в достатке, и, как все семьи чиновников, освобождены от налогов и принудительных работ. Но все это остается прочным до тех пор, пока жив Ду Сянь, а что будет после его смерти? Сумеет ли Ду Фу взять на себя заботы о содержании семьи? Одним сочинением стихов, увы, не прокормишься, а следующие императорские экзамены будут теперь не скоро. Эти тревожные мысли

настойчиво одолевали Ду Сяня, и сын, не смея поднять глаз на отца, чувствовал себя вдвойне виноватым оттого, что доставил столько горя родителю. Он не оправдывался, не ссылался на несправедливость экзаменаторов. Зачем? Господин Ду Сянь и сам об этом знает, и его суровость к Ду Фу вызвана не тем, что он сомневается в таланте и знаниях собственного сына, а тем, что эти знания и этот талант пока не вывели его на самостоятельный жизненный путь.

Несколько дней отец и сын молчали, хотя каждый из них - по-своему - думал об одном и том же. За обедом было слышно, как постукивают о дно посуды костяные палочки для еды и об оконную бумагу бьется муха. Наконец господин Ду Сянь не выдержал и положил руку на плечо сына: «Не стоит слишком огорчаться. Всему свой срок, как говорили древние. Человеку всегда хочется, чтобы удача наступила быстрее, чем ей положено. Будем ждать следующих экзаменов. Должны же почтенные экзаменаторы отличить нефрит от простого булыжника!» - «Спасибо», - сказал Ду Фу и, улыбнувшись, впервые досмотрел в глаза отцу. Тяжесть с души упала; он почувствовал, что не все потеряно. Главное - верить в самого себя и писать стихи. Столбцы иероглифов на рисовой бумаге обладают таинственной способностью излечивать душу от тоски и отчаяния. И пока родители раздумывают, что с ним делать дальше, Ду Фу, пользуясь случаем, отправляется взглянуть на Тайшань, одну из пяти священных гор Китая, к северу и югу от которой были расположены древнейшие княжества Ци и Лу. Подняться на вершину он не решился, но вид величественных гор вдохновил поэта:

Великая горная цепь -
К острию острие!

От Ци и до Лу
Зеленеет Тайшань на просторе.

Как будто природа
Собрала искусство свое.

Чтоб север и юг
Разделить здесь на сумрак и зори.
(«Взирая на священную вершину»)

Между тем домашний совет, возглавляемый господином Ду Сянем, решал, как устроить дальнейшую судьбу его сына.

Оставить дома? Но у них достаточно забот и без Ду Фу, да и какой резон держать возле себя молодого человека, давно созревшего для самостоятельной жизни! Отправить к тетушке Пай? Но старая женщина слаба здоровьем, к тому же в Лояне Ду Фу не найдет для себя ничего нового. Пусть уж лучше снова отправляется путешествовать, тем более что к этому есть желание. И вот, побывав дома, испытав радость встречи с родными, наслушавшись родительских упреков и наставлений, Ду Фу снаряжается в дальний путь. И в самом деле, зачем сидеть в четырех стенах - не лучше ли обойти все земли в пределах «четырех морей», окружающих Китай! Снова снабдив сына деньгами, Ду Сянь в который раз прощается с ним. Куда лежит его путь? Совершив однажды путешествие на юг, Ду Фу отправляется теперь на север, в те области, где находились древние княжества Ци и Чжао. Путешественника вновь влечет желание почувствовать то, что древние называли «движением жизни», ведь только в пути выпадает столько встреч и неторопливых разговоров на речной переправе, во дворике буддийского храма или в маленькой деревенской гостинице. После тропических ароматов джунглей и терпкого дыхания южных гор Ду Фу мечтает о запахах степного ветра. Ему хочется услышать песни, которые поют северяне, и записать старинные легенды, ведь более десяти веков назад в царствах Чжао и Ци жили прославленные цари, полководцы, философы, замечательные умельцы, мастера по глине и дереву, металлу и коже, писцы, математики, создатели музыкальных инструментов. Здесь выделывали прекрасный шелк и умели фехтовать на мечах. Здесь же, в долине Хуанхэ, некогда расселились первые китайские племена, стали обрабатывать землю и разводить скот - отсюда берет начало сама История. Династии Шан, Чжоу, Цинь, Хань, периоды Троецарствия, Северных и Южных династий... сколько имен, событий, дерзких начинаний, сколько битв и сражений, заговоров и переворотов!

Медленно течет Хуанхэ - Желтая Река. Тяжелая масса воды движется с грозной силой, омывая песчаные берега. Безбрежные воды, мутное горчичное небо и желтый лесс... Паруса рыбачьих лодок и женщины, отбивающие белье на прибрежных голышах... Такой видит Хуанхэ юный Ду Фу, мчащийся вдоль крутых берегов на коренастой степной лошадке. Эти места еще сохраняют нетронутый, девственный облик, вдалеке синеют леса, глухие и дикие, причудливые растения поражают взор, и, конечно же, вокруг множество дичи. Ду Фу - большой любитель поохотиться, метко стреляет из лука, знает повадки зверей, умеет обращаться с охотничьими соколами. Стрельба из лука и охота издавна

считались благородным занятием, недаром сам Конфуций натягивал тугую тетиву и пускал стрелу в цель. Вот и Ду Фу, оказавшись на берегах Хуанхэ, воспользовался случаем, чтобы еще больше развить свою меткость и усовершенствоваться в верховой езде. С истинным азартом охотника воспел молодой Ду Фу изображенного на картине сокола:

С белого шелка
Вздымаются ветер и холод -

Так этот сокол
Искусной рукой нарисован,

Смотрит насупившись,
Словно дикарь невеселый,

Плечи приподнял -
За птицей рвануться готов он.

Кажется, крикнешь,
Чтоб он полетел за добычей,

И отзовется
Тотчас же душа боевая.

Скоро ль он бросится
В битву на полчище птичье,

Кровью и перьями
Ровную степь покрывая?
(«Картина, изображающая сокола»)

А верховая езда? Ничто так не развивает силу и ловкость молодого человека, не воспитывает в нем смелость и отвагу, как скачки на норовистом скакуне. Во времена Ду Фу к лошадям относились восторженно - ими любовались, страстно спорили о достоинствах той или иной породы, не жалели денег на красивых жеребцов. Целые табуны лошадей пригонялись купцами из среднеазиатских княжеств - Ферганы, Самарканда, Хорезма. Лучшие скакуны попадали в императорские конюшни, где их содержалось несколько тысяч. Иные лошади становились знаменитыми по всей стране, и о них создавались легенды. Придворные живописцы старались запечатлеть их облик на шелке. Прославленным мастером изображения лошадей был Хань

Гань: мышцы его скакунов напряжены, ноздри раздуты, и кажется, они готовы сорваться с привязи и ветром унестись вдаль. С живописцами соперничали поэты, посвятившие немало прекрасных строк среднеазиатским скакунам. Естественно, что и Ду Фу. одинаково владевший искусством стихосложения и искусством верховой езды, попытался воспеть красоту лошади в стихотворении «Ферганский скакун господина Фана»:

Вот прославленный конь
из ферганской страны!
Как костяк его прочен
и накрепко сбит!
Словно стебли бамбука
два уха стоят,
Ураган поднимают
две пары копыт!

Ты любое пространство
на нем покоришь,
Можешь с ним не бояться
несчастий и бед.
Если есть у тебя
быстроногий скакун,
Для тебя с. этих пор
расстояния нет!

Мчаться во весь дух на коне, распевая песни, пли поднимать в полет охотничьего сокола, высмотревшего в небе добычу, - что может быть радостнее! И Ду Фу отдавался этой радости сполна. Одетый в отороченный мехом халат, обутый в мягкие охотничьи сапоги, подпоясанный наборным поясом, с ремешков которого свисали нож, точило, огниво в другие предметы, необходимые в дороге, он бродил среди зеленых холмов, свистом подзывал к себе соколов и ястребов, и прирученные птицы с вышитым ошейником и яшмовым звоночком на хвостах плавно опускались к нему на парчовый нарукавник. Преследовал диких животных в дубовых лесах, натягивал тугую тетиву, целился, и каждый выстрел из лука приносил добычу. Рядом с Ду Фу были друзья, с которыми он знакомился в дороге. Особенно близко подружились они с человеком по имени Су Юй, тоже заядлым охотником и любителем верховой езды. Оба они разбирались в тонкостях соколиной охоты, знали, как ловить ястребов сетью, выкрашенной дубовым соком, чтобы ее не было видно с высоты полета, или брать птенцов прямо из гнезд. Могли назвать все породы

охотничьих птиц, выделив достоинства каждой: черноглазые длиннокрылые балабаны пригодны для охоты на цапель и крупную дичь, а сапсаны - на уток и других водоплавающих. Из кречетов особенно ценятся белые луговые и соколы с «морозом». Затем идут ястребы-перепелятники, ястребы-тетеревятники и прочие породы ястребов, о которых не уставали беседовать друзья, скакавшие бок о бок на быстроногих конях...

Они радовались как дети каждому меткому выстрелу и оба хлопали в ладоши, когда их стрелы, блеснув оперением на солнце, попадали в цель. Но недаром говорится в древних книгах, что радость, достигнув предела, превращается в скорбь. Скорбное известие ожидало Ду Фу, пока он предавался вольным скитаниям и азарту соколиной охоты. В 740 году скончался отец - эта смерть заставила его проститься с Су Юем и срочно повернуть домой. Он мчался почти без отдыха, стегая плетью разгоряченного коня; глаза ему застилали слезы. Странно было представить, что он уже не застанет отца в живых... Дома Ду Фу встретили молча, проводили в комнату, где лежал отец. Ему вспомнилось, как в детстве отец учил его грамоте, заставляя отыскивать «ключи» у иероглифов, помогал делать бумажного змея и бранил за то, что он прокалывал дырки в оконной бумаге, чтобы смотреть на улицу. Сейчас он отдал бы все, чтобы вернуть хотя бы одно мгновение из прошлого. Но прошлое уходит и не возвращается, и теперь сыну надлежит выполнить последний долг перед отцом. Ду Фу остается главным в семье (именно он, а не мачеха, потому что, по конфуцианским традициям, старшим может быть только мужчина). Предстоят хлопоты по устройству похорон и траурных жертвоприношений. Вскоре покойника обрядят в траурные одежды, и процессия двинется к кладбищу. Там уже готов могильный склеп, куда поставят два гроба - внешний и внутренний, сделанные из дорогих сортов дерева, украшенные росписью и резьбой. Рядом со склепом, окруженным вечнозелеными соснами и кипарисами, соорудят кумирню для принесения жертв и поставят каменную стелу с выбитым на ней кратким жизнеописанием умершего и стихотворной эпитафией.

Ду Фу похоронил отца на фамильном кладбище, установив его поминальную табличку рядом с табличками других славных представителей рода. По конфуцианским правилам траур продолжался двадцать семь месяцев, на протяжении которых нельзя было пить вино, есть мясо и играть на цитре. Сохраняя верность обычаю и тяжело переживая смерть отца, Ду Фу приказал построить хижину неподалеку от могилы и перенести туда лишь самые необходимые вещи: кувшин для умывания, смену одежды, несколько книг. Здесь он и поселился в скорбном

уединении. Но не успел закончиться траур по отцу, как последовала еще одна смерть - его любимой тетушки Пэй, жившей в Лояне. Не слишком ли много потерь! Не слишком ли много испытаний посылает ему судьба! В состоянии глубокой скорби и отчаяния Ду Фу отправился в Лоян на похороны и по просьбе родных сочинил надгробную надпись, посвященную памяти наставницы. Эта потеря была особенно тяжелой: он словно снова потерял родную мать. Теперь Ду Фу остался совсем одиноким, лишь сестра и младшие братья служили ему утешением. Не из-за смерти ли близких в нем, убежденном конфуцианце, проснулась тяга к даосизму и буддизму. Ду Фу хорошо знал: о чем не говорил Конфуций, говорили Лаоцзы и Будда, дававшие средневековому китайцу ответ на вопрос, что ожидает человека там, у Желтых Источников, за последней земной чертой...

ДУ ФУ ПОСЕЩАЕТ ХРАМ ВЕЛИКОГО ЛАОЦЗЫ

В пригородах Лояна есть немало достопримечательностей, и одна из самых известных - храм мудреца Лаоцзы. В зимние дни там особенно тихо: старые кипарисы отбрасывают прозрачные тени, зеленая черепица чуть тронута инеем, желтые стропила как бы отливают золотом, и когда дует ветер, едва слышно позванивают нефритовые подвески на концах крыши. Стены храма расписаны У Даоцзы, который славился своим искусством по всему Китаю. Художник мастерски изобразил пять даосских святых, величественно шествующих друг за другом, сопровождающую их свиту чиновников, которые вытянулись в цепочку наподобие диких гусей. Каждая кисточка головного убора источает сияние, каждое знамя словно колышется на ветру. И настенные росписи, и даосский алтарь, и горящие в нишах ароматные свечи, едва колеблемые ветром, внушают каждому, кто сюда приходит, возвышенные чувства и благочестивые мысли. Поэтому неудивительно, что в храм Лаоцзы так стремятся паломники. И Ду Фу, снова оказавшийся в Восточной столице, решает однажды посетить священное место, отдавая дань почтения даосскому мудрецу.

Ду Фу, конечно же, знает, что Лаоцзы отвергал многое из того, чему учил Конфуций, и последователи конфуцианства яростно спорили с приверженцами даосской школы, в пылу полемики часто бросая им необоснованные упреки. Так, конфуцианцы считали, что даосизм мешает человеку быть почтительным сыном своих родителей и подданным своего государя, хотя на самом деле сторонники Лаоцзы вовсе не

отрицали авторитет родителей и государственную власть. Более того, философы даосской школы разработали собственные принципы управления государством, собственную политическую теорию, успешно соперничавшую с теорией Конфуция и Менцзы. Поэтому, сатирически изображая даосов как бы застывшими в позе бессмысленного «неделания», конфуцианцы явно грешили против истины, но и даосы в долгу не оставались, едко высмеивая своих противников за излишнюю озабоченность практическими делами и полнейшую неспособность услышать Флейту Неба, звучащую в руках Неведомого Музыканта. Тем не менее в этой борьбе побеждали конфуцианцы, хотя их победа никогда не становилась окончательной. Многие китайские императоры, строго следовавшие заветам Конфуция, в душе были даосами, а когда к власти пришел Сюаньцзун, он окружил имя Лаоцзы таким же священным ореолом, как и имя Конфуция, и создал в стране его культ. Император собственноручно составил комментарий к трактату Лаоцзы «Каноническая книга о Пути вселенной и каждого человека». По высочайшему повелению жизнеописание мудреца было включено в династийные анналы. Вдохновленный даосской мудростью, Сюаньцзун запретил смертную, казнь и утвердил закон о гуманном отношении к животным. «Каноническую книгу о Пути» стали изучать в школе, а затем в ранг канонических были возведены и другие даосские сочинения, в том числе трактаты «Лецзы» и «Чжуанцзы». Сюаньцзун также учредил экзамен по даосской философии на звание «Знаток мистических учений», а в 741 году императорское правительство объявило о возведении храмов Лаоцзы в обеих столицах и в провинции.

Подобным начинаниям никто не удивлялся. Несмотря на полемику между даосизмом и конфуцианством, в сознании людей они не столько противоречили, сколько дополняли друг друга, недаром многие образованные китайцы были одновременно и конфуцианцами, и даосами, и буддистами. «Сань цзяо хэ и, - говорили в Китае, - Три учения едины». Строгое конфуцианское воспитание не мешало Ду Фу изучать даосские книги. К тому же даосизм пользовался покровительством самого императора. Поэтому, прогуливаясь под кипарисами храмового дворика и разглядывая стенопись У Даоцзы, Ду Фу погружался в мысли о Пути вселенной и каждого человека, навеянные трактатом Лаоцзы. Облик этого мудреца представить гораздо труднее, чем облик Конфуция, привычкам, внешнему виду и чертам характера которого посвящена целая глава «Бесед и суждений». Конфуций предстает в этой книге как вполне конкретная личность, в то время как личность Лаоцзы словно растворена во вселенском

потоке бытия: «Все люди радостны, как будто присутствуют на торжественном угощении или празднуют наступление весны. Только я один спокоен и не выставляю себя на свет. Я подобен ребенку, который не явился в мир. О! Я несусь! Кажется, нет места, где бы мог остановиться. Все люди полны желаний, только я один подобен тому, кто отказался от всего. Я сердце глупого человека. О, как оно пусто! Все люди полны света. Только я один подобен тому, кто погружен во мрак. Все люди пытливы, только я один равнодушен. Я подобен тому, кто несется в морском просторе и не знает, где ему остановиться. Все люди проявляют свою способность, и только я один похож на глупого и низкого».

Сравнивая себя с ребенком, не явившимся в мир, Лаоцзы как бы стирает знаки своей принадлежности к обществу и возвращается к изначальному единству с природой, к великому Дао, которое и есть Путь бытия: «О, туманное! О, неясное! В нем заключены образы. О, неясное! О, туманное! В нем заключены вещи. О, бездонное! О, туманное! В нем заключены семена. Его семена совершенно достоверны, и в нем заключена истина. С древних времен и до наших дней его имя не исчезает. Оно существует для обозначения начала всех вещей. Почему я знаю начало всех вещей? Только благодаря ему». Смысл Дао или Пути бытия как бы неподвластен уму человека, и имя, данное ему людьми, не выражает всей его сущности: «Вот вещь, в хаосе возникающая, прежде неба и земли родившаяся! О, спокойная! О, пустотная! Одиноко стоит она и не изменяется. Повсюду действует и не подвергается опасности (уничтожения). Ее можно считать матерью Поднебесной. Я не знаю ее имени. Обозначая знаком, назову ее Дао; произвольно давая ей имя, назову великой. Великая - назову ее преходящей. Преходящая - назову ее далекой. Далекая - назову ее возвращающейся. Вот почему велико Дао, велико Небо, велика Земля, велик также и государь. Во вселенной имеются четыре великих, и среди них находится государь. Человек следует Земле, Земля следует Небу, Небо следует Дао, а Дао следует Естественности».

Всепроникающей власти естественного Дао подчинено все, и задача человека заключается в том, чтобы не препятствовать этой власти. Во всем следовать Дао - вот чему учит Лаоцзы. Дао как бы показывает человеку незримый Путь во всех его начинаниях, и больших и малых: у того, кто владеет тайнами Дао, все получается как бы само собой, естественно, без лишних усилий. Нужно лишь обладать особой мистической чуткостью и развитой интуицией, чтобы уловить потаенное биение Дао. Нужно не совершать ложных, несообразных законам Дао, действий. «Кто действует - потерпит неудачу, кто чем-либо владеет - потеряет.

Вот почему мудрый человек бездеятелен, и он не терпит неудачи. Он ничего не имеет и потому ничего не теряет», - сказано в «Канонической книге о Пути вселенной и каждого человека». Отказавшись от ложной деятельности, следует отказаться и от ложных слов, не выражающих сущность Дао. «Знающие не говорят, говорящие не знают», - продолжает свою мысль Лаоцзы. В безмолвии, в великой немоте постигается истина, и сам мудрец похож не на изящного острослова, а на наивного сельского молчуна, простака и глупца: «...человек высшей добродетели похож на простого; великий просвещенный похож на презираемого; безграничная добродетель похожа на ее недостаток; распространение добродетели похоже на ее расхищение; истинная правда похожа на ее отсутствие». «Если стремишься постигнуть Дао, - рассуждает Лаоцзы, - то «нельзя быть драгоценным, как яшма, а нужно стать простым, как камень».

Истинный мудрец как бы стоит выше всего того, к чему вынуждены прибегать люди, не овладевшие секретами Дао. Его умение не требует никаких дополнительных средств: он считает без счета, закрывает двери без замков, завязывает узлы без веревки. Достижения цивилизации для него - это ложные миражи, которые уводят человека от состояния первобытного покоя и счастья. Конечно же, даосская критика прогресса и цивилизации в целом выглядит утопичной: остановить развитие человеческой мысли нельзя, обратить историю вспять невозможно. Но в то же время даосским мыслителям не откажешь в правильности постановки вопроса о том, что достижения цивилизации можно использовать по-разному, и на пользу, и во вред человеку. Мыслители даосской школы диалектически проводили различие между добром и злом, прекрасным и безобразным. Ведь когда люди узнали, что прекрасное является прекрасным, - рассуждали они, - появилось и безобразное. Когда поняли, что добро - это именно добро, появилось и зло. Иначе и не могло быть, ведь в мире все взаимосвязано: жизнь и смерть, бытие и небытие. Трудное невозможно отделить от того, что легко; длинное существует лишь благодаря короткому; высокое - благодаря низкому. То же самое происходит и в душе человека. «О, несчастье! Оно основа, на которой держится счастье. О, счастье! В нем заключено несчастье. Кто знает их границы?» - спрашивает Лаоцзы.

Действительно, для даосского мудреца четко очерченных границ между счастьем и несчастьем быть не может. Истинность этого наблюдения нашла не одно подтверждение в мировой литературе, хотя понималось оно по-разному. Если одни

призывали человека мужественно переносить несчастья и беречь редкие крупицы счастья, выпадающего на его долю, то другие искали выход в том, чтобы отказаться и от того, и от другого. Даосские мыслители принадлежали к числу последних. С их точки зрения, человек должен стремиться к той изначальной целостности духа, которая еще не распалась на радость и скорбь, отчаяние и восторг. Истинное счастье виделось им в покое, в невоплощенности, в неразвитости. На этой основе возникло парадоксальное на первый взгляд утверждение: «То, что сжимают, - расширяется. То, что ослабляют, - укрепляется. То, что уничтожают, - расцветает. Кто хочет отнять что-либо у другого, непременно потеряет свое». Иными словами, крепость и сила недолговечны, недаром человек «при рождении нежен и слаб, а после смерти тверд и крепок. Все существа и растения при своем рождении нежны и слабы, а при гибели тверды и крепки. Твердое и крепкое - это то, что погибает, а нежное и слабое есть то, что начинает жить». Стихийная диалектика, пронизывающая эти рассуждения Лаоцзы, распространяется и на его политические взгляды. Военная сила и мощь, по мысли Лаоцзы, менее всего способны обеспечить безопасность государства, и все учение философа пронизано стремлением к миру. «Войско - орудие несчастья, оно не является орудием благородного. Он употребляет его только тогда, когда к этому его вынуждают». Лаоцзы признает лишь войну из-за человеколюбия и справедливости: тот, кто ее ведет, «побеждает, и возведенная им оборона - неприступна».

В «Канонической книге о Пути» нарисована идеальная, с точки зрения даосов, картина всеобщего мира, гармонии и порядка: «Нужно сделать государство - маленьким, а народ - редким. Даже если имеется много орудий, не надо их употреблять. Надо сделать так, чтобы народ не странствовал далеко до конца своей жизни. Даже если имеются лодки и колесницы, не надо их употреблять. Даже если имеются вооруженные войска, не надо их выставлять. Надо сделать так, чтобы народ снова начал плести узелки и употреблять их вместо письма. Надо сделать вкусным его питание, прекрасным его одеяние, устроить ему спокойное жилище, сделать веселой его жизнь. Соседние государства смотрели бы друг на друга издали, слушали бы друг у друга пение петухов и лай собак, а люди до старости и смерти не должны были бьт кочевать с места на место». Идеальная страна, нарисованная Лаоцзы, так и осталась идеальной, волшебной - и несуществующей страной. История Китая развивалась вовсе не по тому пути, который был предсказан философом, и опустошительные войны лишь изредка

сменялись в ней мирным затишьем. История - да, но вот искусство и литература оказались более восприимчивыми к идеям философа, и именно в них утопические мечты Лаоцзы словно бы обрели вторую жизнь. Та же идеальная страна описывается и в даосском трактате «Чжуанцзы», но перенесена она в древнее царство Ци, о котором не раз вспоминал Ду Фу во время своих странствий: «...петухи там друг с другом перекликались, собаки отвечали друг другу лаем». Пение петухов и лай собак слышит и герой «Персикового источника» Тао Юаньмина, заблудившийся в горах и попавший в волшебную страну: «Там были поля превосходной земли, прекрасные были пруды, и тут, и бамбук, и прочее все. Межи и пути шли рядом, друг возле друга и друг через друга. Собака залает, петух закричит - друг друга услышат...» Наступит время, и Ду Фу найдет собственные слова, осуждающие войну, и сумеет по-своему выразить мечту о мире. «Мудрый человек не имеет собственного сердца. Его сердце состоит из сердец народа». Этот завет великого Лаоцзы запомнится ему на всю жизнь.

ЛУНМЭНЬ - ВОРОТА ДРАКОНА

Храм Лаоцзы - не единственная достопримечательность в пригородах Лояна. К югу от Восточной столицы, на берегу реки И, находятся знаменитые Ворота Дракона - высеченные в скале пещерные храмы со скульптурами буддийских святых. Сотни безымянных мастеров - скульпторов и каменотесов, строителей и архитекторов - потрудились над тем, чтобы сотворить это чудо искусства, напоминающее о величественных пещерных храмах Индии, откуда буддизм распространился по всему свету. Сумрачные своды пещер, украшенные искусной резьбой, глубокие ниши и галереи, поражающие глаз сказочным великолепием своего убранства, кажутся земным воплощением буддийского рая. Некоторые из скульптур достигают огромных размеров, и у каждого, кто смотрит на них, невольно замирает дух. Здесь и всемогущий будда Вайрочана, создатель всех остальных будд, и небесные стражники, и бодхисаттвы, призванные помогать людям на пути к спасению. Лики будд и бодхисаттв бесстрастны, зато глаза небесных стражников как бы сверкают огнем, брови сурово насуплены, рот приоткрыт в свирепой гримасе, словно они готовы сразиться со всеми силами зла. Так описывают эти храмы те, кому довелось их увидеть. Вот и Ду Фу спешит воспользоваться пребыванием в Лояне, чтобы взглянуть на буддийскую святыню.

В толпе паломников идет он по дороге, худой, осунувшийся, с глубоко запавшими щеками. Сухие, потрескавшиеся губы твердо

сжаты, ранние морщины пересекают лоб, в глазах - выражение человека, изведавшего горечь жизненных неудач и потери близких. Не испытывал ли то же самое и принц Гаутама - основатель буддизма, впервые столкнувшись с людскими страданиями, болезнями, и смертью? Легенда рассказывает, что, воспитанный среди дворцовой роскоши, Гаутама в молодом возрасте оставил мир и сделался странствующим монахом. Шесть лет он умерщвлял свою плоть в надежде обрести истину, но затем разуверился в аскетизме. Близ местечка Урувела произошло просветление Гаутамы: он вспомнил о своих «прежних рождениях», и ему открылись «благородные истины» буддизма, гласящие, что жизнь в мире полна страданий, но есть Путь избавления от этих страданий. Надо лишь осознать иллюзорность мира, отказаться от страстей и желаний, обуревающих человеческую душу, и тогда произойдет чудо - разомкнётся бесконечная цепь перерождений и душа человеческая в блаженстве нирваны сольется с мировой душой. С этого начался буддизм - религия «просветления», учившая тому, что все явления мира - это лишь сгустки психической энергии, случайные сцепления *дхарм,* своеобразных психических первоэлементов, подобных атомам, но лишенных всякой материальности. Поэтому мир, по мнению буддистов, существовал лишь в той степени, в какой он отображался на экране человеческого восприятия, и все мировое зло мыслилось как проекция человеческих ощущений. Отсюда вывод: устраните ощущение зла, и само зло исчезнет. Сделать это можно лишь внутренним - духовным - усилием самого человека, и каждый верующий обращает взор не столько к небу, сколько вовнутрь самого себя. Христианскую и мусульманскую молитву в буддизме заменяет медитация - состояние внутреннего бесстрастия и покоя. Если сердца христианских проповедников пылают огнем веры, то буддийские подвижники стремятся уподобить сердце остывшему пеплу. Если, по Библии, вначале было Слово, то, по утверждению буддийского канона, близкого канону даосов, все началось с молчания.

Так учил Будда, и в дальнейшем его учение приобретало все больше последователей, усложнялось и конкретизировалось. Возникали различные школы и направления буддизма, которые, подобно волшебным колесницам, устремлялись во все концы света. Малая Колесница - на Цейлон, в Бирму, Лаос, Вьетнам; Большая Колесница - в Китай и близлежащие страны. В различных странах по-разному истолковывались догматы буддизма. Последователи учения Малой Колесницы считали Будду реальным историческим лицом, но для приверженцев школы Большой Колесницы реальный Будда бы иллюзорным

воплощением некоего космического абсолюта, «трансцендентного Будды», который лишь на время принял человеческий облик. Энергия космического Будды, полагали они, способна воплотиться и в тех, кого священные тексты называют бодхисаттвами - «достигшими просветления». Бодхисаттвы разительно отличались от архатов, чьими усилиями двигалась вперед Малая Колесница. Архаты помышляли лишь о собственном спасении и оставались равнодушными к страданиям других. Они жили замкнутой общиной, до которой не долетали призывы о помощи, бодхисаттвы же жертвовали собственным спасением ради спасения остальных людей и как бы давали обет не покидать этот мир, пока в нем есть страждущие и несчастные.

Мудрые и сострадающие бодхисаттвы с просветленными ликами несли в себе частицу «тела Будды» - особой духовной субстанции, в существование которой верили сторонники учения Большой Колесницы. Невидимое и неслышимое, «тело Будды» обнимало весь космос, пронизывало «тьму вещей», а само покоилось вне пространства и времени, источая потоки духовного света. В этом теле, словно в волшебном зеркале, отражалось все сущее в мире - добро и зло, ненависть и любовь, истина и заблуждение. Оно, подобно луне, сверкающей в небе, заливало своим светом землю и вспыхивало в мельчайших капельках росы. «Тело Будды» охватывало мириады божественных существ буддийского пантеона, реющих в пространстве и наделенных могучей энергией; частицей этого божественного тела был наделен и принц Гаутама, что и делало его пророком, носителем высшей мудрости. Буддийский пантеон включал и множество других божеств, неисчислимых, будто песчинки на берегу Ганга. Эти божества именовались по-разному и носили различные ранги, но все они подобно неустрашимому небесному воинству, стояли на ступенях Большой Колесницы, охраняя драгоценную жемчужину буддийской веры.

Оснащенное таким образом учение Большой Колесницы нашло для себя благодатную почву в Китае: после крушения династии Хань и захвата кочевниками долины Хуанхэ, после бесконечных войн, мятежей и заговоров число несчастных и страждущих резко увеличилось. Конфуцианство с его идеалом социальной гармонии и даосизм с его призывом к природной естественности уже не могли утолить в людях духовный голод: тогда-то на китайском Олимпе и встали рядом даосские божества, конфуцианские культурные герои и милосердные бодхисаттвы, пришедшие из далекой Индии. Большая Колесница стремительно катилась по равнинам Китая - повсюду воздвигались буддийские храмы и пагоды, паломники отправлялись в Индию за

священными текстами, в монастырях переводили с санскрита сутры, смуглолицых индийских проповедников с почетом принимали при дворе. Звук буддийского колокола манил в горы поэтов и художников; неграмотные крестьяне и образованные аристократы вступали в религиозные общества. Новообращенные мечтали о «чистой земле» и верили, что, произнося по многу раз имя будды Амиды, можно попасть в рай.

Те, кто прислушивался к голосу смуглолицых проповедников, вряд ли разбирались во всех тонкостях учения Большой Колесницы: гораздо чаще буддийские понятия и термины толковались по прямой аналогии с даосскими. И в самом деле, между буддизмом и даосизмом было много общего, недаром в Китае возникла легенда, что именно мудрец Лаоцзы, на склоне лет достигнув Индии, основал там новую веру. Поэтому первые члены буддийских сект особо не вдавались в различия между Дао - Путем и Бодхи - Просветлением. Но затем наиболее пытливые умы стали осознавать, что буддийское Просветление и даосский Путь - совсем не одно и то же. Просветление, как учил Будда, прежде всего означает разрыв бесконечной цепи перерождений и слияние с Абсолютом в блаженстве нирваны, но даосы ничего не знали о буддийской теории перерождения человека в новом земном облике, поэтому их чувство Пути имело иные оттенки, чем переживаемое буддистами чувство космического Просветления. То же самое касалось и других понятий: кармы, майи и т. д. Все они требовали самостоятельного осмысления, и китайские буддисты принялись за огромную теоретическую работу по составлению собственного буддийского словаря.

Переводя и истолковывая священные тексты, они старались осмыслить два кардинальных понятия - бытия и небытия, неразрывно связанных друг с другом. Каждая вещь, учили толкователи буддийских текстов, переводчики и философы, одновременно и существует и не существует. Вещи не бывают раз и навсегда заданными: сегодня они одни, а завтра - другие. Точно так же и человек. Один из философов рассказывает притчу о некоем Фаньчжи, вернувшемся домой после долгих скитаний. Соседей очень удивило, что он еще жив. Фаньчжи ответил: «Вам лишь кажется, что это я. На самом деле перед вами совсем другой». В это же время китайские теоретики буддизма заговорили и о «внезапном просветлении», которое снисходило на человека в любом месте и в любое время - внезапно и неожиданно, как молния, блеснувшая в небе. Для этого необязательно штудировать сутры, произносить молитвы и подчиняться монастырским уставам. Главное - внутренняя готовность к тому, чтобы «стать буддой», внутренний импульс,

вспышка духовного озарения. Теория «внезапного просветления» как бы подготовила ночву для возникновения чань-буддизма.

Китайское слово «чань» («медитация») обозначало состояние внутренней сосредоточенности и духовного напряжения, которому чаньские наставники отводили главную роль, отказываясь от бесконечного чтения сутр и канонов. По их мнению, слово истины должно передаваться изустно, от учителя к ученику, через живое общение, - только тогда оно достигнет цели и проникнет в самое сердце. Схоластика и начетничество были решительно отвергнуты, и их место заняла непосредственная человеческая интуиция. Конечно, это не означает, что чань-буддизм утратил всякую связь с религией и превратился в философию: достижение нирваны и слияние с «космическим телом Будды» по-прежнему оставались главной целью для адептов учения. Но в то же время чаньская реформация обновила традиционный буддизм и приблизила его к потребностям реальной жизни. Буддийское учение переставало быть только религией и становилось учением о земной красоте, о неповторимости каждого мгновения жизни, о вечной ценности бытия. «Встретишь Будду - убей Будду» - в этом аллегорическом призыве слышались бунт против застывших церковных догм и вера в творческие возможности человека. «Внезапное просветление» снисходило не только на принявшего постриг монаха, члена буддийской общины, но и на художника, поэта и каллиграфа.

Последователи чань-буддизма любовались веткой цветущей сливы, осенней луной, желтеющими листьями клена, бабочкой на цветах. Они учились понимать язык живой природы и с его помощью выражать невыразимое. Охваченные мгновенным ощущением слитности с природой, они за несколько минут создавали картину или стихотворение, а затем, наподобие великого Чжуанцзы, «забывали слова». Бессловесное знание ставилось выше умения говорить. Когда Хуэйчжуна, одного из чаиьских наставников VIII века, приглашали принять участие в философском диспуте, он забирался на стул и молчал. Его противники ждали, чтобы он высказался. Хуэйчжун отвечал на это: «Я уже высказался». - «В чем же суть вашего высказывания?» - в недоумении спрашивали собравшиеся. «Вам этого никогда не постигнуть», - говорил Хуэйчжун, чье молчание и было главным аргументом в споре. Иногда таким аргументом служили неожиданные и парадоксальные жесты: вместо терпеливого разъяснения урока наставник мог ударить ученика, ошеломить его восклицанием «хэ!» или другой абсурдной выходкой. Это делалось для того, чтобы сбить инерцию заданной логики и

высвободить в сознании ученика тот спонтанный импульс, без которого, по мнению последователей буддизма, невозможен полет фантазии.

Ду Фу, совершивший путешествие к Воротам Дракона, никогда не был ревностным буддистом, но он усвоил все то живое и ценное, что было заложено в этом учении. «Внезапное просветление» рождало не только религиозные, но и художественные образы, и поэт тоже «становился буддой», создавая прекрасные строки стихов. Ду Фу долго блуждал лабиринтами пещерных храмов, останавливался перед огромными статуями и трогал холодный камень, словно бы примеряя его прочность к прочности своих будущих строк, воспевающих буддийскую святыню. Он начнет стихотворение словами о том, как постепенно - издали - возникают над просторами полей Ворота Дракона, опишет деревья вдоль почтового тракта, «золотые и серебряные» крыши буддийских храмов, а закончит словами о непостоянстве жизни, о том, что люди, однажды встретившись, затем теряют друг друга. Такова судьба, но, может быть, учение Будды поможет примириться с судьбой? Звук буддийского колокола вселяет в душу спокойствие и отрешенность, не эти ли чувства желанны сейчас для Ду Фу!..

ДУ ФУ В РАННИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Итак, годы с 731 по 744-й были наполнены для Ду Фу самыми разными событиями: он путешествовал, сдавал императорские экзамены, ему пришлось за это время похоронить отца и тетушку Пэй. Путешествие на юг продолжалось четыре с лишним года - когда Ду Фу отправился в путь, ему было двадцать (в Китае принято начинать отсчет возраста с момента зачатия ребенка, таким образом, ребенок рождается на свет уже годовалым), а вернулся домой двадцатичетырехлетним юношей. Известно, что в 730 году Ду Фу предпринял попытку побывать на севере и даже пересек Хуанхэ, но его остановили наводнения рек Ло и Чань, принесшие немало разрушений окрестным районам: были снесены знаменитые лоянские мосты - Мост Небесной Переправы и Мост Вечной Переправы. Поэтому приходится согласиться с мнением современного китайского исследователя Фэн Чжи, что началом юношеских путешествий Ду Фу следует считать 731 год.

Путешествие имеет почти ритуальную значимость в жизни китайского поэта и часто занимает центральное место в его биографии. Отправляясь в дорогу, надолго (или, может быть, навсегда) покидая родину, поэт как бы совершает этический жест разрыва с прошлым, жалуется на свою непризнанность среди

современников, которые «не отличают орхидеи от полыни» и готовы предпочесть истинному дарованию искусственные цветы ложного таланта, обвиняет своих политических врагов в стремлении, подобно плющам, опутывающим ствол дерева, оклеветать его перед государем и говорит о желании навеки покинуть суетный мир и до конца дней стать оттельником. Такому путешествию обычно предшествуют драматическое столкновение с императорским двором, изощренные придворные интриги, невинной жертвой которых и становится поэт, чье служебное перемещение заменяет собою ссылку. Ранние путешествия Ду Фу, что особенно важно отметить, имеют совершенно иной характер, иную окрашенность - это именно юношеские путешествия, лишенные драматизма и еще слабо подчиняющиеся традиционному ритуалу. Правда, второму путешествию Ду Фу (в 736-740 годах на север) предшествовала неудача на императорских экзаменах, но она не оставила в душе поэта заметного следа и не стала поводом для трагического разрыва с миром. Странствующий поэт полон радости, ликования, восторга, опьяненности жизнью, недаром позднее он назвал эти годы годами счастливой свободы.

Биографы Ду Фу расходятся во мнениях о времени и месте его экзаменов. Ряд ученых считают, что императорские экзамены состоялись в 735 году и проходили в Лояне, где в это время находился Сюаньцзун; другие переносят эту дату на год вперед и доказывают, что Ду Фу держал экзамены в Чанъани. Вторая версия представляется убедительнее: она лучше согласуется с последующими событиями в жизни поэта и известными фактами его биографии (по словам самого Ду Фу, он снова вернулся в Чанъань через восемь с лишним лет после экзаменов; установлена дата этого возвращения - 745 год, следовательно, экзамены состоялись в 736 году). Исследователей творчества Ду Фу неизменно волнует вопрос: почему талантливый и образованный потомок Ду Юя и Ду Шэньяня, воспитанный в семье с прочными конфуцианскими традициями и выступавший кандидатом от столичной области, провалился на императорских экзаменах? Сам поэт ничего не сообщает о причинах провала, но было бы вполне естественным предположить, что его необычный талант попросту не укладывался в рамки экзаменационных правил. Это не означает, будто Ду Фу с младенческих пеленок всех поражал своей гениальностью, - напротив, избыток творческих сил мог и помешать ему, лишить внутреннего самоконтроля. Один из самых авторитетных биографов поэта - Уильям Хан - отмечает, что стихам Ду Фу порой недоставало простоты и плавности речи, они требовали медленного и

вдумчивого постижения и с первого взгляда наверняка казались угловатыми и неуклюжими. Возможно, причина провала в этом, если искать именно логическую причину. Но неудача на экзаменах могла объясняться и чистой случайностью, неудачным вопросом, дурным расположением духа экзаменаторов и т. д. По предположениям и подсчетам биографов, отец Ду Фу скончался в 740 году. Затем, как уже было сказано, Ду Фу отправился в Лоян на похороны тетушки и провел в Восточной столице 743 и 744 годы. Почему он не вернулся домой, мы не знаем. Остается лишь предположить, что ему не слишком хотелось жить рядом с мачехой, да и к тому же в Лояне было больше возможностей для заработка. В целом период с 743 по 744 год остается самым «темным» для биографов. Неизвестно, чем именно занимался Ду Фу в Лояне и как он зарабатывал на жизнь. У. Хан предполагает, что поэт либо давал частные уроки, либо выполнял обязанности домашнего секретаря у знатного лоянского вельможи. Это предположение вполне допустимо: провалившись на императорских экзаменах, Ду Фу не мог занять чиновничью должность, а возможностей для заработка иным путем было не так уж много. Как человек образованный и владеющий кистью, он, вероятно, сочинял на заказ надгробные надписи - похожие на ту, которой он почтил память тетушки Пэй. Писал ли он стихи в это время? Скорее всего да, хотя из ранней лирики поэта мало что сохранилось до наших дней. Всего несколько стихотворений датируются 731-744 годами - стихотворений, непохожих на лирику позднего периода. В них еще не слышен набатный звон колокола, пробуждающего в людях доброту и любовь, и его ранние стихи так же безмятежны, как и он сам, скакавший на среднеазиатских лошадках с охотничьим соколом на парчовой рукавице. В них - то же упоение жизнью, радость общения с природой, созерцательный покой:

Восточный район
распахнулся навстречу заре,
И Южная башня
взметнулась вдали предо мной.
Плывущие тучи
повисли меж гор и морей,
Степные просторы
окутаны синею мглой.
(«Поднимаюсь на городскую башню в Яньчжоу»)

Глава третья ТРИ ПОЭТА

Простились у башни.
Пойма безбрежна на взгляд.
Закат изгорает,
медленно меркнет свет.
В укромные гнезда
птицы на ночь летят,
А путник шагает, -
скитальцу отдыха нет.
Ван Вэй,
У высокой башни проводил чиновника Ли

ДЕРЗКИЙ ЛИ БО ПОКИДАЕТ ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР

Тот, кто побывал в Великом Лучезарном Дворце императора Сюаньцзуна, видел много необыкновенного, недаром этот дворец сравнивают со священными постройками древних царей. Исторические хроники свидетельствуют, что в древние времена существовал храм со сходным названием - Лучезарный Зал, как бы в миниатюре отражавший устройство Вселенной и способный притягивать к себе космические силы, благотворно влиявшие на жизнь народа. Вот и дворец Сюаньцзуна обладает тем же магическим свойством, но к его названию прибавлено еще слово «Великий», означающее, что по своему великолепию он превосходит все созданное прежде. Астрологи и гадатели выбрали для дворца место с таким расчетом, чтобы могущественные силы Земли оказывали на него наиболее благоприятное воздействие, и план будущей постройки был сориентирован по сторонам света. Великий Лучезарный Дворец построен зодчими на возвышенности, к которой ведет вымощенная голубоватым камнем и извивающаяся наподобие драконова хвоста дорога. Посетителей дворца, поднимающихся по этой главной Дороге, встречает множество самых разнообразных построек - залов для аудиенций, павильонов для развлечений, библиотек, храмов, воинских казарм. Постройки окружены зарослями бамбука, экзотическими деревьями, мостиками, перекинутыми через ручьи. В прудах и озерах отражаются плакучие ивы и редкие по красоте цветы, в

прозрачной воде плавают диковинные рыбы, в гуще деревьев поют невиданные птицы, и гостю из дальних мест кажется, будто он попал в волшебную страну, обитель бессмертных и небожителей.

Не меньше чудес и внутри дворца: искусная резьба, живопись, вышивка не дают соскучиться взгляду. Все благоухает от аромата цветов и благовоний. Драгоценные курильницы, мешочки с ароматическими веществами, которые придворные привешивают к поясу, насыщают воздух душистой пряностью. Моды на одежду - самые причудливые. Придворные красавицы носят платья среднеазиатских фасонов, а их волосы убраны на персидский манер. Это объясняется тем, что ко двору постоянно прибывают посольства из соседних стран, да и на улицах города много иностранцев - паломников, купцов, богатых путешественников, поэтому женам придворных трудно удержаться от того, чтобы не позаимствовать моду на прическу или фасон одежды. Во дворце день и ночь звучит музыка, устраиваются разнообразные зрелища. Для этой цели создана специальная школа по подготовке актеров - Грушевый Сад. В Чудесном Саду Небожителей искусству актеров обучаются дети, в том числе и дети из императорской семьи. Придворная знать аплодирует выступлениям актеров-карликов, которые тоже проходят специальное обучение. Знатные особы и сам император с азартом следят за петушиными боями и любуются танцами дрессированных лошадей. Пленительные самаркандские танцовщицы, кружащиеся на мяче, вызывают восхищение придворных поэтов, посвящающих им стихи.

Каждый может убедиться, что император Сюаньцзун прозван Блистательным не только за политические и военные реформы, хотя и этого достаточно для того, чтобы увековечить его имя. Сюаньцзун подчинил все сферы экономики строжайшему государственному контролю, добился твердых цен на зерно, восстановил государственную монополию на соль, учредил должность цензоров, следивших за выполнением императорских указов. Подвергнув коренной перестройке армию, Сюаньцзун укрепил границы Танской империи. Деятельный, энергичный, смелый во всех своих начинаниях, он проявил себя и как покровитель искусства и литературы. В самом начале своего правления Сюаньцзун приказал навести порядок в дворцовой библиотеке, пополнив ее новыми свитками книг, число которых достигло шести с лишним тысяч. В дворцовой библиотеке хранятся и конфуцианские, и даосские классики, и исторические сочинения, и буддийские сутры, и классическая поэзия. Указом императора учреждены две академии - Лес Кистей и Собрание Мудрых. Члены этих академий составляют императорские

эдикты, воспевают в стихах деяния Сына Неба. Академики получают высокое жалованье, и им присваиваются ранги - «состоящий в штате», «ожидающий высочайших указаний», «благоговейно ожидающий» и «наставляющий». Особо отличившиеся награждаются красным или темно-синим халатом, поясом с подвесками из золота, серебра или нефрита, а также мешочком с вышитой золотой рыбкой.

Император Сюаньцзун умеет ценить беседу с мудрым человеком. Поэтому он и пригласил во дворец поэта Ли Бо, чья слава гремит по всей Поднебесной. О Ли Бо говорят всюду - у деревенских колодцев, на перекрестках городских улиц, на рынках и в винных лавках. Имя поэта окружено легендой. Он знаменит не только своими стихами, но и познаниями в области даосской философии и рыцарской доблестью. Еще в юном возрасте Ли Бо покинул семью и поселился в горах вместе с даосским наставником. Для него начались годы напряженного внутреннего самовоспитания - «взращивания духа», как говорили даосы. Ли Бо бродил по горным тропинкам, слушал шум ветра в ветвях деревьев и плеск ручья, и его душа становилась такой же чистой и прозрачной, как небесная лазурь. Это и было тем состоянием «пустоты», к которому стремились даосы. Человек в этом состоянии как бы отторгал от себя свое «я» и сливался со всей природой: даже птицы и звери переставали бояться его. Закончив учебу у даосского наставника, Ли Бо стал странствующим рыцарем - одним из тех, чье «слово всегда предполагает исполнение, и то, что они делают, всегда серьезно и определенно. Раз скажут они «да», то обязательно исполнят. Они не жалеют себя, устремляясь туда, где ученому страх и опасность». Долг странствующего рыцаря - заступаться за обиженных и угнетенных. По первому зову они бросаются в бой, чтобы восстановить нарушенную справедливость. Странствующий рыцарь остановит плеть сборщика налогов, занесенную над головой бедного крестьянина, накажет откупщика, обирающего мелких ремесленников, спалит усадьбу князя, чьи егеря и ловчие вытаптывают крестьянские посевы. Странствующие рыцари не признают государственных указов и постановлений. Они свободны. Прячась в дремучих лесах, на берегах рек и озер, они собственным мечом творят расправу над теми, кого оставляют безнаказанными судебные приговоры.

После рыцарских странствий и приключений Ли Бо снова воспитывался у даосского мастера, писал стихи, путешествовал и подолгу гостил у друзей. Гостеприимные хозяева угощали его вином из янтарных кубков и изысканными яствами на нефритовых блюдах. Иногда они вместе с Ли Бо садились в лодку

и под звуки барабанов и флейт уносились в речную даль. Вокруг зеленели прибрежные травы, мелкие волны напоминали чешую дракона. Голоса певиц - девушек в тонких шелковых одеждах - разносились над рекой, и их лица, освещенные солнцем, отражались в воде... Во время своих путешествий Ли Бо встречался с отшельниками, которые жили по двое на берегу какого-нибудь ручья, спали, укрывшись одним одеялом, умывались водой из проруби и вместе носили одну пару сандалий, знакомился с поэтами (его другом был прославленный поэт Мэн Хаожань), разговаривал с простыми людьми. Он фехтовал на мечах, занимался каллиграфией, играл на цитре. Однажды он решил совершить восхождение на вершину Тайшань и долго готовился к этому, соблюдая правила даосской диеты, помогавшей достичь внутреннего очищения, собственноручно переписывая на шелковый свиток трактат Лаоцзы «Каноническая книга о Пути» и стараясь постигнуть его сокровенный смысл. Когда Ли Бо поднялся в горы по дороге, проложенной для самого императора, его окружили сосны, камни и облака. В лесу пели птицы, под камнями журчал ручей, и казалось, что рядом - волшебные феи и небожители, пребывающие в блаженстве вечной молодости. Глядя на лесистые склоны и вдыхая прозрачный горный воздух, наполнявший тело живительной энергией, Ли Бо чувствовал, что вершина Тайшань словно бы таит в себе истину Дао...

После восхождения Ли Бо на Тайшань один из его друзей получил приглашение во дворец и там рассказал о поэте. Эти рассказы услышала младшая сестра императора, которая была даосской монахиней. Она и посоветовала брату, императору Сюаньцзуну, пригласить Ли Бо во дворец, обещая, что беседа с ним доставит истинное наслаждение. Сюаньцзун послушался совета сестры, и вскоре к Ли Бо прибыли гонцы из столицы, вручившие ему императорскую депешу. Прославленного поэта и знатока даосской философии просили пожаловать во дворец. Ли Бо хорошо понимал, что от таких приглашений не отказываются, и быстро снарядился в путь. Его провожали друзья, желавшие поэту удачи и надеявшиеся, что «небожитель, изгнанный с небес», как иногда называли Ли Бо, обретет наконец пристанище на земле. Ли Бо и сам надеялся на это: прежние попытки устроиться на службу и пожучить постоянный заработок кончались ничем, а ведь ему уже за сорок, и вечно зависеть от поддержки друзей и близких не слишком-то приятно. Поэтому он торопил погонщика, сидя в коляске, с нетерпением поглядывал вперед, ожидая, когда покажутся черепичные крыши Чанъани и стражники разведут тяжелые створки городских ворот, пропуская толпу крестьян,

спешащих на рынки, и купеческие караваны, груженные заморскими товарами.

Мощенная голубоватым камнем дорога привела Ли Бо во дворец, где его приняли с почетом и - что не укрылось от глаз - некоторым подобострастием, вызванным столь явным расположением Сына Неба к персоне «изгнанного небожителя». Кто знает, рассуждали придворные, может быть, этот великан-южанин с громоподобным голосом и величественной осанкой, в чьих жилах течет немало тюркской крови, окажется в числе фаворитов и любимчиков Сюаньцзуна или завоюет доверие всесильного евнуха Гао Лиши. Тогда от его прихоти будут зависеть судьбы людей, поэтому нужно заранее с ним поладить. И осторожные придворные стремились окружить великана-южанина лестью, соответствовавшей размерам тех милостей, которые оказывал ему император. А милости эти следовали одна за другой. Хотя Ли Бо и не получил дворцовой должности, его зачислили в императорскую академию Лес Кистей, и он занял свое место среди придворных поэтов, воспевающих дворцовые празднества, прогулки и обеды. Ли Бо ездил верхом на лошадях из императорских конюшен, спал на ложе из слоновой кости, сидел на прекрасных шелковых циновках и ел из золотой посуды. Мог ли мечтать о больших почестях тот, кто недавно готов был разделить единственную пару туфель с лесными отшельниками или странствующими рыцарями!

Император Сюаньцзун часто посылал за Ли Бо, желая побеседовать с ним о даосизме, об искусстве «продления жизни» и эликсире бессмертия. Поэта отводиЛи Бо внутренние покои дворца, куда не долетали голоса людей, где все навевало спокойствие и склоняло к размышлениям. На лаковом резном столике дымился зеленый чай, в вазе стояли садовые цветы, в аквариуме плавали золотые рыбки, и маленькая дворцовая собачка лежала на вышитой подушке, лениво поглядывая вокруг выпученными глазками. Император благосклонно кивал, слушая рассказы Ли Бо, словно они сулили ему, обладавшему безграничной властью и богатством, еще и надежду на земное бессмертие, на «десять тысяч лет жизни». Доводилось ли почтенному Ли встречать настоящих бессмертных? - спрашивает император, и Ли Бо понимает, как хочется Сюаньцзуну поверить в то, что бессмертие существует и что когда-нибудь даосский старец, одетый в травяное платье и похожий на сухое корявое дерево, принесет ему во дворец волшебный эликсир вечной жизни.

- Да, доводилось, - отвечает Ли Бо, вспоминая свое восхождение на Тайшань и встречу с чудесными феями. -

Постигший законы Дао может жить очень долго, тысячи лет, а затем расстаться с собственным телом, будто с птичьим оперением...

Иногда император просит почитать стихи, и Ли Бо, отхлебнув из чаши, декламирует нараспев свои строки:

Собаки лают,
И шумит вода,

И персики.....
Дождем орошены.

В лесу
Оленей встретишь иногда,

А колокол
Не слышен с вышины.

За сизой дымкой
Высится бамбук,

И водопад
Повис среди вершин.

Кто скажет мне,
Куда ушел мой друг?

У старых сосен
Я стою один.

Восхищенный стихами Ли Бо, император посылает за своей «драгоценной супругой» - красавицей Ян, и вскоре во внутренних покоях появляется женщина, подобная тем, о которых в старину говорили, что их красота разрушает даже крепостные стены. Прекрасная Ян Гуйфэй! Ее брови как бабочки, щеки своей нежностью напоминают самаркандский персик, прическа - словно легкое весеннее облако, посылающее на землю благодатную тень. Когда Ян Гуйфэй исполняет танец под любимую мелодию императора «Радужная рубашка, одеяние из перьев», она кажется лунной девой, сотканной из потоков струящегося света; а когда она берет в руки инкрустированную золотом цитру с изображенными на ней фениксами, ее можно сравнить с волшебной феей-небожительницей. Красавица Ян добродетельна, умна и находчива: умеет угодить Сюаньцзуну. Однажды

император играл в го с наследником трона, а «драгоценная супруга» внимательно следила за игрой, стоя возле доски. Когда император начал проигрывать, Ян Гуйфэй выпустила дворцовую собачку, которая вскочила на доску и смешала все фигуры. Разве это не находчивый поступок! Поистине счастлив тот, кто обладает такой женщиной, и император Сюаньцзун настолько увлечен супругой, что подчас забывает о государственных делах, проводя с нею дни и ночи.

Сейчас императору угодно, чтобы Ян Гуйфэй тоже услышала стихи Ли Бо, написанные здесь, в Чанъани. «Драгоценная супруга», одетая в дорогие парчовые ткани, благоухающая запахами «благовестного мозга дракона» - особого вида камфоры, присланной из Тонкина и подаренной ей Сюаньцзуном, усаживается рядом с супругом. Император делает повелевающий жест, и Ли Бо продолжает читать о том, как приглашенная им в компанию луна колышется в такт его песне, а тень пускается в пляс. Им весело втроем - поэту, луне и тени, а, захмелев от вина, они расходятся каждый своим путем. Луна снова холодновато сияет в небе, тень послушно ложится на землю. Поэт остается один и думает:

И снова в жизни одному
Мне предстоит брести
До встречи - той, что между звезд
У Млечного Пути,

Прекрасная Ян Гуйфэй восхищена стихами не меньше самого императора: из расшитых золотом рукавов, словно две иволги, выпархивают ее маленькие белые ручки, аплодирующие поэту, а на губах появляется ослепительная улыбка, обнажающая жемчуг ровных зубов. Ей нравится великан-южанин, так вдохновенно поющий свои стихи, и в душе возникает желание, чтобы в таких же чеканных строфах он воспел ее красоту. Другие придворные стихотворцы уже не раз пытались слагать ей гимны, но их строки тотчас же забывались, недолговечные, будто ночные мотыльки. Стихам Ли Бо, без сомнения, суждена долгая жизнь в веках, и если эти стихи будут посвящены ей, то такой же вечной останется ее красота. Поэтому Ян Гуйфэй опускает глаза и вздыхает, как бы не решаясь высказать вслух свои мысли. Император отгадывает заветное желание супруги (или их мысли, как всегда, совпадают) и повелевает поэту воспеть несравненную красоту. Ли Бо почтительно кланяется и просит подать бумагу и тушь. Когда слуги приносят письменные принадлежности, Ян Гуйфэй сама откалывает кусочек туши и растирает на камне - высшая честь

для поэта, - а император подает ему кисть. Ли Бо медленно окунает кончик кисти в лучшую сиамскую тушь, и за это время - всего несколько секунд - стихотворение складывается в голове. Еще секунда, и оно - на бумаге. Император и «драгоценная супруга» читают еще не успевшие просохнуть иероглифы, словно не веря, что такие «ровные и чистые мелодии» могли родиться на их глазах.

На следующий день новые стихи Ли Бо облетели Великий Лучезарный Дворец, и все придворные - от низших до высших чинов - повторяли строки, в которых Ян Гуйфэй сравнивалась с Летящей Ласточкой - знаменитой красавицей древности. Прекрасные строки - неужели Ли Бо написал их так быстро! Поистине его воображение подобно вспышке звезды Тайбо - Великая Белизна, в честь которой он получил свое имя. И неужели сама «драгоценная супруга» растирала тушь - вот уж совсем небывалый случай! Громогласный южанин может гордиться славой первого придворного поэта: отныне у него нет соперников. Точно так же, как звезда Тайбо затмевает другие звезды, Ли Бо затмил всех. Даже Чжан Цзи - родственника императора, слагавшего изящные стансы. После вдохновенных строк Ли Бо репутация Чжан Цзи померкла и потускнела, что, конечно же, породило в нем зависть и злость. Стоит посмотреть, как он меняется в лице, когда речь заходит о пришельце-южанине! Но Ли Бо не обращает на Чжан Цзи никакого внимания и ведет себя во дворце, словно на вольном просторе «гор и вод». Ни перед кем не заискивает, никому не кланяется, не зря говорится, что у него особая «кость гордости». С вельможами дерзок и насмешлив; совершенно не соблюдает придворный этикет. Однажды на большом пиру попросил самого Гао Лиши снять с него туфли, и всемогущий евнух не посмел отказаться, потому что императора Сюаньцзуна забавляла выходка поэта. Неудивительно, что оскорбленный Гао Лиши (подобно посрамленному Чжан Цзи) затаил против поэта злобу, ожидая случая отомстить ему.

Враги Ли Бо стали плести интриги. Им не удавалось очернить поэта в глазах императора, но они сумели внушить «драгоценной супруге», что южанин едко высмеял ее в «чистых и ровных мелодиях». Дело в том, что Ян Гуйфэй при своей красоте отличалась заметной полнотой фигуры, а Ли Бо сравнил ее с тонкой Летящей Ласточкой. Разве это не насмешка! И вот уже придворные прячут в рукава улыбки, пытаясь представить такую Ласточку, как Ян Гуйфэй: ей нужны были бы орлиные крылья, чтобы подняться в воздух. Под языком Ли Бо, оказывается, скрывалось ядовитое жало. Поистине опрометчиво доверять этим

южанам, которые изображают покорность, а сами готовы предать в любую минуту. Госпожа Ян Гуйфэй растирала для Ли Бо тушь (лучше бы она растирала ее для Чжан Цзи), а он отплатил черной неблагодарностью. Нет, нужно немедленно удалить его из дворца! Пусть возвращается к «горам и водам», прячется в лесах со странствующими рыцарями и пьянствует в деревенских харчевнях. Великий Лучезарный Дворец не для Ли Бо. Так нашептывали красавице Ян угодливые царедворцы, и в конце концов их старания принесли плоды: «драгоценная супруга» поверила, что Ли Бо ее высмеял. Поверила и вознегодовала. Увидев на лице супруги негодование и досаду, император Сюаньцзун - делать нечего - пообещал выслать дерзкого южанина, хотя самому было жаль терять такого собеседника. Император вызвал Ли Бо и сообщил о вынужденном решении. Этим и кончилось недолгое пребывание поэта в Великом Лучезарном Дворце.

Друзья устроили ему проводы: построили небольшой павильон, созвали певцов и музыкантов, заказали вина и закусок, чтобы приободрить поэта накануне долгого путешествия. Они долго веселились на прощание, Ли Бо и его чанъаньские друзья. Затем оседлали лошадей и все вместе домчались до озера Куньмин, находившегося в двадцати километрах от Чанъани. Здесь они и расстались - дальнейший путь Ли Бо предстояло совершить одному. Ли Бо последний раз посмотрел в ту сторону, где остались столица Чанъань и Великий Лучезарный Дворец императора Сюаньцзуна, красавица Ян Гуйфэй и могущественный евнух Гао Лиши. Ли Бо не жалел ни о золотой посуде, ни о ложе из слоновой кости, ни об иных знаках высочайшего внимания и расположения. Ему было жаль одного: Сюаньцзун, слывущий справедливым и просвещенным монархом, поддался наветам клеветников и позволил врагам поэта одержать победу. Значит, даже самые справедливые и мудрые не всегда отличают орхидею от полыни, а ложь принимают за правду. Что ж, этот урок пойдет на пользу Ли Бо - теперь он не станет искать счастья в императорских дворцах, где хорошо и спокойно только таким, как Чжан Цзи. Но этот удел не для истинного поэта. Ли Бо ждут ущелья, горы и водопады - там он будет собирать лечебные травы, заниматься даосскими упражнениями, беседовать с отшельниками и писать стихи на стенах древних монастырей и пагод. Он отрешится от суеты, душа его станет свободной и легкой. Он узнает новых друзей и забудет старых врагов.

ХРАБРЕЦ ГАО ШИ «НЕ ВСТРЕЧАЕТ СУДЬБЫ»

Жители города Сунчэна, расположенного к югу от реки

Хуанхэ, привыкли встречать на улицах человека с воинственной внешностью и горделивой осанкой. Он вышагивал величественной поступью, гордо откидывая голову и как бы придерживая рукой ножны воображаемого меча, что служило напоминанием о его боевом прошлом. В этом человеке всякий угадывал странствующего рыцаря, защитника обиженных и угнетенных, а многие принимали его за богатого и знатного вельможу, столько было надменности во взгляде и гордой уверенности в движениях. Разносчики овощей и фруктов почтительно уступали ему дорогу, осторожно придерживая свои лотки, чтобы случайно не задеть его и не получить увесистого тумака. Человек зычным голосом подзывал слугу, замешкавшегося на перекрестке, и разглядывал товары в лавках с таким видом, словно ему ничего не стоило скупить их все разом. Торговцы с надеждой поглядывали на такого покупателя, но старожилы города и завсегдатаи торговых кварталов хорошо знали, что человек этот вряд ли купит дорогую вещь: в кошельке, привязанном к поясу, не слишком много денег, чтобы тратить их напоказ. Бывший странствующий рыцарь зарабатывает на жизнь возделыванием огорода и разведением домашней птицы. У него небольшой домик в Сунчэне, куда он возвращается всякий раз после неудачной попытки устроиться на службу. В древности о таких людях говорили, что они «не встречают судьбы», вот и бедный Гао Ши - таково имя этого человека - никак не встретит свою судьбу.

Будь у него знатные предки или дослужись его отец до высокого чина, все было бы иначе, но Гао Ши родился в семье чиновника средней руки: с детства привык видеть отца, занятого разбором тяжб и жалоб, составлением докладов в столицу и прочей текущей работой. Такая жизнь не слишком привлекала Гао Ши, поэтому юношей он покинул дом и подружился со странствующими рыцарями. Кочевая жизнь, полная опасностей и лишений, воспитала в нем храбрость, и юный Гао Ши, сжимающий в руке короткий меч, воображал себя похожим на знаменитых рыцарей древности, - например, на своего любимого героя Цзин Кэ, который попытался убить свирепого Юн Чжэна - будущего императора Цинь Шихуана. Храбрецу не удалось прорваться сквозь стражу и нанести удар - Цзин Кэ был схвачен и казнен, но память о нем сохранилась в веках, и его легендарная слава будоражила воображение таких, как Гао Ши. Прячась в лесном убежище, упражняясь в фехтовании и стрельбе из лука, воспитывая в себе смелость и бесстрашие подлинного «ся» - странствующего рыцаря, юный Гао Ши мечтал о свершениях, которые поставили бы его имя рядом с именами Цзин Кэ и других

древних героев. Он тоже хотел прославиться в веках, уверенный, что именно меч и стрелы, а не кисть и тушечница донесут до потомков громкий звук его имени. В отличие от Ли Бо и Ду Фу Гао Ши не поражал окружающих ранней литературной одаренностью и в юности не подавал надежд как поэт.

Закалив в себе волю и воспитав благородный рыцарский дух, Гао Ши стал искать возможность показать на Деле, как он владеет мечом и стрелами. В прочитанных им книгах рассказывалось о мудрых и щедрых покровителях бесстрашных рыцарей, - таких покровителях, как принц Тань, принявший на службу Цзин Кэ, или принц Уцзи из царства Вэй, умевший разглядеть в простых людях подлинных героев. Вот и Гао Ши стремился найти человека, который по достоинству оценил бы его мужество, но на этом пути юного рыцаря преследовали одни неудачи. Даже император Сюаньцзун, окруживший себя талантливыми и преданными людьми и понимавший, что от этого зависит успех его царствования, не заметил талантов Гао Ши, чей первый визит в столицу окончился неудачей. Столичные вельможи тоже не удостоили вниманием юного провинциала, но Гао Ши не отчаивался. Подружившись с поэтами Ван Чанлином и Ван Чжихуанем, он стал завсегдатаем винных лавок, где выступали певцы и музыканты. Гао Ши слушал их пение, иногда и сам подхватывал мелодию, перебирая струны старинной цитры, иногда просил принести вина или садился с друзьями за шашечную доску. Пока его оружие и доспехи пылились без дела, Гао Ши стал чаще вспоминать о бумаге и тушечнице. Полюбив часы уединенных литературных занятий не меньше, чем состязания в меткости и силе, в стихах он по-прежнему оставался рыцарем, чье пылкое воображение устремлялось не столько к красоте «гор и вод» или тишине «садов и полей», сколько к воинским подвигам. Гао Ши сочинял «пограничные» стихи, изображая в них походы, битвы, вылазки и засады, стопы и крики раненых, белеющие в полях кости погибших, - одним словом, все то, из чего складывалась жизнь далеких пограничных гарнизонов.

Эти темы подчас казались грубыми кабинетным знатокам, воспитанным на утонченной придворной поэзии, но. в сердцах простых людей они находили отклик. Тайская держава нуждалась в многотысячной армии, поэтому по всей стране мужчин призывали на службу: жены со слезами провожали мужей, матери - сыновей, сестры - братьев. Долго длилась разлука, и немногие возвращались домой: китайские воины умирали в степях, под чужим небом. Поэтому читатели узнавали в стихах Гао Ши свои собственные судьбы и платили поэту горячим признанием. Положенные на музыку, стихи звучали по всей стране - в

харчевнях, винных лавках и просто на улицах. Однажды, в снежный и пасмурный зимний день, Гао Ши, Ван Чанлин и Ван Чжихуань сидели в харчевне, когда в нее вошли чиновники из Грушевого Сада (дворцовая школа по подготовке актеров), а вслед за ними - четыре изысканно одетые певицы с музыкальными инструментами. Гао Ши и его друзья отодвинулись в угол, разглядывая вошедших при свете жаровни. Ван Чанлин сказал: «Сейчас узнаем, кто из нас самый знаменитый. Тот, чьих песен споют больше, будет считаться победителем». Певицы устроились на небольшом возвышении, настроили цитры и запели. Гао Ши услышал слова своих собственных стихов, положенные на музыку, затем девушки спели две песни Ван Чаплина, и только Ван Чжихуань никак не мог дождаться, когда споют его песню. «Если не споют, вы победили», - горестно вздохнул он, но в это время зазвучали стихи Ван Чжихуаня о реке Хуанхэ, исчезающей в дымке облаков, об одинокой крепости в горах, о весне, которая все не наступает, и об ивах, мечтающих о весеннем тепле...

Уже известным поэтом Гао Ши совершил путешествие на север, где ему довелось встретиться с одним из военачальников китайской армии - принцем Синьаня, который недавно нанес поражение враждебным племенам киданей и Си. Поэт видел воодушевленную победой армию, возвратившихся из похода солдат, горы захваченных трофеев, и его охватывало чувство патриотической гордости. Гао Ши добился, чтобы его представили принцу, и преподнес ему стихотворение, в котором поздравлял с победой удачливого полководца. Стихотворение понравилось, и принц долго расспрашивал автора, откуда он и как оказался на севере. В глубине души поэт надеялся, что принц Синьаня примет его на службу: очень часто случалось так, что крупные полководцы, которые бывали ие слишком грамотными, нуждались в услугах личных секретарей. Но надежды Гао Ши остались невоплощенными: принц не счел стихи поэта достаточно надежным залогом его верности. Снова не встретив свою судьбу, Гао Ши через три года отправился в Чанъань сдавать экзамены. Он решал добиться признания своей начитанностью и знанием классиков. К тому же, рассуждал он, экзаменаторы должны считаться с его репутацией известного поэта. Одним словом, Гао Ши всерьез намеревался оказаться в числе первых - если и не по программе «продвинувшийся муж», то хотя бы по специальному разряду «обладающий Путем», по которому экзаменовались те, кто не привык с раннего детства сидеть над конфуцианскими книгами. Но судьба и тут проявила свой каверзный нрав: экзаменаторы сочли «пограничные» строфы Гао Ши слишком простыми и грубыми для дворцовых стен, и поэт вышел из

экзаменационного зала с горьким чувством досады и разочарования.

Меч обнимаю
не с кем мне слова сказать.
Горы и реки
напрасно тянутся вдаль.

Так писал он в прежние годы. Теперь, в столице, Гао Ши преследовали те же чувства: «одинокий меч», о котором он часто упоминал в стихах, оставался вечным спутником поэта. Гао Ши покинул столицу и стал хозяйствовать у себя в усадьбе (кроме дома в Сунчэне, у него было еще небольшое поместье на реке Ци). Он отнюдь не обладал навыками настоящего крестьянина - трудолюбием, смекалкой, умением заранее все рассчитать, и засеянные рисом поля гораздо чаще приносили убыток, чем прибыль. Иногда в доме кончалась еда, кончались деньги, и Гао Ши просил в долг у соседей. Соседи относились к нему снисходительно, считая Гао Ши чудаком и неудачником, но помогали ему. С мелкими монетами в руке он возвращался домой, сравнивая собственные беды с несчастьями «нашего Цю» - так насмешливо называл Конфуция один из односельчан, не веривший в его мудрость. Вот и Гао Ши для большинства обитателей Сунчэна тоже был «нашим Гао». Поэтому, живя в своем городке, он мечтал о встрече с людьми, «познавшими звук» истинной дружбы, которые поверили бы в его талант, смелость и благородство.

ХОЗЯИН ВИННОЙ ЛАВКИ ПРИНИМАЕТ ИМЕНИТЫХ ГОСТЕЙ

Лицо добродушного торговца вином, встретившего Ду Фу у дверей своей лавчонки, выражало такую нескрываемую радость, а в его движениях было столько предупредительности и желания всем угодить, что поэт обратился к нему с вопросом: «Почтеннейший, в чем дело? Не забил ли у вас во дворе винный источник?» Хозяин улыбнулся в ответ на шутку, краем передника вытер пыль с кувшина и доверительно сообщил, что его лавку посетил именитый гость, какие редко заглядывают в их городок. Поистине само Небо оказало такую милость хозяину, поэтому он просит извинить его за то, что не может сейчас побеседовать с господином Ду. Надо торопиться - именитый гость заказал вина, и хозяин хочет поскорее нацедить его из жбана и подогреть на

огне. Не согласится ли почтенный хозяин назвать имя гостя?

Может быть, это столичный чиновник или генерал, оказавшийся в здешних местах? Конечно, хозяин назовет имя, но только это не генерал и не чиновник, а сам господин Ли Бо, которого император пригласил недавно во дворец и зачислил в академию Лес Кистей. Ду Фу от неожиданности замер - неужели он увидит прославленного Ли Бо! Попросив хозяина представить его, Ду Фу остался стоять за бамбуковой занавеской. Хозяин почтительно приблизился к гостю и что-то прошептал на ухо. «Передайте господину Ду Фу, что Ли Бо будет рад познакомиться с ним. Надеюсь, он не откажется разделить с нами скромную трапезу», - послышался громкий голос, напоминающий раскат весеннего грома, и Ду Фу несмело вышел из-за занавески.

На циновке рядом с Ли Бо сидел еще один человек - Гао Ши, о котором Ду Фу тоже доводилось слышать. Какая удача - два таких поэта рядом! Пожалуй, сама судьба привела Ду Фу в эту лавчонку. Ни с кем он так не мечтал познакомиться, как с Ли Бо, а Гао Ши разве не достойный собеседник! Ду Фу почтительно поклонился, и оба поэта вежливо поднялись с места, чтобы приветствовать его ответным поклоном. Затем они втроем опустились на циновку, и хозяин поставил перед ними кувшин с молодым осенним вином. За окнами моросил мелкий дождь, в жаровне тлели угли, и это еще больше настраивало на дружескую беседу. «Не скажет ли уважаемый Ду Фу, откуда он родом?» - спросил Ли Бо, наполняя вином маленькие чашки. «Семья жила в Шаолине», - ответил Ду Фу. «Не родственник ли вы поэту Ду Шэньяню?» - «Я его внук». - «А какими судьбами здесь?» - осведомился Гао Ши. «Приехал на похороны бабушки, второй жены Ду Шэньяня. Она умерла недавно». - «Да, все мы в этом мире как путники на постоялом дворе. Наступит срок, и, как сказано у почтенного Тао Юаньмина, «отдашь свое тело горе». Верите ли вы в эликсир бессмертия?» - спросил Ли Бо. «Я слышал, что бессмертные существуют, но тот, кто посвятил жизнь поискам эликсира, уже не может быть почтительным сыном своих родителей и верным слугой государя». Ли Бо едва заметно улыбнулся. «Вижу, вы хорошо начитаны в конфуцианских книгах. Но ведь недаром говорится: Небо, Земля, Человек. Человек принадлежит Небу так же, как он принадлежит Земле. Поэтому так ли важны земные заботы?!» Ду Фу не знал, что ответить, и поэт вовремя пришел ему на помощь: «Вы служите?» - «Нет, я провалился на императорских экзаменах». - «Вот и меня недавно выдворили из дворца клеветники и завистники. Мы с моим другом Гао Ши путешествуем по здешним местам. Если хотите, вступайте в нашу компанию». - «С радостью!» - воскликнул Ду Фу.

Закончив трапезу, Ли Бо, Гао Ши и Ду Фу простились с хозяином винной лавки, который проводил их до самых ворот, постоянно раскланиваясь, и еще долго смотрел им вслед, воображая, как он теперь будет рассказывать, что в его лавку заглянул знаменитый Ли Бо. Пожалуй, посетителей от этого станет вдвое больше, вот только жаль, не догадался попросить у поэта написать на стене стихотворение: тогда от посетителей не было бы отбоя. Так сетовал на свою недогадливость торговец вином, в чьей лавке произошла встреча Ду Фу с его будущими друзьями, а трое поэтов в это время вместе шли по улицам. В тот день с утра моросил дождь, но к полудню он затих, и поэты придерживали полы халатов, перешагивая через лужи. Торговцы вновь раскладывали на лотках свои товары, и черепичные крыши быстро просыхали под солнцем. Глядя на кусочки голубого неба, показавшегося в просветах облаков, Ли Бо предложил сегодня же двинуться в путь - туда, где синеют горы, высятся зеленые сосны и в пожелтевших кленовых лесах мелькают стада оленей. Гао Ши добавил, что лучше не откладывать отъезд до вечера, а, захватив с собой мечи и стрелы, сейчас же нанять экипаж. Ду Фу обрадовался предстоящему путешествию и лишь попросил пару часов на сборы. Они условились встретиться у городских ворот, и вскоре запряженная лошадьми коляска уже увозила их по накатанным осенним дорогам мимо рисовых полей, огородов и крестьянских хижин.

Весь конец осени Ли Бо, Гао Ши и Ду Фу провели вместе, странствуя в «землях Лян и Суй», как некогда назывались окрестности городов Чэньлю и Сунчэна. В этих местах они не только читали друг другу стихи, упражнялись в фехтовании и стрельбе из лука, поднимались на многоярусные каменные башни, построенные много лет назад, и, как подобает истинным поэтам, подолгу стояли на галерее верхнего яруса, любуясь расстилавшимися вокруг далями, размышляя о «древнем и современном». Так же подолгу они беседовали обо всем, что происходило в стране: о славном царствовании Сюаньцзупа, о возвышении евнуха Гао Лиши и родственников прекрасной Ян Гуйфэй, о новых наборах в армию, оставлявших крестьянские семьи без рабочих рук, о введении новых налогов, о повышении цен. Обстановка в стране уже не казалась такой безмятежной, как несколько лет назад, и хотя в стране никто не голодал, крестьяне снимали с полей богатые урожаи и прилавки ломились от товаров, на горизонте империи собирались зловещие тучи. Об этом и рассуждал Ду Фу, сидя напротив друзей и подбрасывая в костер сухие ветки. Он гордился тем, что знаменитые поэты приняли его как равного и, несмотря на разницу в возрасте - Ли

Бо был старше на одиннадцать, а Гао Ши на шесть лет, - меж ними возникла дружба. Никогда раньше Ду Фу не испытывал такой глубокой привязанности к друзьям и радости оттого, что совпадали их самые заветные мысли и чувства, и, «познавшие звук», они даже в молчании понимали друг друга.

С храбрым Гао Ши Ду Фу объединяла общность судеб: оба родились в семье чиновника, провалились на столичных экзаменах, странствовали по свету. Ли Бо оказал большое влияние на Ду Фу обширными философскими познаниями и особенно увлек своего друга двумя идеями, зародившимися в недрах классического даосизма Лаоцзы и Чжуанцзы, а затем во многом переосмысленными философами Северных и Южных династий - идеями светского отшельничества и поисков эликсира бессмертия. Светское отшельничество «аристократов в отставке» отличалось от сурового религиозного отшельничества, проникнутого духом жертвенности, аскетизма и борьбы с плотью. Покинуть службу, поселиться в деревенской усадьбе, выращивая садовые хризантемы, сочиняя «стихи о садах и полях», заваривая крепкий зеленый чай и с равнодушием взирая на тех, кто охвачен бессмысленной жаждой чинов и славы, - этот идеал светского отшельничества не требовал полного забвения радостей жизни, а, наоборот, уравновешивал в человеке «внешнее и внутреннее», приносил покои и гармонию. Столь же заманчивым и притягательным казалось отправиться в горы с заплечной котомкой и суковатым посохом в руке, наткнуться на редкие виды минералов, возвратившись домой, изготовить по древним рецептам волшебный эликсир, делающий тело нестареющим, а жизнь - вечной. Нетрудно заметить, что светское отшельничество было своеобразной формой политической борьбы и политического протеста, недаром многие «аристократы в отставке» покидали двор отнюдь не по собственному желанию, а в результате победы враждебной группировки или фракции, как это и случилось с Ли Бо. В глазах Ду Фу Ли Бо был отшельником в самом широком смысле слова: именно даосизм воспитал его бесстрашным в поступках и мыслях, импульсивным, непредсказуемым, не считающимся ни с какими условностями, свободным и вдохновенным в творчестве. Влюбленный в старшего друга и преисполненный к нему восторженного благоговения, Ду Фу в своих духовных исканиях стремился ему подражать. Конфуцианство на время отодвинулось в сторону, а его место заняли нескончаемые беседы о Дао, о лечебных травах и снадобьях, о древних отшельниках, по преданию, достигавших тысячелетнего возраста, о фее долголетия Чанъэ, живущей на луне, о Лунном Зайце, растирающем в ступке порошок вечной

жизни, о даосском мудреце Гэ Хуне и его знаменитом трактате, толкующем о различных способах продления жизни. В стихотворении, посвященном старшему другу, Ду Фу писал:

Ли Бо был гостем
Золотых Палат,
Но, путь исканий
праведных избрав,
Он стал скитаться
в землях Лян и Сун,
Поверив в силу
их целебных трав.

Гао Ши принимал сдержанное участие в этих беседах и, слушая своих друзей, лишь покачивал головой и вздыхал. Конечно, он со всем почтением относился к мнению Ли Бо и находил весьма глубокими слова Ду Фу, но сам он, неразумный простак (самоуничижение - дань вежливости), сохранял верность учению Конфуция, а на даосизм смотрел как на непозволительную роскошь. Гао Ши считал, что только богатые и знатные люди могут позволить себе увлекаться снадобьями и эликсирами, которые, во-первых, стоят изрядных денег, а во-вторых, отнимают у человека драгоценное время. По мнению Гао Ши, человека, «не встретившего судьбы», должно заботить, как устроиться на службу и заработать чашку риса, а остальное - что бы ни говорили друзья - не слишком-то важно. Отшельническая хижина - последний приют для тех, в ком уже не осталось сил бороться, но он, Гао Ши, еще крепко сжимает в руке меч, помнит наизусть слова древних книг и умеет давать мудрые советы правителям. Поэтому он надеется на земное счастье и земную удачу, а что там, на Небе, каждый узнает в свой срок... Охваченный вдохновением, Ли Бо не замечал вежливой сдержанности Гао Ши и, обрушивая на него водопады слов, был уверен, что храбрый рыцарь готов устремиться за ним в чертоги лунной феи. Но Ду Фу, глядя на Гао Ши, словно бы опускался на землю и вспоминал о собственном неустройстве - не чиновник и не отшельник, нет ни прочного заработка, ни постоянного пристанища. Правда, он всюду возит с собой листки со стихами, которых становится все больше и больше, но за стихи ему никто не платит, а денег в кошельке остается все меньше. Где уж там думать о покупке дорогого эликсира - набралось бы монет на жиденький овощной суп!..

Когда, между друзьями заходил разговор о поэзии, Гао Ши поддерживал его охотнее, и тут уж Ду Фу частенько замолкал,

лишь бы не пропустить ни слова. Ему было чему поучиться у друзей, чья поэзия помогла ему в поисках собственных путей. Поиски давались нелегко, но, словно прорубая ступени в непроходимых горах, Ду Фу упорно карабкался на вершину. Он понимал, что его пути лежат в стороне от дороги, которую выбрали мастера «дворцового стиля», создававшие строфы, подобные искусственным цветам, - отточенные и безжизненные. Но в какой именно стороне, Ду Фу еще не знал и в свои тридцать три года оставался «путником, заблудившимся в садах» танской поэзии. Мужественная лирика Гао Ши подействовала на него, как освежающий порыв ветра: Ду Фу убедился, что классический пятисловный стих пригоден не только для воспевания луны, цветов и дворцовых красавиц, но и для раскрытия острых современных тем. «Пограничные» строфы Гао словно бы возникали из густой прогорклой пыли, которую поднимали сапоги солдат, уходивших в походы; в них слышались хрип загнанных лошадей, вой степного ветра, свист вражеских стрел. И оказывалось, что во всех этих «грубых» деталях больше поэзии, чем в самых утонченных.

Стихи Ли Бо приблизили его младшего друга к истокам даосского взгляда на искусство. Ду Фу стал постигать на собственном опыте, что миг творческого горения, взлет фантазии, вспышка интуиции способны дать больше, чем кропотливая и долгая шлифовка строк. Вдохновенный Ли Бо брался за кисть лишь тогда, когда поэтический замысел созревал в нем настолько, что требовалось лишь несколько взмахов кисти, чтобы стихотворение - готовое - легло на бумагу. Остальное время Ли Бо занимался совсем иными, на первый взгляд посторонними вещами - заваривал целебные травы, смотрел на осеннюю луну, слушал шум ветра в вековых соснах. Но наступал волшебный миг, и он сам словно бы становился луной или деревом, так глубоко удавалось проникнуть в их «корень», их неповторимую сущность. Вслед за даосскими мудрецами Лаоцзы и Чжуанцзы Ли Бо любил повторять, что в поэзии молчание, намек, недосказанность подчас оказываются выразительнее многих и многих слов. Ли Бо учил «забывать слова» наподобие великого Чжуанцзы, однажды сказавшего: «Где мне найти человека, забывшего слова, чтобы поговорить с ним?» Точно так же, как китайский художник, изображавший небо или воду, оставлял пустой часть свитка и зритель безошибочно догадывался, что именно здесь должно быть: небо или вода, поэт «обрывал» стихотворение, заставляя читателя дорисовывать в воображении словесную картину. Отсюда и название одного из самых распространенных жанров китайской поэзии - «оборванные строфы»... Так пролетела

благодатная осень 744 года, сдружившая трех поэтов. В начале зимы, с наступлением первых холодов, Гао Ши покинул своих друзей: ему предстояло долгое путешествие на юг. Проводив в путь храброго рыцаря, пожелав ему удачи и взяв с него обещание не лениться и писать письма, Ли Бо и Ду Фу остались вдвоем - надолго ли, мы не знаем. В этом месте повествования белая зимняя пелена как бы окутывает двух поэтов, скрывая их от наших глаз. Известно лишь, что зимой Ду Фу пересек Хуанхэ, чтобы встретиться с даосским наставником, жившим в горах Обитель Князя, но оказалось, что наставник к тому времени уже скончался. Долго стоял Ду Фу у стен его жилища, размышляя о непостоянстве мира, о чередовании жизни и смерти. Весной следующего года Ду Фу отправился в Яньчжоу, где некогда служил его отец, и написал стихи на хижине знакомого отшельника Чжана, встреча с которым оставила глубокий след в его памяти:

В весенних горах я скитаюсь один
и ваше жилище ищу,
В лесу дровосеков стучат топоры,
а горы все так же молчат.
Среди затаивших прохладу долин
иду по намерзшему льду.
Вечернее солнце во мраке лесов
садится у Каменных Врат.
Вы слышите ночью, как недра земли
хранят золотую руду,
И видите утром: вдали от людей
гуляют оленьи стада.
Нам радостно вместе бродить по горам:
забыли дорогу домой;
Как будто в отвязанной лодке меня
уносит речная вода...
(«Написал два стихотворения на стене дома отшельника Чжана»)

Только влиянием Ли Бо или непосредственной близостью старшего друга можно объяснить то, что Ду Фу стал часто навещать даосских отшельников, но необходимо упомянуть и еще об одном человеке, к которому Ду Фу относился с глубоким почтением, хотя меж ними и не возникало такой горячей и пылкой дружбы, как между Ду Фу, Ли Бо и Гао Ши. Летом 745 года Ду Фу провел в местечке Линьцзы, где служил его близкий знакомый, приходившийся родственником известному поэту Ли

Юну. Сам Ли Юн тоже оказался в здешних местах и, как давний поклонник таланта Ду Фу, восторженный ценитель его стихов (Ли Юн помнил молодого поэта по Чанъашо и Лояну), был особенно рад встрече с ним. Мнение такого человека, конечно же, многое значило для Ду Фу, ведь, помимо собственных литературных заслуг, Ли Юн как бы унаследовал славу своего отца Ли Шаня, авторитетного знатока и толкователя древних текстов, составившего комментарий к антологии «Литературный изборник», входивший в программу императорских экзаменов. Живой свидетель той поры, когда начиналась великая тайская поэзия, Ли Юн, словно истинный патриарх, напутствовал молодого Ду Фу, совершая с ним долгие прогулки по окрестностям Линьцзы и устраивая пиршества в его честь. Позднее к ним присоединился Гао Ши, возвратившийся из путешествия по югу: он, конечно же, был самым желанным гостем в компании поэтов. Ли Юиу он пришелся по душе своей храбростью, честностью и прямотой, воспитанными в долгих скитаниях. Хорошо разбираясь не только в стихах, но и в людях, Ли Юн понял, что этот человек никогда не променял бы походное седло на мягкое кресло столичного неженки: постоянство - чан - было главной чертой Гао Ши. В свою очередь, храбрый Гао видел в Ли Юне идеал мудрого и щедрого покровителя - подобного тем, что встречались в глубокой древности, во времена мужественного Цзин Кэ. Истинный рыцарь так же нуждается в покровителе, как поэт - в слушателе и ценителе своих стихов. Поэтому Ду Фу, Гао Ши и Ли Юн в полном смысле слова нашли друг друга. Втроем они продолжали пировать и охотиться, провожая теплое лето и все чаще замечая на склонах лесистых гор желтеющие листья кленов - признак надвигавшейся осени.

ОСЕННИЕ ПРАЗДНЕСТВА У КАМЕННЫХ ВРАТ

Каменные Врата, упомянутые в стихотворении Ду Фу, написанном на стене хижины отшельника Чжана, находились в области Яньчжоу, с 742 года переименованной в Луцзюнь. Два островерхих пика, обращенных друг к другу, действительно напоминали столбы ворот, - отсюда и название местечка, куда Ду Фу перебрался осенью 745 года, простившись с Ли Юном и Гао Ши. Он обосновался в деревеньке, расположенной неподалеку от здешней достопримечательности - Каменных Врат, которые гостеприимно распахивались перед его новыми друзьями. Жители деревеньки с удивлением наблюдали за тем, как к дому Ду Фу подкатывали коляски, нагруженные коробками со всякой снедью и дорогой посудой (о чем свидетельствовали доносившиеся из

коробок запахи и мелодичный звон фарфора), и сам поэт усаживался на мягкое сиденье, чтобы вместе с друзьями - состоятельными чиновниками Лю, Чжэнем и другими - отправиться на целый день в горы. Поднимая сухую осеннюю пыль, они долго мчались по дорогам, прежде чем удавалось найти уединенное место, где совсем не было людей, даже не стучали топоры дровосеков, и лишь сбегал по мшистым валунам горный ручей, шевеля прибрежные тростники, в мелком озерце плескалась рыба, пахло прелым листом, какие-то странные грибы краснели между деревьев, шумел на ветру пятнистый бамбук, и все было как в старинной книге: «Все самые достойные пришли, собрались все - и стар и млад. В этой местности были высокие горы, крутые холмы, густейшие рощи и длинный бамбук. И еще были чистые струи и быстрый поток, бегущие поясом друг перед другом и слева и справа. И я устроил так, чтоб это все служило нашим чаркам, плывущим по извивам вод...»

Ду Фу и его друзья расстилали на траве циновки, расставляли посуду, доставали из коробок еду и вино, и начинался пир, длившийся до самого вечера. На пиру, в минуты вдохновения, вызванного игрой музыкантов или пением гетер (их тоже брали с собой), рождались стихи:

Осенние воды
прозрачны до самого дна,
И так же спокойны
сердца моих добрых друзей.
Едва лишь им выпадет радость
от дел отдохнуть,
И тотчас на вольную волю
торопят коней.
Вот двое друзей - благородных,
как древний нефрит.
Расставлены вина и яства -
им счет золотой.
Спускается вечер,
а флейты так нежно звучат,
Что вторит им даже
волшебный дракон под водой...
(«Вместе с чиновниками Лю и Чжэнем пируем у Каменных Врат»)

В осенних празднествах и пирах, к радости Ду Фу, участвовал и Ли Бо, оказавшийся там же, у Каменных Врат. Повторилось все то, что было прошлой осенью, - прогулки, беседы, чтение стихов,

вот только Гао Ши находился в это время далеко от них, и друзья старались представить его усадьбу на берегу реки Ци, рощицу тутовых деревьев, бросающую тень на крышу дома, гусей и уток, гуляющих по двору. Конечно, им не хватало храброго Гао Ши, но, может быть, поэтому они еще больше сблизились и полюбили друг друга. Правда, Ду Фу продолжал относиться к старшему другу с нескрываемым благоговением и не мог полностью пренебречь условностями, как того хотелось Ли. Хотя в посвященных ему стихах Ду Фу отваживался написать о том, что они укрываются одним одеялом и гуляют, взявшись за руки, это было лишь данью литературной традиции: в стихах о дружбе полагалось использовать подобные образы. В жизни Ду Фу не чувствовал себя таким смелым и не забывал, что перед ним - великий Ли Бо. Ду Фу еще не настолько приблизился к даосской «естественности», чтобы в присутствии друга сидеть с непокрытой головой или развязанным поясом. Конфуцианское воспитание Ду давало себя знать и тогда, когда он почтительно приподнимался с места, стоило Ли Бо обратиться к нему, или сам обращался к старшему другу с поклоном. Но, несмотря на сдержанность в обращении, оба они называли друг друга братьями - если и не по крови, то по духу, и это диктовалось не только соблюдением традиций, но и искренним чувством взаимной любви:

Я восхищаюсь
строками Ли Бо,
Как будто сам Инь Кэн
передо мной.
Я тоже путник
здесь, в горах Дунмэн, -
Люблю его, как брата,
всей душой.
Одну и ту же
делим с ним постель.
И на прогулках
руки сплетены,
Когда мы ищем
тихое жилье
Отшельника
у городской стены.
Сюда заходим
с радостью в душе;
С почтеньем служка
у дверей стоит.
Стучат вальками

прачки на заре,
Сгущается туман
у древних плит.
Читаем Цюй Юаня
нараспев, -
Кто знает вкус
похлебки овощной!
К чему чины и званья
вспоминать,
Когда душе открыт
простор морской!..
(«Вместе с Ли Бо навещаем отшельница Фаня»)

Молоденький служка отшельника Фаня, встречавший гостей у ворот, смотрел во все глаза на высокого господина с громоподобным голосом и его худощавого друга, одетого в простое платье и подпоясанного обычным матерчатым поясом. Высокий господин казался похожим на вожака лесных разбойников, наводящих ужас на проезжих купцов, или на странствующего мага с гадательными принадлежностями в котомке, а его друг напоминал бедного ученого, ютящегося под дырявой крышей: именно такие люди чаще всего навещали хозяина дома. И странное дело, отшельник Фань находил с ними общий язык гораздо легче, чем с добропорядочными городскими обывателями, важными чиновниками и генералами. Он принимал их со всем радушием, подолгу беседовал с ними, угощал чаем, заваренным на воде чистейших горных источников, и показывал свои книги. Вот и сейчас, напоив и накормив гостей, хозяин достал томик Цюй Юаня, и они стали читать вслух «Гимн мандариновому дереву». «Я любуюсь тобой, мандариновым деревом гордым...» - декламировал отшельник Фань, а гости отбивали такт ручками вееров, покачивали головами и вздыхали, словно бы сравнивая самих себя со стойким мандарином, которому не страшны осенние ветры и зимняя стужа. Стихи, написанные десять веков назад, казались рожденными сейчас, в эти минуты, и великий Цюй Юань словно был рядом: обернись, и увидишь его сидящим на Циновке, с локтем, упирающимся в фарфоровый подлокотник, с кистью, готовой опуститься на золотистый шелк.

Древние говорили, что в стихах воплощена душа их создателя, вот и чтение отшельника Фаня словно бы доносило веяние мятежной души одного из первых китайских поэтов...

Чтение продолжалось до вечера, и вот уже женщины с

корзинами белья вышли к реке, расстелили белье на плоских голышах и стали колотить по нему вальками - этот звук далеко разносился в вечерней тишине. Края облаков, окрашенные светом заря, постепенно темнели, становились лиловыми, лазоревыми, фиолетовыми, и с гор веяло холодом. Гости попрощались с хозяином, и молоденький служка зажег свечу, чтобы проводить их до города. Ночные мотыльки летели на пламя свечи, отбрасывая огромные тени, похожие на призрачных птиц. Мальчик закрывал пламя ладонью и, идя впереди гостей, предупреждал их, если на дороге попадался камень или сухая ветка, но высокий господин смеялся в ответ на эти предосторожности и то ли в шутку, то ли всерьез говорил, что видит в темноте не хуже летучей мыши. И действительно, он ни разу не споткнулся и не оступился поддерживая за локоть своего друга и успевая смотреть на темнеющие вдали горы и редкие звезды, мелькавшие в просветах облаков. Когда впереди показались городские стены, высокий господин отправил служку домой. Холодный ветер подул сильнее, и вокруг зашелестела сухая трава, качнулись голые ветки деревьев, и в небо поднялась стая галок. «Я любуюсь тобой, мандариновым деревом гордым...» - снова вспомнил высокий господин, а его спутник, словно бы отгадывая мысли друга, ответил стихами, сочиненными здесь же, у Каменных Врат:

Снова осень пришла. Нас по жизни несет,
словно ветром степную траву.
Не сумели целебный добыть эликсир -
да простит нас мудрейший святой!
Разудалые песни поем на пирах -
так впустую и кончатся дни.
Мы горды и свободны, но чем знаменит
одинокий и гордый герой?..
(«Преподношу Ли Бо»)

Чем знаменит? Чем прославился? Что совершил в жизни? Эти вопросы не переставал задавать себе Ду Фу, пируя с друзьями и навещая горных отшельников.

Иногда ему становилось особенно горько при мысли, что ему уже за тридцать, а еще ничего не достигнуто и дни проходят впустую, словно отражение луны в речной воде. Ду Фу приходилось видеть, как обезьяна, держась за ветку прибрежной ивы, пытается поймать ускользающее лунное отражение, - вот и человек, не нашедший себя в жизни, похож на такую обезьяну. Зачерпнет пригоршню воды, разожмет пальцы, а в руке - пусто.

Поистине счастливыми казались Ду Фу те буддийские

монахи, для которых пустота была полна сокровенного смысла, но его преследовало гнетущее чувство самой обычной - не даосской - жизненной пустоты. Он не отваживался пойти путем Ли Бо, хотя его увлекали поиски даосского эликсира и целебных трав, но он не стал и настоящим деятельным конфуцианцем. Кто же он тогда? Поселился в деревенской глуши, в тишине «садов и полей», но вместо уединенных размышлений и отшельнического поста участвует в пирах и увеселительных поездках в горы. Нигде не служит, но и не странствует с посохом и заплечной котомкой по лесистым склонам гор. Надо наконец сделать выбор: чиновник или отшельник? И Ду Фу, верный заветам Конфуция и традициям своего древнего рода, делает свой выбор. Тогда же, осенью 745 года, он принимает решение отправиться в столицу Чанъаиь и снова устроиться на службу. Ля Бо, который тоже готовится в дорогу, провожает своего друга. В стихах, посвященных Ду *Фу,* он пишет:

Когда нам снова
будет суждено
Подняться над озорною
водой?
Когда же вновь
у Каменных Ворот
Вином наполним
кубок золотой?
Стихают волны
на реке Сышуй,
Сверкает море
у горы Цзулай.
Пока не разлучила
нас судьба,
Вином полнее
чарку наливай.
(На востоке области Луцзюнъ, у Каменных Врат, провожаю Ду Фу)

В Чанъани Ду Фу встречает зима: на черепице крыш блестит иней, летят крупные хлопья снега, и каменные ступени храмов покрывает тонкий лед. Холодно. Все кажется по-зимнему чужим и неприветливым, даже знакомые улицы и перекрестки. Сколько ни бродит по ним Ду Фу, он никак не может освоиться с положением столичного жителя. Воспоминания уносят его назад, к Каменным Вратам, где он простился с Ли Бо. В один из зимних дней он пишет:

Все замерло в доме.
Один среди множества книг
Всю ночь до рассвета
Я думаю только о вас.
Всю ночь повторяю
бессмертные строфы Ли Бо.
Иль в книгах ищу
о возвышенной дружбе рассказ.....
В худой одежонке
согреться никак не могу.
Целебное снадобье
друг мой никак не найдет.
Как жаль, что нельзя
мне сейчас же уехать к Ли Бо
И с ним поселиться
у старых Оленьих Ворот.
(«В зимний день думаю о Ли Бо»)

Ли Бо из далекого городка Шацю отвечает:

В конце кондов для чего
Я прибыл, мой друг, сюда?

В безделье слоняюсь здесь,
И некому мне помочь.

Без друга и без семьи
Скучаю, как никогда,

А сосны скрипят, скрипят
По-зимнему, день и ночь.

Луское пью вино,
Но пей его хоть весь день -

Не опьяняет оно:
Слабое, милый друг.

И сердце полно тоской,
И, словно река Вэнь,

Безудержно, день и ночь
Стремится к тебе - на юг.
(«Посылаю Ду Фу из Шацю»)

Эти строки как бы завершают маленькую антологию стихов, сочиненных и подаренных друг другу двумя поэтами в самую счастливую пору их дружбы.

ПИСАЛ ЛИ ЛИ БО ЭПИГРАММЫ НА ДУ ФУ?

Встреча Ду Фу и Ли Бо - ярчайшее событие в истории китайской литературы. Не часто случается так, чтобы два величайших гения того или иного народа не только жили в одно время, но и были знакомы, вместе путешествовали, посвящали друг другу стихи, обменивались письмами и т. д. Естественно, что литературоведческая наука не оставила без внимания этот факт, и сравнение поэтических стилей Ду Фу и Ли Бо, а также черт их характеров, взглядов на жизнь, политических убеждений стало самостоятельной темой для размышлений, догадок и различных гипотез. Слишком уж велик был соблазн взглянуть на обоих поэтов в той подвижной перспективе, которую выбирал для изображения «гор и вод» китайский художник, и, как бы постоянно меняя точку зрения на предмет, познать в сравнении то, что ускользает от изучения каждого предмета в отдельности. Поэтому неудивительно, что еще средневековые знатоки поэзии в Китае вели бесконечные споры о том, кто же все-таки выше - Ли Бо с его даосским вдохновением «изгнанного небожителя», обладающего способностью «видеть невидимое» и чутким внутренним слухом улавливать биение космических сфер, пронизывая мыслью пространство, или по-конфуциански трезвый и земной Ду Фу с его стремлением к «созиданию имени» посредством государственной службы и кропотливого поэтического труда. Можно было бы составить целую антологию высказываний на эту тему - от кратких афоризмов, как бы содержащих некую квинтэссенцию мысли, до пространных рассуждений в духе традиционных «заметок о стихах». Одни знатоки и ценители отдавали предпочтение Ли Бо, считая его олицетворением «лунного» знака Инь, - недаром согласно легенде Ли Бо утонул в реке, попытавшись пройти по лунной дорожке; другим был ближе Ду Фу, словно бы отмеченный «солнечным» знаком Ян; третьи полагали, что Ли Бо и Ду Фу символизируют единство великих начал Инь и Ян, взаимно дополняющих друг друга, поэтому говорить о первенстве того или иного поэта можно только условно. Современные ученые тоже присоединились к этим спорам, и если большинство из них смотрит на Ли Бо и Ду Фу как на равных, то, к примеру, книга исследователя У. Хана

озаглавлена: «Ду Фу, величайший поэт Китая».

Казалось бы, при таком пристальном внимании исследователей вопрос о взаимоотношениях Ду Фу и Ли Бо должен быть изучен с исчерпывающей полнотой, ведь он представляет не только историко-литературный, но и общечеловеческий интерес. Нам хочется знать, что думали и чувствовали люди, жившие за десятки веков до нас, а уж тем более если эти люди - гении своего народа. В этом случае подоплека их взаимоотношений приобретает дополнительную значимость, и каждая деталь оценивается сразу в двух планах - личном и общенациональном. Мы судим о народе по его выдающимся представителям - государственным деятелям, полководцам, поэтам и художникам, чьи поступки, мысли и чувства в нашем восприятии имеют как бы особый этический отсвет. Дурной поступок, дурная мысль, и этот отсвет меркнет, окрашивается в темный цвет, как бы распространяющийся не только на жизнь отдельного человека, но и на целую историческую эпоху. Поэтому биографии выдающихся людей должны быть предельно точны в деталях и выверены в оценках, чего, к сожалению, не скажешь о биографиях Ли Бо и Ду Фу. Прежде всего не установлено, где именно впервые встретились и познакомились вечный скиталец Ду Фу, «изгнанный небожитель» Ли Бо и «не встречающий судьбы» Гао Ши. Китайские ученые по традиции считают, что их встреча произошла в Лояне, где Ду Фу провел 743 и 744 годы, однако более вероятным местом встречи представляется район небольших городков Чэньлю и Сунчэна, расположенных на юго-востоке Китая. Дружба трех поэтов, увлечение даосской магией, поиском эликсиров и целебных трав могли возникнуть лишь в глухом городке, вдали от обеих столиц. Оклеветанный перед Сюаньцзуном, Ли Бо хорошо понимал слова Ду Фу о «хитрости и коварстве», с которыми тот столкнулся в Лояне. Более того, Ду Фу удалось добиться взаимопонимания с Ли Бо именно потому, что он на время забыл о Восточной столице и по-отшельнически возлюбил далекие «земли Лян и Сун», маленькие города и затерянные в «полях и садах» деревеньки.

Обо всем этом мы говорим так подробно, чтобы приблизиться к еще более важному ;г интересному вопросу, касающемуся взаимоотношений двух поэтов. Вопрос этот встает, когда читаешь стихотворение, включенное в сборники переводов Ли Бо на русский язык и озаглавленное «Шутя, преподношу моему другу Ду Фу»:

На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,

В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.

Разрешите спросить:
Почему вы, мой друг, похудели -

Неужели так трудно
Слагать за строфою строфу?

Перевод звучит вполне безобидно - именно как дружеская, очень мягкая шутка, но на самом-то деле в стихах заключена едкая, убийственная насмешка: для китайского поэта нет большего оскорбления, чем намекнуть, что творчество дается ему с натугой и большим трудом, тогда как истинная поэзия рождается легко и свободно, подчиняясь законам «цзы жань» - «естественности». Что же, получается, Ли Бо высмеивает младшего друга? В таком случае, дружба ли это вообще? К счастью, исследователями уже доказано, что стихи, бросающие тень на Ли Бо, ему не принадлежат. Во-первых, они встречаются не в собраниях сочинений поэта, а в средневековом сборнике анекдотов и забавных историй; во-вторых, в стихотворении говорится о лете («знойный солнечный полдень»), а мы хорошо помним, что Ду Фу и Ли Бо встречались лишь осенью. Таким образом, у нас есть полное право не признавать эти стихи принадлежащими кисти Ли Бо, тем более что по бедности заключенного в них смысла они и недостойны великой кисти. Казалось бы, проблема исчерпана, но не будем торопиться с суждениями.

Задумаемся над таким фактом. У Ду Фу мы находим целый ряд восторженных посвящений Ли Бо, часть которых мы уже приводили, но для полноты картины добавим еще одно, написанное весной 746 года в Чанъани:

О Ли Бо!
Совершенство твоих стихов

И свободную
Мысль твою

Я по стилю
С Юй Синем сравнить готов,

С Бао Чжао

Тебя сравню.

Я в столице гляжу,
Как цветет весна,

Ты на юге -
Тоской томим.

Но когда ж мы опять
За кубком вина

О поэзии
Поговорим?

Сейчас, когда мы ясно представляем себе величие Ли Бо, для нас несколько странно звучит сравнение его с Юй Синем, Бао Чжао и особенно Инь Кэном (вспомним одно из предыдущих стихотворений Ду Фу), малоизвестным поэтом периода Северных и Южных династий. Некоторые исследователи даже подозревают Ду Фу в том, что своим сравнением он хотел отчасти унизить, умалить значение старшего друга, что совершенно неверно. Ду Фу искренне восхищался поэзией Северных и Южных династий. Бао Чжао, Юй Синь и Инь Кэн были его кумирами и учителями, и своим сравнением он именно возвышал Ли Бо, уподобляя его, живущего, бессмертным классикам. Все стихотворные посвящения Ду Фу пронизаны восторженной любовью к Ли Бо, причем, даже расставшись со старшим другом, Ду Фу и через много лет продолжал вспоминать о нем. А Ли Бо? Отвечал ли он в такой же мере на восторженные и пылкие чувства младшего друга? Нам известно всего лишь два небольших стихотворения Ли Бо, посвященных Ду Фу, - они приведены выше. Два стихотворения, и это все. После осени 745 года старший поэт уже не вспоминает о младшем: другие события и встречи как бы заслоняют в его памяти то, что было связано с Ду Фу. Задумаемся над тем, почему это происходит.

Прежде всего, каков традиционный портрет «изгнанного небожителя»? Китайской традицией Ли Бо воспринимается как олицетворение абсолютного гения, которому простительны самые эксцентричные и вызывающие поступки. Более того, эти поступки, чудачества и странные выходки как бы естественны для него, предписаны ему неким устойчивым ритуалом поведения. Иными словами, от поэта ждут именно чудачеств и странных выходок, вот почему Ли Бо просит верховного евнуха Гао Лиши снять с

него туфли и расплачивается за это лишь высылкой из дворца (император к тому же жалует ему значительную сумму денег), хотя другой на его месте поплатился бы головой. Вот почему сама Ян Гуйфэй растирает для поэта тушь, а Сюаньцзун размешивает палочкой горячий отвар, чтобы Ли Бо поскорее протрезвел от вина. Но в то же время Ли Бо не удается полностью спрятаться за маской эксцентричного гения, чудака и «гуляки праздного» - маска не заслоняет живого лица. Некоторые слова и поступки поэта исследователи вынуждены объяснять обычными человеческими слабостями, нарушающими устойчивый ритуал поведения. У. Хан дает следующую характеристику Ли Бо: «...скитался по империи, совершил убийство (участвуя в рыцарских поединках - *Л. Б.),* проматывал состояния, женился, брал наложниц и развлекался с гетерами; проявил недюжинную способность к преданной дружбе; обнаружил искреннее увлечение даосской магией и алхимией; своей пьяной заносчивостью возбуждал в людях зависть и ненависть; вызывал всеобщее восхищение своей волнующей прозой и еще более волнующей поэзией». Другие исследователи, в том числе и Артур Уэйли, автор широко известной книги о Ли Бо, называют его непостоянным, хвастливым и т. д.

Так ли это на самом деле? Все эти характеристики как бы невольно «подгоняют» Ли Бо под западного поэта, представителя европейской богемы («проматывал состояния, женился, брал наложниц...»), но если искать чисто китайское определение характера Ли Бо, то лучше всего употребить слово «ветротекучий», как называли людей романтического склада, воспитанных на буддизме и даосизме и как бы подчиняющих свое «я» «ветру и потоку» вселенского бытия. Именно таков Ли Бо с его взлетами фантазии, причудами, резкими сменами настроений, непредсказуемостью речей и поступков. Вряд ли Ду Фу мог чувствовать себя с ним легко и свободно, как с Гао Ши. Его дружба с Ли Бо скорее походит на ученичество у даосского мастера, во всяком случае, Ли Бо для Ду Фу - это именно «сянь шэн» - «учитель», превосходящий своего ученика и по возрасту, и по опыту жизни. Вот почему Ду Фу забрасывал старшего друга стихами, а Ли Бо ответил ему лишь дважды. Ли Бо настолько подчинил младшего друга собственному влиянию, что Ду Фу изменил своему конфуцианскому воспитанию и стал отдавать явное предпочтение даосизму. Странно читать его стихи этого периода, словно написанные не будущим корифеем танской поэзии, а отшельником времен Северных и Южных династий, ютящимся в дырявой лачуге и поглощенным поисками эликсира бессмертия. Ученичество такой натуры, как Ду Фу, не могло

продолжаться долго: возможно, поэтому Ли Бо и Ду Фу и расстались осенью 745 года. Младшему поэту предстояло в одиночестве осмыслить уроки, преподанные ему старшим. Осмыслить и найти свои собственные пути - в поэзии и в жизни.

Глава четвертая ОДА ЗАПАДНОЙ СТОЛИЦЕ

Во времена Срединного Предка в императорской резиденции был устроен пир для тибетцев и показано им представление с дрессированными лошадьми. Лошади были снаряжены и убраны шелковыми нитями с раскраской в пять цветов, украшениями из золота, а их седла были увенчаны головами единорогов и крыльями фениксов. Когда играла музыка, каждая из лошадей ступала ей в такт, и весьма чутко.

А когда все они достигли середины зала, музыканты преподнесли им вина. И лошади, пока пили, держали чаши в пастях. Потом они легли ничком и снова поднялись. Тибетцы были совершенно поражены.

Из средневекового источника

СТОЛИЦА ЧАНЪАНЬ ПОРАЖАЕТ ВЗОРЫ ИНОЗЕМЦЕВ

Среди завсегдатаев винных лавчонок, уличных торговцев и простого люда много рассказывалось о чудесах и диковинах, хранящихся в Великом Лучезарном Дворце императора Сюаньцзуна, но не менее заслуживает такого рассказа и сам главный императорский город - столица Чанъань. Еще за восемь веков до царствования Сюаньцзуна в Чанъани насчитывалось 160 жилых кварталов, девять рынков, множество храмов, постоялых дворов и торговых лавок. Город украшали величественные императорские дворцы, соединенные подвесными галереями, залы для аудиенций и правительственные здания. Древние поэты - и самый известный из них, Чжан Хэн, - не уставали слагать оды великолепию Западной столицы, воспевая деяния ее основателей, императоров династии Хань. Однако история Чанъани не всегда была мирной и безмятежной. Во времена Северных и Южных династий столицу захватили степные кочевники, которые разорили весь город, а предместья использовали как пастбища

для скота. Казалось, под копытами лошадей и овец навсегда исчезнет память о былом великолепии Чанъани, но могущественным танским императорам удалось вновь превратить Чанъань в один из цветущих городов мира. Только Рим и Александрия по своей роскоши и великолепию достойны сравнения с Западной столицей, недаром сюда стекаются путешественники со всех концов света. Согдийских купцов, японских дипломатов, индийских проповедников и посланцев других земель одинаково привлекают чанъаньские дворцы, чайные и винные лавки, увеселительные кварталы, храмы и монастыри. Здесь, в Чанъани, устраиваются пышные дворцовые празднества с выступлением дрессированных лошадей, карликов и танцовщиц, здесь заключаются торговые сделки и незадачливые предприниматели попадают в кабалу к уйгурам-ростовщикам, здесь проматываются огромные состояния и юноши из знатных семей, приехавшие сдавать императорские экзамены, оказываются в сетях гетер, здесь выступают с проповедями последователи самых разных религиозных учений от христиан до зороастрийцев. На улицах двухмиллионного города гудит многоязыкая толпа, раздаются крики погонщиков, скрип колес, лошадиное ржание, но зато в садах и парках горожанина встречает глубокая тишина, в тинистой зеленоватой воде белеют лотосы, плавают утки и селезни, перекликаются друг с другом лягушки, и легкий ветерок смешивает запахи цветов с ароматами трав и деревьев.

Столичному жителю порою кажется, что он не в городе, а в глухой, заброшенной деревушке, столько в Чанъани садов, парков, цветников и огородов, и чем дальше от центра города, тем заметнее это сходство. На окраинах Чанъани затихает городской шум, редеют людские толпы, гаснут огни, и по улицам бегают босоногие мальчишки, распугивая сонных кур. Многие выходцы из провинций, поселившиеся в столице, на желают бросать деревенских привычек и ведут себя так же, как у себя на родине: ловят рыбу в прудах, выращивают на грядках лук и чеснок, беседуют с соседями о видах на урожай, рано встают и рано ложатся спать. Но основное население Чанъани - купцы, ремесленники, воины и городская полиция, учащиеся конфуцианских школ, мелкие торговцы - живет на городской лад. В кузницах с утра звенят молотки, разлетаются искры от раскаленных болванок, которые затем с шипеньем опускают в холодную воду; в пекарнях месят тесто, лепят из него пампушки и отправляют в печь; в ткацких мастерских выделывают шелка с пятицветной вышивкой, из которых шьют платье богачи, и грубую холстину - для простолюдинов; горшечники обжигают в печах

простую кухонную посуду и дорогой фарфор, покрытый глазурями; ювелиры обтачивают и гранят драгоценные камни, вставляя их в золотую оправу; и весь город словно бы спешит нарядиться, украситься драгоценностями, насытиться вкусной едой и приступить к своим обычным делам. Вот выезжает из ворот усадьбы коляска чиновника, запряженная двумя породистыми рысаками, вот бежит на занятия школьник со связкой книг, вот возвращается с ночного дежурства воин в доспехах, а вот городской полицейский дает увесистого тумака нищему, который клянчит милостыню у прохожих.

Так выглядят улицы Чанъани в утренние часы, но если бы горожанин, обозревающий достопримечательности города, сумел подняться выше самой высокой башни и посмотреть на город с птичьего полета, он бы убедился, что столица империи по своим очертаниям представляет правильный прямоугольник. С востока на запад он тянется на десять с лишним километров, а с севера на юг - более чем на восемь. Чанъань окружена высокой каменной стеной с двенадцатью городскими воротами - по трое ворот с каждой стороны. На сторожевых башнях дежурит грозная стража, открывающая по утрам и запирающая вечерами ворота. С высоты птичьего полета город может даже показаться похожим на шахматную доску, потому что весь он, как и в древние времена, разделен на жилые кварталы, имеющие собственные стены с малыми воротами, тоже закрывающимися на ночь. Таким образом, населению столицы как бы обеспечена двойная безопасность: с ударом барабана закрываются все ворота города, и дома мирных жителей становятся почти недоступными для воров и грабителей. Все улицы Чанъани необыкновенно ровные и прямые, а ширина улиц настолько значительна, что на них свободно могут разъехаться несколько экипажей. У наблюдательных иноземцев, ежедневно прибывающих в город, не остается сомнений: столица Чанъань возникла отнюдь не стихийно, а была возведена согласно строгим правилам геомаитии и астрологии - с тем, чтобы земные и небесные силы благоприятствовали жителям города. И действительно, с каждым годом Чанъань разрастается, кварталы вытягиваются все дальше на юг и на север, повсюду строятся новые усадьбы, общественные здания, магазины, бани, монастыри. Одних только буддийских монастырей в Чанъани - 94, даосских - 16, а монахов насчитывается около 50 тысяч.

В Чанъани два больших рынка - Восточный и Западный. Восточный рынок поставляет товары для богатых домов, и посещают его главным образом слуги крупных чиновников и аристократов, чьи усадьбы и особняки расположены неподалеку.

Поэтому торговля на Восточном рынке ведется чинно, с достоинством, товары там - самые отборные, но и цены высоки. На прилавках торговых рядов можно увидеть и распространенные повсюду рис, бобы, просо, свинину, сливы, лук, побеги бамбука и местные деликатесы различных областей Китая: сушеное мясо змеи, квашеную в рисовом сусле дыню, оленьи языки, «сахарные крабы» и т. д. Богатые покупатели отбирают экзотические лакомства, укладывают в корзины, не торгуясь, расплачиваются и уносят купленные товары, чтобы повар приготовил из них угощение на самый разборчивый вкус. Совсем иначе идет торговля на Западном рынке, расположенном среди кварталов бедноты и мелких чиновников. Продавцы здесь, стараясь перекричать друг друга, наперебой зазывают покупателей, а покупатели яростно торгуются из-за каждой монеты. Рынок вмещает огромную толпу народа, волнующуюся, как море в ветреный день: там продавец поймал воришку, пытавшегося стянуть горячую лепешку, там казнят преступника, виновного в тяжком злодеянии, там выступают фокусники или акробаты. Западный рынок - это и торговая площадь, и арена для разнообразных зрелищ, поэтому здесь кипят страсти и выплескиваются наружу необузданные желания. Глаз устает от пестроты красок, от экзотических нарядов иноземных купцов. В воздухе тучами носится пыль, пахнет перезрелыми овощами, гнилой мешковиной, конским потом. На земле лежат ослики и верблюды, над которыми роятся мухи и слепни. Под повозками спят дети.

Ду Фу, обосновавшийся в Чанъани, конечно же, часто бывает на шумном и многолюдном Западном рынке. Он приходит не только ради того, чтобы купить риса и овощей, но его влечет сюда зрелище огромной и пестрой толпы, мелькание лиц, толчея, возгласы спорящих, обилие товаров, привезенных со всех концов света. Смотри, разглядывай, бери в руки, пробуй на вкус - если это заморские сладости в плетеных корзинах или диковинные плоды, разложенные горками на пальмовых листьях. Понравилось - покупай, нет - иди дальше, и никто из торговцев не упрекнет, не осудит: рынок есть рынок, и каждый должен подчиняться его законам. Вот и Ду Фу с любопытством разглядывает товары кузнечного, одежного, шорного, шелкового рядов и особенно надолго останавливается у лекарственного ряда: он знает толк в лечебных растениях, умеет вязать пучки трав, сушить их на солнце и готовить целебные отвары, изгоняющие любую хворь. Утомившись от долгой ходьбы, Ду Фу заходит в чайную или винную лавку, где можно спокойно посидеть и послушать, о чем говорят люди. Хозяева и постоянные посетители лавок хорошо

помнят Ли Бо, который несколько лет назад был их частым гостем, помнят и других завсегдатаев Западного рынка, как бы воплощавших в себе вольный и беззаботный дух Чанъани. О Ли Бо, к примеру, рассказывают, как он не побоялся гонцов самого императора, прибывших к нему с приказом немедленно явиться во дворец. «Ступайте прочь. Бессмертный бражник Ли Бо пьян и останется здесь», - дерзко ответил он гонцам, и посланцы Сына Неба были вынуждены возвратиться ни с чем. Конечно, с тех пор, как Ли Бо покинул Чанъань, никто уже в целом городе не осмелится ослушаться императорского приказа, но в Чанъани по-прежнему любят повеселиться, и в лавчонках Западного рынка с утра до вечера не смолкает смех.

Ду Фу нравится, когда вокруг много народу. Расставшись с Ли Бо и Гао Ши, он испытывает горечь одиночества, тем более что в столице у него до сих пор нет своего дома и он вынужден ютиться в гостиницах, останавливаться у родственников или знакомых. Зарабатывает Ду Фу случайными уроками и мелкими литературными заказами - составляет надгробные надписи для знатных клиентов. В Чанъани на это, конечно, не прокормишься, приходится обращаться за помощью к родственникам и богатым покровителям: не слишком завидная участь! Ему впору было бы вернуться в дом отца и поселиться там на долгие годы, но он по-прежнему надеется поступить на службу и поправить свои дела, - тогда можно будет всерьез подумать и о женитьбе. Ду Фу мечтает о собственной семье, о преданной и верной жене, которая разделит с ним и радости и беды, о маленьких детях. Ему уже далеко за тридцать, и в его возрасте только семейный очаг может по-настоящему согреть и спасти от тоски одиночества. Не об этом ли говорил Конфуций, внушавший людям глубочайшее уважение к семейному долгу, и не доказали ли это предки поэта, заботливо взрастившие родословное древо Ду, которое охватило ветвями множество поколений! Теперь настает черед Ду Фу вырастить свою ветвь, создать свой дом, которому бы покровительствовал всемогущий Цзаован - бог домашнего очага. Но что поделаешь, если Ду Фу так беден и не устроен! «Нас по жизни несет, словно ветром степную траву». Да, истинно так: годы жизни промелькнули, а у него до сих пор нет твердой почвы под ногами. Как тут не вспомнить храброго Гао Ши, которого никто не брал на службу. Ду Фу хорошо понимает, что это такое, когда твой «одинокий меч» без дела пылится в чулане. Но, может быть, в Чанъани ему повезет? Остается последняя надежда, что император Сюаньцзун заметит его и Ду Фу попадет в списки ожидающих назначения на должность. Хотя, по тревожным слухам, которые ходят в городе, император почти не занимается

государственными делами и, увлеченный красотой Ян Гуйфэй, проводит время в пирах и развлечениях.

Страной правят совсем другие люди - это прежде всего Ян Гочжуи, брат Ян Гуйфэй, и всесильный первый министр Ли Линьфу, чьи имена внушают страх и ужас жителям Чанъани. Их произносят лишь шепотом, а чаще стараются вообще не произносить, чтобы не навлечь на себя беду. Когда по улицам проносится коляска Ян Гочжуна, окруженная грозной свитой, прохожие невольно прижимаются к стенам, а на усадьбу Ли Линьфу смотрят как на зловещий мираж, нависающий над городом. Эти люди сумеют расправиться с теми, кто вызовет их недовольство. Чувствуя себя временщиками, незаконно захватившими власть, они повсюду подозревают крамолу. Им кажется, что против них плетутся сети интриг, поэтому они ни днем, ни ночью не знают покоя. Всесильному Ли Линьфу приходится каждую ночь спать в разных комнатах, чтобы заговорщики не настигли его внезапно. Преследуемый подозрениями, он стремится удалить из столицы всех, кто способен завоевать доверие императора, но больше всего Ли Линьфу ненавидит людей талантливых и образованных. Сам он до сих пор пишет с грубыми ошибками, поэтому такие люди для него - злейшие враги. Бесчисленные шпионы Ли Линьфу докладывают ему о каждом шаге таких людей, и стоит талантливому человеку немного приподнять голову, голова - в буквальном смысле слова - слетает с плеч. Многие из завсегдатаев Западного рынка, некогда пировавших вместе с Ли Бо, поплатились жизнью за свою ученость и преданность государю; многих сослали на далекие окраины империи. Вполне возможно, что и Ду Фу ждет та же участь, но он все-таки надеется и верит в удачу. Ду Фу должен поступить на службу во что бы то ни стало. Иного выхода у него нет...

Солнце прячется за западную стену Чанъани, и крыши домов становятся похожими на тлеющие жаровни: черепица вспыхивает под косым солнцем, словно мелкие угольки, и росистый пар едва заметно тянется ввысь. Воздух остывает, но зато в нем оживают запахи дорожной пыли, сжигаемых благовоний, цветов и листвы. В вечернем сумраке далеко разносятся голоса людей и звуки затихающего города. Чиновники разъезжаются в колясках по домам; закрываются рынки и храмы; сквозь оконные занавески мерцают огоньки свечей. Ду Фу неторопливо бредет по улице, держа в руках купленную зелень, а за ним неотступно крадется его длинная худая тень. Иногда он оборачивается и с улыбкой смотрит на нее: тень похожа на вытянутый стручок перца. Ду Фу вспоминаются строки Ли Бо о том, как он пригласил в компанию

луну и собственную тень, когда рядом не оказалось друзей. Вот и для Ду Фу его сиротливая тень сейчас - единственный друг. Они вместе возвращаются на ночлег, а завтра утром с восходом солнца вместе встанут, чтобы вновь стучаться в двери богатых вельмож, кланяться привратникам, протягивать визитную карточку и на вопрос: «По какому делу?» - заученно твердить: «Внук Ду Шэньяня надеется на снисходительное внимание к своим стихам».

ПЕРВЫЙ МИНИСТР ВЫСЛУШИВАЕТ ДОНЕСЕНИЯ СВОИХ ШПИОНОВ

Дворцовые стражники, распахивавшие ворота перед коляской первого министра и стоявшие навытяжку, пока она не скрылась за поворотом, успели заметить, что могущественный Ли Линьфу сегодня не в духе: его лицо было мрачным и хмурым, спина сутулилась, а руки напряженно сжимали костяной веер. Действительно, первый министр провел беспокойную ночь - ему снова чудились зловещие шорохи и скрипы и казалось, что он явственно слышит шаги наемных убийц. Вот они приближаются, сейчас откинется занавеска, и люди с кинжалами набросятся на него, скрутят руки, сдавят горло шелковым шнурком и тряпкой заткнут рот. От этих предчувствий министр ворочался в постели, часто зажигал лампу и звал слуг. Слуги взбивали парчовое одеяло, ворошили тлеющие угольки в курильнице и расправляли шелковый полог над кроватью. Ли Линьфу попросил почесать ему спину (это всегда успокаивало), но, почувствовав прикосновение изящной лопаточки на длинной ручке, вздрогнул, словно от укола кинжала. Было ясно, что самому ему не заснуть. Тогда первый министр велел разбудить одну из наложниц и приказал ей заварить сонной травы. Покрепче - чтобы сразу забыться. Когда наложница подала ему чашу с дымящимся зеленоватым отваром, Ли Линьфу медленно выпил и закрыл глаза. «Теперь, - приказал он, - почитайте мне». Наложница почтительно поклонилась и раскрыла Конфуция. Как раз на том месте, где говорилось о милосердии и справедливости, о преданном служении государю, о долге правителя перед народом, первый министр сладко потянулся и заснул.

Спал он с выражением затаенной угрозы на лице, словно предупреждая своих врагов, что он и во сне сумеет распутать их самые хитроумные козни. Утром Ли Линьфу разбудила бабочка, залетевшая в комнату и севшая ему на руку, - первый министр открыл глаза и велел слугам сейчас же изловить преступницу, осмелившуюся нарушить сон второго человека в государстве.

Затем Ли Линьфу откинул шелковый полог, нашарил ногами ночные туфли и стал смотреться в бронзовое зеркало. Лицо его было пепельно-серым от бессонницы и похожим на маску, веки - красными и припухшими. Министр вызвал служанок с пудрой, румянами и духами, а тем временем слуги одели его и подали завтрак. Едва притронувшись к еде (проклятая бессонница убила в нем всякий аппетит), Ли Линьфу собрал нужные бумаги и отправился во дворец... Во дворце он вызвал своих шпионов: министру хотелось найти причину беспокойного сна, ведь не случайно же его мучили кошмары. Первый шпион - старый дворцовый евнух - доложил обо всем, что происходило в покоях Ян Гуйфэй. Ли Линьфу слушал внимательно, стараясь не упустить ни единой подробности. «Драгоценная супруга» обладала огромным влиянием на императора, исполнявшего любые ее прихоти. Вот и сейчас шпион докладывал, что специальные гонцы, гнавшие лошадей через весь Китай, доставили госпоже Ян нежнейшие плоды личжи, не успевшие потерять ни цвета, ни запаха, и «драгоценная супруга» лакомилась ими в своей спальне. Затем она разучивала новый среднеазиатский танец, играла на колокольчиках-литофонах, подаренных императором, принимала ароматизированную ванну и гуляла в саду.

Кто навещал «драгоценную супругу»? Только сестры и братья: кроме Ян Гочжуна, у Ян Гуйфэй было еще три сестры и два брата, которые благодаря родству с ней занимали высокое положение во дворце. О чем они говорили? Шпиону не удалось подслушать весь разговор, но ему кажется, что имя первого министра не упоминалось. Писала ли «драгоценная супруга» деловые письма и отправляла ли какие-нибудь подарки? Да, госпожа Ян тайно отправила подарок военачальнику Ань Лушаню, - сообщил дворцовый евнух, и первый министр надолго задумался, услышав эти слова. Он догадывался о преступной связи Ян Гуйфэй с военачальником Ань Лушанем еще с тех пор, как Ань Лушань побывал во дворце. Добродушный, смешливый толстый человечек с огромным животом сумел расположить к себе придворных и самого императора, который однажды с улыбкой спросил, показывая на его живот: «А что там, в этой огромной сумке?» Ань Лушань с находчивостью ответил: «Ничего, кроме преданности моему государю». Ответ понравился Сюаньцзуну; он уверовал в преданность толстого человечка, не подозревая, что тот покорил не только мужественное сердце императора, но и нежные чувства его супруги. Рядом с величественным Сюаньцзуном Ян Гуйфэй приходилось постоянно соблюдать придворный этикет, стараясь не уронить репутацию умной, тонкой и обворожительной женщины. С Ань Лушанем же никакого этикета не требовалось, и

«драгоценная супруга» могла позволить себе полнейшую раскованность. Умная, тонкая, обворожительная, она словно бы отводила душу в том, что смеялась не слишком-то изысканным, а подчас откровенно грубым и плоским шуткам маленького человечка. Они с Ань Лушанем словно стремились перещеголять друг друга в шутовстве. «Драгоценная супруга» называла низкорослого толстяка своим «приемным сыном», а однажды, когда Ань Лушань справлял во дворце день рождения, придворные дамы несли его в огромной шелковой пеленке, сообщая всем, что приемная мать только что искупала приемного сына.

Странно, что эта шутовская сцена не насторожила императора и он воспринял ее с обычной снисходительностью, считая, что простодушный Ань Лушань решил еще раз повеселить придворных. Но первый министр понял тогда, что низкорослый толстяк совсем не так простодушен, как кажется. В дальнейшем эта мысль все настойчивее преследовала Ли Линьфу, и вот у него в руках - новое неопровержимое доказательство. Ян Гуйфэй тайком посылает Ань Лугнаню подарок! Значит, их связывает нечто большее, чем шутливая дружба! Как же поступить Ли Линьфу? Раскрыть глаза императору на неверность супруги? Но ведь первый министр сам покровительствовал Ань Лушашо, усиленно рекомендуя его на высокие посты. Ли Линьфу понимал, что Ань Лушань, как человек совершенно необразованный и далекий от конфуцианской науки, к тому же «варвар» по происхождению, мог успешно командовать войсками на границах Китая, но никогда не смог бы стать его соперником в столице. Поэтому и возник этот негласный союз первого министра и военного губернатора северо-восточной окраины империи. У Ли Линьфу не оставалось сомнений: если обнаружится коварная измена Ань Лушаня, то вместе с головой военного губернатора слетит и его собственная голова. А первый министр не слишком торопится расставаться с головой, для него разумнее не вмешиваться в эту историю. Пусть император считает, что во всей Поднебесной у него нет человека преданнее Ань Лушаня. Ли Линьфу постарается, чтобы ничто не разрушило в Сюаньцзуне этой уверенности: евнуху он прикажет молчать или даже казнит его, и тайна неверности «драгоценной супруги» навеки останется в стенах этой дворцовой комнаты.

Отпустив первого шпиона, Ли Линьфу немедленно вызвал второго, который следил за братом красавицы Яп Гочжуном. Этого человека первому министру приходилось побаиваться и остерегаться - не потому, что он обладал особым умом, знаниями, талантом или отличался воинской храбростью. Как раз напротив,

Ян Гочжун был человеком недалеким, воинскими доблестями не отличался и по всем остальным свойствам натуры вряд ли заслуживал имени «благородного мужа». Но эти недостатки с лихвой окупались тем, что за спиной у Ян Гочжуна стояла влиятельная сестра, поэтому расправиться с ним было не так-то просто. Из любви к Ян Гуйфэй Сюаньцзун сделал и Ян Гочжуна своим любимчиком, которому все прощалось. Шпион первого министра докладывал, что Ян Гочжун вместе с домочадцами соорудил экзотический сад на колесах, использовав для этого большую повозку, в которой они посадили самые редкие, изысканные и дорогие цветы. Когда повозку везли, она вращалась, чтобы все могли рассмотреть диковинку. Императора с его любовью ко всему необычному и экзотическому подобные забавы восхищали, словно ребенка. Ли Линьфу был уверен, что при встрече Сюаньцзун, конечно же, спросит, понравился ли ему миниатюрный сад. Что ж, он ответит как подобает, хотя первый министр никогда не разделял восторгов императора по поводу различных затей его любимчика Ян Гочжуна и в глубине души ненавидел удачливого соперника, упоенного собственной властью, богатством и положением при дворе. Уверенный в расположении императора, Ян Гочжун словно нарочно испытывал терпение Ли Линьфу тем, что не только не скрывал своего богатства и положения, но, напротив, всячески выставлял напоказ, удивляя жителей Чанъани роскошными выездами, нарядами, убранством экипажей. Даже сам первый министр не позволял себе такого, но чем больше ненавидел он Ян Гочжуна, тем искуснее делал вид, что меж ними царит взаимная искренняя дружба...

Третий шпион, вызванный Ли Линьфу, доложил о том, что происходило в покоях императора. Ли Линьфу слушал с напряженным вниманием, словно предчувствуя, что именно здесь скрывалась причина ночного беспокойства. Несколько лет назад Сюаньцзун произнес знаменитую фразу о том, что, поскольку в Поднебесной все спокойно, он передает власть первому министру, а сам временно удаляется от дел, посвящая досуг занятиям даосской магией, искусствам и развлечениям с «драгоценной супругой». С тех пор Ли Линьфу стал полновластным диктатором в стране, но его всякий раз охватывала тревога, когда император, усыпленный чарами возлюбленной, вдруг пробуждался ото сна и вспоминал о своей обязанности управлять страной, о долге перед народом. Хотя в своих докладах первый министр убеждал императора, что в стране наведен образцовый порядок, все сыты и одеты и в каждом доме - достаток и изобилие, сам-то он знал об истинном положении дел. А что, если и Сюаньцзун узнает о тех

бесчинствах и беззакониях, которые творились с ведома первого министра, о казнях и ссылках, о тяжелом положении крестьян, о взятках среди чиновников? За время своего диктаторства Ли Линьфу довел страну до полного разорения, и ему было страшно даже представить гнев императора и последующую расправу. Поэтому, не полагаясь на Ян Гуйфэй, он сам старательно усыплял Сюаньцзуна лестью и неумеренным восхвалением его божественной мудрости. «Страна по-прежнему процветает и благоденствует, - настойчиво внушал первый министр, - поэтому вашему величеству нет никакой нужды вмешиваться в дела управления». И Сюаньцзун вновь удалялся во внутренние покои дворца, где звучала музыка, кружились в танце красавицы и разносилось благоухание цветов.

На этот раз предчувствие не обмануло первого министра: шпион сообщил, что император вознамерился устроить специальные экзамены для того, чтобы привлечь к управлению страной как можно больше талантливых людей. Так вот почему Ли Линьфу всю ночь преследовали кошмары! Если экзамены состоятся, то соискатели чинов и должностей, понаехавшие из далеких провинций, могут порассказать экзаменационной коллегии о том, что творится у них на родине, и прямо высказать свое недовольство. А врагам первого министра только того и надо - уж они-то сумеют раздуть скандал и преподнести эти жалобы так, словно именно он, Ли Линьфу, довел страну до полного разорения. Единственный выход - добиться отмены экзаменов или в крайнем случае убедить императора поручить ему, Ли Линьфу, возглавить их... Когда Сюаньцзун вызвал первого министра и поведал о своем намерении, Ли Линьфу сделал вид, что очень обрадовался, вот только его беспокоит, не утомят ли императора экзаменационные хлопоты. Может быть, лучше отложить экзамены, а если это невозможно, то поручить все заботы ему, Ли Линьфу. Уж он-то - будьте уверены - наведет порядок и лично доложит Сюаньцзуну о результатах.

Император согласился с предложением своего министра, и вскоре в Чанъани было объявлено о начале специальных экзаменов для тех, кто овладел хотя бы одним из классиков - даосских или конфуцианских. Соискатели всех возрастов хлынули в столицу, лелея надежду, что теперь-то справедливость восторжествует и судьба вознаградит тех, кто провалился на регулярных императорских экзаменах и чьи таланты остались незамеченными и недооцененными. Когда наступил долгожданный для многих день, то, казалось, даже старые придворные академики, члены экзаменационной комиссии, смотрели доброжелательнее, чем обычно, словно обещая быть

снисходительнее и терпимее к недостаткам и промахам. Раз сам император проявил великодушие, то и мы поступим по его примеру - как бы говорили лица почтенных ученых мужей, но первый министр рассудил иначе. Один вид склонившихся над бумагой соискателей внушал ему мысль о слепой неуправляемой силе, которая способна все перевернуть во дворце. Незнакомые с условностями придворного ритуала и дипломатическими тонкостями, эти наивные и простодушные книгочеи могут написать лишнего в своих сочинениях и открыто высказать то, о чем не следует говорить. Поэтому лучше держать их подальше от императорского дворца. И Ли Линьфу, просмотрев кипу экзаменационных сочинений, все их перечеркнул жирной чертой и подал императору специальный доклад о том, что в Китае не осталось ни единого человека, чьи способности не были бы использованы на службе Его величеству. В нынешних экзаменах участвовали лишь бездарные неудачники, - подвел итог Ли Линьфу.

БЕДНЫЙ «ГОСТЬ» БОГАТЫХ «ХОЗЯЕВ»

Получив известие о том, что он провалился вместе со всеми участниками экзаменов, Ду Фу задумался: поистине такое случилось впервые. Придворные экзаменаторы часто выносили несправедливые приговоры одному, двум, нескольким соискателям, но чтобы несправедливость обрушилась на всех... на такое способен лишь один человек в государстве. Конечно же, Ли Линьфу! Только он мог устроить экзамены, которых никто не выдержит! Какая жестокая насмешка над людьми, поверившими в возможность удачи! Ду Фу и раньше приходилось слышать о коварстве Ли Линьфу, а теперь он сам стал жертвой первого министра. Ду Фу кажется себе похожим на птицу с подбитыми крыльями: ей хочется взлететь, но она камнем падает вниз. Он сравнивает себя с пойманной рыбой: ей бы плыть свободно в реке, она беспомощно барахтается в сетях. Что же теперь делать поэту - одному в многолюдной столице Чанъань? Как свести концы с концами? Случайная литературная работа не дает прочного заработка, а цены на Западном рынке уже не такие, как раньше. Те счастливые времена, когда прилавки ломились от дешевых товаров, давно миновали, и ныне приходится выкладывать горсть монет за пучок зелени и чашку риса. Где же их взять, эти монеты? Единственный выход для Ду Фу - стать «гостем» богатых «хозяев», которые любят проводить время в обществе поэтов, художников, каллиграфов.

Обычай «хозяев» принимать «гостей» возник еще в глубокой

древности, в эпоху странствующих рыцарей, которых приглашали на службу знатные князья. Они-то и выступали в роли гостеприимных «хозяев», не только оказывавших рыцарям подобающий прием, но и щедро плативших им за службу. При династии Тан отношения между «хозяевами» и «гостями» выглядели иначе - последние уже не столько защищали владения первых, сколько создавали вокруг них утонченную артистическую среду. Танские аристократы, по тем или иным причинам утратившие политическое влияние и вынужденные подать в отставку, удалялись в свои усадьбы и посвящали досуг чтению книг, занятиям каллиграфией, живописью и поэзией, прогулкам, пирам и охоте. Естественно, они нуждались в обществе «гостей», но выбирали среди них таких, которые разделяли их увлечения и умели не только фехтовать на мечах, но и беседовать на возвышенные темы, писать пейзажи и сочинять стихи. Ду Фу был именно таким человеком, поэтому перед ним гостеприимно распахивались двери богатых домов. Знатные особы Чанъани - и даже сам принц Ли Цзинь, старший сын родного брата императора, - приглашали его к себе, дорожа обществом искусного собеседника и высоко ценя стихи, сочиняемые Ду Фу во время пиров и прогулок. Вот одно из таких стихотворений, написанное по случаю летней прогулки с молодыми чанъаньскими аристократами и гетерами:

На вечерней заре
хорошо нам по озеру плыть, -
Налетающий ветер
большой не поднимет волны.
Красотою таинственной
манит бамбуковый лес,
И кувшинки озерные
дивной прохлады полны.
Мои юные спутники
воду готовят со льдом,
Корень сладкого лотоса -
длинную тонкую нить.
Облака собираются.
Небо темнеет к дождю.
Значит, надо скорее
стихами друзей угостить.
(«Вместе с молодыми, аристократами и гетерами наслаждаемся прохладой на озере Чжанба
К вечеру начинается дождь»)

Во втором стихотворении этого небольшого цикла настроение меняется, - неожиданно начавшийся дождь вселяет в поэта чувства тревоги и грусти:

Вот и дождь налетел,
заливая циновки вокруг,
И бушующий ветер
внезапно ударил в борта.
У гетеры из Юэ
намок ее красный наряд.
У гетеры из Янь
вдруг исчезла с лица красота.
Мы причалили лодку
к прибрежным кустам ивняка,
Занавески осыпало
пеной волны кружевной.
Мы домой торопились,
а ветер свистел и свистел,
Словно ранняя осень
нас встретила летней порой...

Ду Фу подстерегают сомнения, тревога о будущем, неуверенность и досада. Он готов пожалеть о решении вернуться в Чанъань, покинув «земли Лян и Сун», где он был так счастлив, скитаясь вместе с друзьями - Ли Бо и Гао Ши. Столица приняла его неприветливо и отчужденно, окружила шумной суетой улиц, заставила терпеть зависимость от знатных и богатых. Так не покинуть ли снова Чанъань, взяв в руки отшельнический посох и повесив на спину заплечный мешок? Этот вопрос постоянно преследует поэта, хотя он и понимает, что не создан для отшельничества и нуждается в деятельной и активной жизни. Но вот странное противоречие: судьба упрямо лишает Ду Фу возможности поступить на службу, зато будто бы нарочно толкает к уединению среди «гор и вод». Ведь и в Чанъани он не только наносит визиты своим покровителям, но и предается возвышенной праздности человека, постигшего глубину учения Лаоцзы и Будды. Отшельник среди городской суеты - совсем, как у Тао Юаньмина: «Я поставил свой дом в самой гуще людских жилищ, но минуют его стук повозок и топот коней. Вы хотите узнать, отчего это может быть? Вдаль умчишься душой, и земля отойдет сама».

Иногда Ду Фу собирает в окрестностях Чанъани лекарственные травы (или даже выращивает их на небольшом участке), высушивает и приносит в дома своих покровителей.

Благодаря дружбе с Ли Бо он хорошо разбирается в свойствах целебных трав и растений, умеет использовать их для лечения. К примеру, мальва успокаивает желудок, вареный лук-порей улучшает аппетит, сухой имбирь раскупоривает внутренние проходы, папоротник помогает уснуть, сушеные абрикосы полезны при заболеваниях сердца, сушеные персики лечат больные легкие. Фармакологические знания Ду Фу обеспечивают поэту небольшой заработок: среди «хозяев» принято платить «гостям» за подобные мелкие услуги. Но эта плата не спасает Ду Фу - он по-прежнему беден, подчас голодает. В отчаянии он пишет письма знатным особам, которые когда-либо отзывались с похвалой о его дарованиях, читали в кругу друзей его строки, встречались и беседовали с ним. В письмах он напоминает о давнем знакомстве; жалуется на свою неустроенность; просит помощи. Письма - в стихах. Они полны горечи и тоски:

Стучусь в ворота богачей
на утренней заре,
Вдыхаю пыль из-под копыт
раскормленных коней.
Остатки на чужом пиру
привыкший собирать,
Одну лишь горечь и тоску
храню в душе моей...
(«Стихи в двадцать две рифмы, преподнесенные левому советнику Вэю»)

В начале 751 года состоялись большие императорские жертвоприношения Лаоцзы - основателю даосизма. Жертвоприношения проходили очень торжественно - в течение трех дней (с восьмого по десятое число первого лунного месяца) Сюаньцзун вместе со свитой являлся в дворцовые храмы и под звуки ритуальной музыки совершал священный обряд. Все эти дни столица Чанъань выглядела по-весеннему праздничной, в садах зацветали деревья, пели птицы, и жители города обсуждали торжественное событие, встречаясь в храмах и просто на улицах. Ду Фу тоже откликнулся на него, сочинив три большие оды, посвященные императорским жертвоприношениям. Эти оды потребовали от него огромной утомительной работы - танские поэты редко обращались к выбранному им жанру. Но Ду Фу считал, что для такого официального случая старинный жанр оды подходит больше всего, и, не жалея сил, трудился ночами при слабом свете фитиля. Конечно, он понимал, что вряд ли достигнет высот истинной поэзии, но ему хотелось, чтобы

император Сюаньцзун, которому он собирался послать свои оды, убедился в искренней преданности Ду Фу, глубине его помыслов, серьезности устремлений и - в этом заключалось самое главное - способности проявить себя на службе. И вот, когда работа была закончена, Ду Фу надел свое лучшее платье, сел в экипаж и отвез рукопись во дворец, передав ее чиновнику специальной Палаты оказания благодеяний.

Эта Палата, учрежденная около ста пятидесяти лет назад, существовала для того, чтобы император мог слышать голос простого народа: каждый житель Поднебесной обладал правом обратиться в Палату с тем или иным предложением, просьбой, жалобой и т.д. Конечно, во времена Ли Линьфу оставалось все меньше желающих воспользоваться этим правом: каждому было ясно, что адресованные императору бумаги попадали на стол первому министру, и горе тому смельчаку, который вздумал бы высказать недовольство творившимися в стране бесчинствами. Но иногда Сюаньцзун все-таки осведомлялся, какие новые проекты и предложения поступили в Палату. Однажды среди прочих бумаг ему подали три торжественные оды, написанные неким Ду Фу и посвященные императорским жертвоприношениям. Сюаньцзун бегло прочел их и, как человек, понимающий толк в искусстве, сразу отметил, что автор, безусловно, талантлив и вполне заслуживает того, чтобы его проэкзаменовали и зачислили на должность. Именно такое распоряжение поступило из внутренних покоев императора, и первый министр Ли Линьфу был вынужден подчиниться. Когда Ду фу об этом узнал, он впервые за многие годы ощутил прилив радости - неужели ему повезло и тяжелые тучи над ним наконец рассеялись?! Уж если сам император выразил одобрение, прочитав его оды, то теперь ему вряд ли откажут в должности. У него появится прочный заработок, и он сможет завести семью. Кроме того, Ду Фу не забывал о двоюродных братьях и сестре, от которых он часто получал письма, но отвечал на них коротко, в нескольких словах, избегая рассказывать о собственной жизни. Ему было стыдно, что он - самый старший из них - еще не выбрался на свою дорогу. Зато теперь Ду Фу напишет братьям первое подробное письмо, в котором расскажет, как сам император допустил его до экзаменов.

Вскоре экзамены состоялись, и на этот раз они были устроены специально для одного Ду Фу: почтенные придворные академики, окружив поэта плотным кольцом, бесстрастно взирали, как под его кистью возникают столбцы иероглифов, заполняющих - слева направо - тонкую хрустящую бумагу. Ду Фу торопился, словно обгоняя собственное вдохновение, столько в нем скопилось

нерастраченного желания доказать, что его знания, способности и литературное мастерство заслуживают одобрения экзаменаторов. Конечно, все это должно было случиться гораздо раньше, полтора десятка лет назад, когда Ду Фу по-юношески жаждал успеха. Зато теперь он сумел наверстать упущенное, заставив самых строгих судей признать его дарование. Почтенные академики поочередно читали строки Ду Фу и в знак молчаливого одобрения покачивали головами. Поистине это достойно сравнения с древними, как бы говорили они, не находя ни единой погрешности в стиле Ду Фу. Решением экзаменационной коллегии имя поэта внесли в списки «почтительно ожидающих назначения на должность». Теперь ему оставалось только ждать, но сколько? Сначала ему казалось, что после такого успеха назначение на должность последует немедленно, но после нескольких. месяцев бесплодного ожидания Ду Фу стал заметно разочаровываться. Месяцы постепенно превращались в годы, а он так и числился «почтительно ожидающим».Что это? О нем забыли? Или, быть может, коварный Ли Линьфу снова вмешался в судьбу поэта, рассудив, что Ду Фу слишком талантлив и честен, а потому вдвойне опасен и было бы благоразумнее отложить его назначение на неопределенный срок?

Через три года, когда Ду Фу окончательно потерял надежду, он послал императору еще две оды - «Западный холм» и «Орел». В предисловии к одам он подробно описал все тяготы своего положения и снова попросил о помощи. Ведь не зря же он экзаменовался перед придворными академиками! Кроме того, за три года многое изменилось в танской империи и жизни самого Ду Фу. Зимой 752 года скончался Ли Линьфу, которого тяжелая болезнь застигла на вершине власти и могущества. Огромная усадьба с высокими стенами, подземными ходами и потайными комнатами осталась без хозяина; двадцать пять сыновей, двадцать пять дочерей и множество наложниц плакали над могилой усопшего. Но жители Чанъани проводили ненавистного диктатора лишь вздохами облегчения, благодаря Небо за избавление от гнетущего страха, более двадцати лет сковывавшего страну. Первым министром отныне стал Ян Гочжун - любимец императора и брат его супруги. Свою деятельность на новом посту Ян Гочжун начал с того, что умело раскрыл перед Сюаньцзуном все злодеяния предшественника. Разгневанный император приказал лишить Ли Линьфу почетных рангов и званий, вскрыть его могилу, снять украшения и драгоценности с мертвого тела, а родственников умершего отправить в далекую ссылку. Помня, какие препятствия чинил бывший диктатор выдвижению талантливых людей и какими безжалостными

методами расправлялся с ними, Ян Гочжун постарался вознаградить тех, кто особенно пострадал от козней Ли Линьфу. Многих сосланных он вернул в столицу и назначил па высокие посты, многих устроил на службу и восстановил в правах. Благодарные горожане даже возвели каменную стелу в честь нового министра, столь решительно выступившего против беззакония.

Ду Фу имел все основания считать себя жертвой Ли Линьфу, поэтому с приходом к власти Ян Гочжуна поэт снова ощутил надежду: вот теперь-то справедливость наконец восторжествует. В своей оде наряду с ритуальным восхвалением мудрости императора Ду Фу позволил себе сделать несколько комплиментов в адрес нового министра. Он отнюдь не заблуждался на счет Ян Гочжуна и в глубине души понимал, что нынешний первый министр так же далек от идеала подлинного правителя, как и его жестокий предшественник. Но обстоятельства были сильнее Ду Фу, к этому времени он (несмотря на трудности своего положения) женился, у него появились дети, поэтому Ду Фу не мог позволить себе снова потерпеть неудачу. Он вынужден победить любой ценой, пусть даже ценою лести перед могущественным царедворцем.

ГОСПОЖА ДУ ОБЕРЕГАЕТ ПОКОИ СВОЕГО МУЖА

Когда молодая госпожа Ду слышит, как ее муж берет тушь, откалывает кусочек, медленно растирает его на камне, сдерживая глухой кашель, чтобы не напоминать жене о своих больных легких, она изо всех сил старается не шуметь и с величайшей осторожностью проходит мимо его комнаты. Если в колыбельке проснется ребенок, госпожа Ду тотчас возьмет его на руки; если под окном закудахчут соседские куры, отпугнет их камушком или щепкой. Молодая женщина знает, что ее муж занят необыкновенно важным и серьезным делом, для успеха которого требуется полная тишина и покой, - он сочиняет стихи. В это время нельзя думать о том, что в доме кончаются дрова и не осталось крупы на ужин, что прохудилась последняя одежда и протекает крыша. Все эти грустные мысли госпожа Ду как бы берет на себя, избавляя от них мужа, и точно так же, как он утаивает от нее свой кашель, она утаивает свои горести и заботы. Госпожа Ду никогда не жалуется и встречает мужа улыбкой. Она счастлива с Ду Фу, хотя сердобольные соседки сочувствующе вздыхают, глядя, как она сама растапливает печь, отбивает на камнях белье и выплескивает из деревянного корыта грязную воду.

Соседкам не понять, что самая тяжкая работа кажется вдвое легче, когда рядом - любящий муж. В юности госпожа Ду мечтала о замужестве, но ее пугала мысль о том, что придется покидать родной дом. Недаром в «Книге песен» поется о том, как трудно приходится молодой женщине в чужой семье, под присмотром новой родни! А вот с Ду Фу ей совсем не страшно, потому что ее муж - очень добрый. Достаточно увидеть его глаза и улыбку, чтобы убедиться в этом, а теплые и мягкие руки Ду Фу словно обладают волшебной целебной силой. Одно их прикосновение делает госпожу Ду счастливой, заставляет забыть об усталости и болях в пояснице. Казалось бы, совсем недавно они поженились, а между тем уже несколько лет промелькнуло с тех пор, как отзвучали гонги и флейты, сопровождавшие традиционное подношение свадебных подарков, и разукрашенный паланкин доставил невесту к дому жениха. По обычаю, носильщиков паланкина полагалось «подкупить», чтобы они как следует выполнили свою работу, и Ду Фу каждому из них вручил по монете, зато посреди дороги уже его друзья преградили путь экипажу, и тут пришлось расплачиваться родственникам невесты. У ворот новобрачную встречал гадатель, на радость мальчишкам и нищим разбрасывавший во все стороны мелкие деньги, стручки бобов и зерна риса, а затем ее по расстеленным на земле циновкам ввели в дом, заставили переступить через весы и седло (этот свадебный обычай сохранился со времен господства кочевников), и молодые связали вместе два шелковых шнурка - в знак вечного единения сердец и верности друг другу.

Так началась их семейная жизнь - такая же дружная и крепкая, как свадебный узел на шелковых шнурках. В доме отца госпожа Ду овладела грамотой, выучила несколько тысяч иероглифов, поэтому ей понятны стихи мужа и она подолгу слушает из-за бамбуковой занавески, как он читает вслух только что написанные строки. Вот, к примеру, стихи, которые Ду Фу сочинил после того, как на сяньянском мосту, пересекавшем реку Вэй к юго-востоку от Чанъани, увидел проводы воинов, уходивших на битву с тибетцами:

Боевые
Гремят колесницы,

Кони ржут
И ступают несмело.

Людям трудно
За ними тащиться

И нести
Свои луки и стрелы.

Плачут матери,
Жены и дети -

Им с родными
Расстаться не просто.

Пыль такая
На всем белом свете -

Что не видно
Сяньянского моста...

Ду Фу удалось заговорить с одним из солдат, подробно порасспросив, кто он и откуда. Этот рассказ простого воина тоже попал в стихотворение:

И прохожий
У края дороги

Только спросит:
«Куда вы идете?»

Отвечают:
«На долгие сроки,

Нет конца
Нашей, страшной работе.

Вот юнец был:
Семье своей дорог,

Сторожил он
На севере реку,

А теперь,
Хоть ему уж за сорок,

Надо вновь
Воевать человеку.

Не повязан
Повязкой мужскою, -

Не успел и обряд
Совершиться, -

А вернулся
С седой головою,

И опять его
Гонят к границе.

Стон стоит
На просторах Китая -

И зачем
Императору надо

Жить, границы страны
Расширяя:

Мы и так
Не страна, а громада...»
(«Песнь о боевых колесницах»)

Когда госпожа Ду слышит эти строки, она испытывает невольный страх за мужа: не навлекли бы они беду! Ведь нередко случалось, что поэты расплачивались жизнью за невинные намеки, а в стихах Ду Фу осуждаются завоевательные походы самого императора! Правда, поэт отвечает на это, что стихотворение о боевых колесницах недаром названо песней - оно написано как бы от лица простых людей. Правители древности собирали такие песни, чтобы узнавать думы и чувства своего народа. И конечно же, авторов песен никто не наказывал за горькую и суровую правду, потому что считалось: их голос - это голос самого Неба. Вот и Ду Фу решил использовать форму древней песни, чтобы выразить свой протест против неоправданного роста численности армии, против новых и новых рекрутских наборов. Никто не вправе осудить его за это, а уж тем более бросить в тюрьму или казнить. Слова мужа немного успокаивают госпожу Ду, но вскоре ее снова охватывает тревога. На этот раз поводом служит сочиненная совсем недавно «Песнь о красавицах», в которой Ду Фу явно задевает могущественное

семейство Ян, в том числе и самого Ян Гочжуна. Поэт со скрытой иронией описывает роскошное пиршество, устроенное семейством Ян по случаю весеннего праздника 753 года:

В день весеннего праздника третьей луны
обновилась небесная синь.
Сколько знатных красавиц столицы Чанъань
собралось у озерной воды!

Госпоже Ду не довелось увидеть эту красочную картину, но благодаря стихам она может представить ее в мельчайших подробностях. Ей даже кажется, что сама она не сумела бы заметить ни ножей с колокольцами, мелодично звенящими в руках придворного повара, ни пурпурового горба верблюда, которым лакомились сестры Ян, ни жемчужных подвесок, обнимающих их стан. Поистине ни единой детали не упустит Ду Фу, словно бы обладающий волшебным зрением и памятью. Его стихи похожи на чудесный свиток, медленно разворачивающийся перед глазами. Или же их справедливо сравнить с парчовой тканью, которую ловкие пальцы вышивальщиц покрыли прихотливым узором. Иногда случается, что вышивальщицы искусно вплетают в узор какой-нибудь тайный рисунок или надпись: их не сразу и разглядишь, настолько умело они замаскированы. Вот и Ду Фу словно бы вплел в узор своих стихов ниточки тонкой и едва уловимой иронии, адресованной семейству Ян. Устами постороннего наблюдателя, затерявшегося в толпе любопытных, поэт осуждает богатство и роскошь, в которой купаются знатные принцессы. Их экзотические наряды и украшения вызывают у него скрытое негодование. Стихотворение заканчивается строками, посвященными Ян Гочжуну:

Наконец он приехал, последним из всех,
на строптивом гарцуя коне.
Занял место свое на парчовом ковре
в павильоне для знатных гостей.
Тополиного пуха кружащийся снег
Опустился на ряску в пруду,
И волшебная птица с узорным платком
промелькнула среди тополей…
Так могуч и всесилен наш первый министр,
что бросает от ужаса в жар.
Берегись попадаться ему на глаза -
лучше спрячься в притихшей толпе.

Не слишком ли рискованный намек позволил себе Ду Фу в этих строках?! «Ян» - по-китайски означает «тополь», но ведь Ян - это к тому же и фамилия Ян Гочжуна. Согласно народному поверью тополиный пух, падая в воду, вызывает цветение ряски. Таким образом, строки Ду Фу «Тополиного пуха кружащийся снег опустился на ряску в пруду» можно истолковать как намек на любовную связь Ян Гочжуна с одной из собственных сестер. Этот намек возник не случайно: в Чанъани действительно поговаривали о нежных чувствах, испытываемых первым министром к принцессе удела Га - титул, пожалованный ей императором, и Ду Фу придал этим слухам форму народной песенки, высмеивающей знатного вельможу и предмет его пылкой любви. Не только строка о тополином пухе, но и следующая строка содержала прозрачный намек того же свойства: волшебная птица богини Сиванму, несущая в клюве платок, издавна служила символом любовного послания. Госпожа Ду порой не узнавала стихи своего мужа, настолько искусно, он перевоплощался в самых разных персонажей. Если «Песнь о боевых колесницах» и «Песнь о красавицах» написаны как бы от лица безымянного уличного наблюдателя, то в цикле «В поход за Великую стену» Ду Фу говорит голосом простого солдата, посланного на войну с племенем туфаней. Вот девятое стихотворение цикла:

Десять лет - я в войсках,
Десять лет прослужил я, солдат, -

Так ужель у меня
Не скопилось заслуг никаких?

Знаю, много людей
Незаслуженных жаждет наград,

Я б сказал о себе -
Но стыжусь быть похожим на них.

Говорят - ив Китае
Дерутся они за чины,

И поэтому здесь
Непрерывная битва идет.

Но не ради наград,
А во имя родной стороны

Тяжесть ратных трудов
Переносит солдат-патриот.

...Наступает ненастный вечер, в окнах темнеет, холодный сырой ветер задувает в щели, а Ду Фу все не выходит из своей комнаты. Госпожа Ду берет теплое верблюжье одеяло, заваривает чашку горячего чая и в нерешительности останавливается перед дверью. Из-за тонкой перегородки слышится голос Ду Фу, иногда прерываемый кашлем. Словно в забытьи, он бормочет стихи, повторяя одну и ту же неоконченную строку и всякий раз замолкая там, где еще не найдено нужное слово. В стихотворении настоящего мастера каждое слово неповторимо, и если в рукописи случайно стерся иероглиф, уже никто не восстановит его. Поэтому приходится искать слова, словно крупицы золота в горной породе. «Юэ» - «луна», «хуа» - «цветы», «сюэ» - «снег». Раньше в стихах Ду Фу было много именно таких слов, но теперь все чаще встречаются другие. «Минь» - «народ», «чжань» - «война», «ку» - «страдание». Может быть, иному знатоку поэзии эти слова покажутся простыми и грубыми, но для Ду Фу они подобны золотым крупицам истинного искусства.

За десять тысяч ли
Ведут нас вдаль.

А в армии,
Как я давно узнал:

Кому - удача,
А кому - печаль,

И знает ли об этом
Генерал?

Я вижу
Вражьих всадников вдали,

Они столпились в кучу
За рекой.

Сейчас я раб.
Но, сын своей земли,

Когда же
Совершу я подвиг свой?

(«В поход за Великую стену»)

ДУ ФУ ВСТРЕЧАЕТ СТАРОГО ДРУГА И ВНОВЬ РАССТАЕТСЯ С НИМ

Ду Фу по-прежнему ожидал ответа на посланные во дворец оды, по-прежнему надеялся и верил, что о нем вспомнят. Казалось, вот-вот раздастся стук в дверь и дворцовый евнух с подобострастной улыбкой вручит императорский мандат о назначении поэта на должность. Ведь не зря же он вторично держал экзамены! Должна же восторжествовать справедливость по отношению к человеку, который все еще мечтает «совершить свой подвиг», хотя в его возрасте давно пора расстаться с наивными юношескими мечтами. Так размышлял Ду Фу, прислушиваясь к шорохам за дверью и голосам на улице. Но время шло, а ответа из дворца не поступало. Наконец он понял, что его надежды тщетны: наверное, оды попросту затерялись среди бумаг. Ему придется снова искать случайные заработки, просить о помощи друзей и знакомых. За годы жизни в Чанъани Ду Фу приобрел много друзей, среди которых были самые разные люди, поэтому естественно, что и относился он к ним по-разному. С «хозяевами» богатых столичных особняков, охотно принимавших у себя поэта, Ду Фу не чувствовал внутренней свободы, хотя они просили своего «гостя» забыть о чинах и рангах и говорили о собственном богатстве как об утренней дымке, готовой растаять при первых лучах солнца. Но все это входило у них в понятие «ли» - «этикета», и Ду Фу не слишком верил в искренность «хозяев». Более свободно и непринужденно держался он с теми, кто не имел собственного особняка и ютился в простой гостинице, посылая прислугу в соседнюю лавку за вином и подолгу задерживая плату хозяевам, - бедными и непризнанными поэтами, художниками, артистами, учеными. Среди этих людей попадались и строгие ревнители конфуцианского благочестия, и легкомысленные завсегдатаи веселых кварталов Чанъани, и одинокие меланхолики, тосковавшие по ушедшей молодости и оплакивавшие «иней в волосах», и записные острословы, словно бы навечно зачисленные в свиту хохочущего будды Майтрейи: согласно канонам иконографии Майтрейя изображался с огромным голым животом и блаженной улыбкой. К этим последним Ду Фу испытывал особую дружескую привязанность: вечно погруженный в свои мысли, молчаливый и сосредоточенный, он постепенно привыкал к веселой шутке, меткому словцу, отточенному каламбуру. Кроме того, юмор его

беспечных друзей как нельзя лучше помогал переносить невзгоды и тяготы, неотступно преследовавшие поэта.

Новые друзья были истинным утешением для Ду Фу, но еще больше он радовался, если доводилось снова увидеть доброго старого друга. Так, однажды он встретил храброго Гао Ши, с которым когда-то путешествовали по юго-востоку Китая, а затем пировали в обществе седовласого Ли Юна. Много лет промелькнуло с тех пор, но в жизни Гао Ши почти ничего не изменилось. Храброму рыцарю по-прежнему не везло, правда, за эти годы ему удалось получить небольшую должность в местной управе, но обязанности, которые приходилось выполнять, не отвечали возвышенному настрою его души. Гао Ши считал своим рыцарским долгом помогать слабым и обиженным, а от него требовалось наказывать народ за мелкие провинности и преступления против закона. А что за преступление, если голодный крестьянин украдет у богача горсть зерна или вовремя не сдаст налоги! И он, доблестный рыцарь Гао, должен за это сечь кнутом и бить палкой! Конечно, он никогда не станет этого делать, и разве о такой должности он мечтал! Какая несправедливая судьба и как горько с ней мириться! Единственным утешением для Гао Ши оставалось то, что его Воля (непреклонная Воля - одна из главных добродетелей «благородного мужа») по-прежнему устремлена к благим свершениям, а согласно учению древних мудрецов желание - это уже наполовину действие.

Не слишком-то радовали Гао Ши и служебные обязанности иного рода. Однажды ему пришлось сопровождать деревенских новобранцев в армию, и он вдоволь насмотрелся на этих несчастных, которых с плачем тянут за рукав матери и жены, а детишки бегут за ними следом, взбивая пятками пыль и держа наперевес игрушечные копья. Малыши не понимают, что ждет их отцов, взрослым же хорошо известно, какая участь уготована защитникам дальних границ. Метко пущенная вражеская стрела или отточенный меч в одно мгновение оборвут жизнь наивного крестьянского парня, еще не обученного как следует сражаться с «варварами». Шагая рядом с колонной новобранцев, Гао Ши старался приободрить себя мыслью о том, что наконец-то сбудется его мечта и он попадет на поле битвы и напишет множество отличных стихов о воинских подвигах, но плач и крики женщин мучительным страданием отзывались в душе. Горечь и досада не покидали Гао Ши все то время, пока он находился в походе, и каждое утро, просыпаясь в походной палатке, он со странным стыдом надевал зеленое платье чиновника.

Этот стыд был, конечно же, знаком и Ду Фу, - недаром он сочинил свою «Песнь о боевых колесницах». У поэта давно сложилось убеждение, что Китай «и так не страна, а громада» и новые завоевательные походы, расширяя внешние границы империи, ослабляют ее изнутри. Доказательство тому - заброшенные крестьянские поля, которые некому обрабатывать, потому что мужчин постоянно забирают в армию. Для простого народа каждая мобилизация - хуже засухи или наводнения, а звуки триумфальной музыки, возвещающей о новой победе, похожи на вой погребальных труб. Полководцы-триумфаторы получают награды из рук самого императора и клянутся ему в вечной преданности, но в истории случалось не раз, что эти клятвы рассеивались в воздухе, словно утренний дым, лишь только могущественными полководцами овладевала мечта о троне. Под командованием таких военачальников, как Ань Лушань, находятся огромные гарнизоны: стоит вспыхнуть искорке заговора, и пламя пожара охватит всю страну. Ду Фу особенно ярко представил это, услышав, что Гао Ши сопровождал новобранцев именно в расположение войск Ань Лушаня и мог воочию убедиться, какую грозную силу представляют девять армий маленького толстого человечка. Оказывается, Ань Лушань вовсе не тот наивный простак, за которого он себя выдает: его закаленные и вымуштрованные солдаты, изголодавшиеся по большой добыче, только и ждут случая ринуться в бой, а путь от Великой Китайской стены, где стоят гарнизоны Ань Лушаня, до танской столицы не так уж долог...

Ду Фу, конечно же, тоже было что рассказать о себе Гао Ши, и их беседы продолжались очень долго - до самого вечера. Едва лишь солнце опускалось за черепичные крыши, старые друзья отправлялись гулять, приглашая в компанию и других поэтов - Цэнь Цаня, Чу Гуанси, Сюэ Цзюя. В Чанъани выдалась необыкновенно теплая осень, какие редко бывают на севере, в зеленоватой воде прудов плавали желтые листья, похожие на игрушечные кораблики, в сухом прогретом воздухе пахло поздними цветами, и поэты старались как бы запастись теплом погожих дней перед будущей зимой. Однажды они наняли несколько колясок и выехали за городскую стену, чтобы подняться на буддийскую Пагоду Милосердия и Сострадания (второе название - Пагода Диких Гусей), находившуюся в окрестностях Чанъани, на берегу реки Извилистой. Как и велит обычай, все пятеро сочинили стихи. Ду Фу в своем стихотворении начал с того, что воспел высоту знаменитой пагоды, «попирающей небесную синь», затем упомянул легендарного императора Шуня, богатырским сном спящего в могиле, и богиню Сиванму - Мать

Царицу Запада, пирующую у Яшмового Пруда (намек на Сюаньцзуна и Ян Гуй-фэй), а в конце обратился к друзьям, сравнивая их с журавлями и дикими гусями:

Журавли желтоперые
мчатся без отдыха вдаль
И печально трубят,
что родного гнезда у них нет.
Посмотрите, как дикие гуси
летят за теплом
И мечтают по горсточке риса
найти на обед.
(«Вместе с несколькими благородными спутниками поднимаемся на Пагоду Милосердия и Сострадания»)

Точно так же, как дикие гуси мечтают о горсточке риса, друзьям Ду Фу, да и ему самому приходится заботиться о хлебе насущном, искать пропитание своим семьям, надеяться, разочаровываться и вновь надеяться. Этим сравнением Ду Фу попал в самую точку, и хотя он не написал прямо: «Мы, как дикие гуси,..», каждый из поэтов узнал в этих строках себя. После чтения стихов и любования осенними далями, после всех восторженных восклицаний и горестных вздохов друзья спустились по замшелым ступеням вниз, снова сели в коляски и вернулись в Чанъань. Там они простились, и, как принято выражаться в стихах, «рукава их халатов намокли от слез». На следующее утро все они окунулись в суету повседневных дел, и их счастливая встреча стала все дальше отодвигаться в прошлое. У Гао Ши дел было особенно много - он приехал в столицу с твердым намерением подыскать себе службу. С прежней службы он ушел, после долгих сомнений подав в отставку, и теперь надеялся на счастливый случай и собственное усердие. В Чанъани он наносил визиты знатным особам, подробно рассказывая о своих злоключениях и посвящая стихи тем, у кого хватало терпения его выслушать. Так же, как и Ду Фу, он участвовал в пирах и званых обедах, но его мечты о великодушном и щедром покровителе, который оценил бы благородство храброго рыцаря, оставались мечтами. И так было до тех пор, пока в Чанъани не появился могущественный военачальник Гэшу Хань, прославившийся своим мужеством, стойкостью и волей. Император Сюаньцзун вызвал Гэшу Ханя, чтобы наградить его за очередную победу, а заодно помирить с заклятым врагом и соперником - полководцем Ань Лушанем, к этому времени тоже прибывшим в столицу. Во дворце устроили пир, на который

пригласили обоих генералов, но Гэшу Хань наотрез отказался от примирения с Ань Лушанем, назвав его в разговоре лисицей и тем самым намекнув на его хитрость и «варварское» происхождение (по-китайски слово «лисица» звучит так же, как «варвар»).

Слухи об этом мгновенно облетели столицу, и жители Чанъани дружно подхватили меткое словцо Гэшу Ханя. Гэшу Хань стал героем народной молвы не только как полководец, но и как разоблачитель «лисьих наваждений». С точки зрения Гао Ши, поведение Гэшу Ханя, не пожелавшего примириться с врагом, несмотря на то, что этого хотел сам император, вполне отвечало благородному духу древнего рыцарства, и храбрый Гао мысленно отдал могущественному полководцу свое сердце. Служить у Гэшу Ханя стало его мечтой, и на этот раз он действительно «встретил свою судьбу». После аудиенции, на которой Гао Ши подробно рассказал о себе и поклялся в верности Гэшу Ханю, полководец взял поэта на службу и назначил на должность секретаря. Вскоре предстоял отъезд, и Ду Фу пришел проститься со старым другом. На прощальном пиру он сочинил стихи, заканчивавшиеся строками:

Как жаль, что мы так редко
встречаемся с тобой
И что дорога к другу
трудна и далека.
Как две звезды, что светят
на небе в разный час,
Печалимся в разлуке,
и на душе - тоска.
(«Стихи в пятнадцать рифм на проводы секретаря Гао Тридцать Пятого»)

Так они расстались, чтобы снова тосковать друг о друге, словно два созвездия, - Шэнь и Шан, одно из которых восходит на небе утром, а другое - темным вечером.

«ГРУСТНО. ОСЕННИЙ ДОЖДЬ»

Осенние дни с друзьями (будь это Ли Бо или Гао Ши) для Ду Фу всегда радостны, и кажется, что вся природа отвечает чувствам поэта. Но как горько остаться одному, когда за окнами льет бесконечный дождь и осенний ветер срывает листья с деревьев. Вот стихи, написанные Ду Фу осенью 754 года:

Под осенним дождем увядают цветы

и мертвеет трава на лугу.
Ясноглазка лесная, по-прежнему ты
возле самых ступеней цветешь.
Изумрудно-зеленые листья твои -
словно перья невиданных птиц,
А на ветках бесчисленных каждый цветок
с золотою монетою схож.
Ледяные ветра засвистят, засвистят,
наклоняя макушку твою.
Я боюсь, что не выдержишь ты холодов
и осыплются листья к утру.
Над тобою живет неудачник поэт -
голова все белей и белей.
Он вдыхает душистые слезы твои,
на неистовом стоя ветру.
(«Грустно, Осенний дождь»)

Два месяца в Чанъани лили дожди - день и ночь барабанили по крышам капли, лопались пузыри в лужах, расходились дождевые круги в прудах и озерах. Тяжелые серые тучи заволокли небо, напоминая своими очертаниями разгневанного дракона - покровителя водной стихии. Ветер свистел в прорванной бумаге окон, срывал с крыш черепицу, наклонял макушки деревьев, поднимал в воздух облетевшие лепестки цветов. По чанъаньским улицам неслись ревущие пенистые потоки, переворачивая камни и обломки деревьев. Вода переливалась через пороги храмов и торговых лавок, затопляла дома. Выходили из берегов реки, обрушиваясь на крестьянские поля... Ду Фу прятался от дождя в своей комнатушке, превозмогая приступы удушливого кашля. Вздыхал и сутулился, грея руки над пламенем тусклой свечи. Только стихи помогали ему забыться:

Перезрелое мокнет повсюду зерно,
и чернеют колосья в полях.
От отца или матери в дальнем селе
невозможно письмо получить.
Здесь, на рынках Чанъани, несчастный наряд
одеяла меняет на рис,
И никто не жалеет последних вещей -
лишь бы голод слегка утолить.

Из-за начавшегося голода цены на рынках подскочили, и люди были вынуждены обменивать на рис самые необходимые

вещи. Чтобы спасти положение, император отдал приказ о дешевой распродаже зерна из государственных амбаров. Каждый день Ду Фу брал зонтик, потеплее укутывался, привешивал к поясу кошелек с деньгами и отправлялся за горсткой зерна для своего семейства. Чиновник государственных амбаров со скрупулезной точностью отвешивал его норму, и Ду Фу возвращался домой. Слегка обсохнув у жаровни, он снова брал зонтик и уходил навестить ученого Чжэна, жившего неподалеку. В доме Чжэна всегда имелось доброе вино, и его гостеприимство было известно всем соседям. Друзья устраивались поуютнее, нацеживали из кувшина пенистый виноградный настой, слушая шум дождя и глядя на плавившийся воск свечи, и начинали дружескую беседу. Ду Фу жаловался: не один раз обращался он во дворец, а должности так и не получил. Детям нечего есть; жена выбивается из сил, пытаясь свести концы с концами! Ученый Чжэн утешал его: выдающиеся мужи древности тоже испытывали неудачи. Знаменитому поэту Сыма Сянжу приходилось в лавке мыть посуду, а другой не менее знаменитый поэт, Ян Сюн, даже покончил с собой, спрыгнув с высокой крыши дома. Ду Фу соглашался: да, да... Сыма Сянжу... Ян Сюн... вот только бы скорее кончился дождь. Тогда и на душе стало бы легче...

Барабанят по крышам потоки дождя,
торопя наступленье зимы.
Ослабевшие птицы не в силах взлететь -
так промокли они под дождем.
За последнюю осень не помнит никто
ни единого светлого дня.
Ах, когда же просохнет земля наконец
и рассеются тучи кругом!

Нужда в семействе Ду была такой же беспросветной, как осеннее небо над Чанъанью. Окончательно потеряв надежду на покровительство Ян Гочжуна, Ду Фу написал отчаянное письмо полководцу Гэшу Ханю, но вскоре и сам понял, что для него это не выход: нельзя всей душой ненавидеть войну и в то же время служить под началом военного, исполняя приказы о рекрутских наборах. Выход следовало искать в другом, и Ду Фу, подробно обсудив свои планы с женой, решил уехать из Чанъани. Здесь, в голодной и опустошенной двухмесячными дождями столице, им не выжить. Поэтому лучше пока перебраться в Дулин - родовое селение Ду. Там у них есть небольшой домишко, да и родственники могли бы помочь им. Раньше они не думали об этом, потому что все их планы были связаны со столицей, но

теперь никаких планов у них не осталось: только стремление спасти детей и самим не умереть с голоду. И вот госпожа Ду вынесла на руках маленьких, ее муж уложил в коляску вещи, и все семейство двинулось в путь. Прощай, Чанъань! Впрочем, Ду Фу еще придется наведываться в столицу - у него в Чанъани, как всегда, много дел, а жена и дети расстаются с императорским городом надолго. Не навсегда ли?.. В Дулине их встретили озабоченные родственники, и после произнесенных первых слов Ду Фу тяжело вздохнул: в деревнях такой же голод, как и в городе. Поэтому на помощь родственников рассчитывать не приходится - у них и самих-то ничего нет. Надо ехать дальше, но куда? Ду Фу выбрал Фэн-сянь - местность, расположенную в ста тридцати километрах от столицы.

В Фэнсяне их на первое время приютила стража, охранявшая могилу императора Жуйцзуна, ближайшего предшественника Сюаньцзуна. Начальник стражи с сочувствием и жалостью отнесся к несчастным беженцам, приказал накормить их и устроить на ночлег. Яркие осенние звезды горели над высокими кипарисами, окружавшими могилу, и Ду Фу думал о том, что рядом, под могильной насыпью, покоится прах могущественного властелина, перед которым некогда трепетали придворные. Знал бы он, могущественный властелин, что добрый начальник стражи впустил на территорию священной усыпальницы каких-то бродяг! Пожалуй, душа покойного рассвирепела бы и обрушила на пришельцев свой гнев! Или духи - хранители могилы встали бы на их пути, сверкая доспехами и потрясая в воздухе мечами! Но властелин спит в гробу, набальзамированный и украшенный драгоценностями, и духи-хранители тоже спят, положив под головы колчаны со стрелами, и им ничего не ведомо о судьбе странников, заброшенных в эти края. Поэтому и Ду Фу надо скорее заснуть, чтобы на следующее утро, едва поднимется солнце над кипарисами, попрочнее обосноваться на новом месте.

Ранним утром, позавтракав на скорую руку, Ду Фу стал расспрашивать начальника стражи о местных жителях. В Фэнсяне у него были знакомые, п он рассчитывал занять у них немного денег, а еще лучше - зерна или какой-нибудь другой пищи. На этот раз ему повезло гораздо больше - Ду Фу вернулся к жене с радостной улыбкой и сообщил, что в Фэнсяне они могут остаться надолго. Есть деньги, еда и постоянное жилье! Добрые люди согласились приютить их и дали в долг: они верят, что Ду Фу в скором времени поправит свои дела. Какая удача! Поистине само Небо сжалилось над ними, дав небольшую передышку! Теперь они спасены!.. Обосновавшись в Фэнсяне и оправившись после двух месяцев голода, Ду Фу стал чаще выходить из дома - просто

ради прогулки. В здешних краях, помимо усыпальницы Жуйнзуна, имелась и еще одна достопримечательность - конюшни Песчаный Сад. Страстный любитель породистых скакунов, Ду Фу подолгу смотрел на их вольные игры, вспоминая времена своей беззаботной юности, скитания по берегам Хуанхэ, соколиную охоту.

По каменистым склонам гор
стремглав несутся ввысь,
Через песчаные холмы
летят во весь опор.
Резвятся в стаде антилоп,
бегут оленям вслед,
Пугают старых черепах
на дне лесных озер.
В одной из здешних бурных рек
есть рыба-великан.
Сверкает киноварью хвост
и златом - плавники.
Все в странном облике ее
пугает и страшит.
Хотя она и не дракон,
но - грозный дух реки.
(«Песнь о Песчаном Саде»)

Вольные игры породистых скакунов и вдруг - речное чудовище! Но Ду Фу неспроста выбрал такую концовку. Если для Фэнсяня чудовищем была «рыба величиной с человека», то вся страна боялась другого чудовища - Ань Лушаня. Низкорослый толстяк с большим животом скопил на границе огромные силы, и Ду Фу с явным намеком упомянул о затаившемся в пучине грозном духе. Он словно бы чувствовал приближение грозы и, находясь вдалеке от столицы, видел тучи, ползущие к императорскому городу... Но в столицу ему предстояло еще вернуться, и, прожив в Фэнсяне зиму, Ду Фу ранней весной простился с женой и детьми. «Человек в пеньковом платье», как именовали бедняков, не состоящих на чиновничьей службе, вынужден постоянно думать о заработке, и Ду Фу не мог оставаться на одном месте. В Чанъани ему неожиданно повезло - старый знакомый ученый Чжэн рекомендовал поэта семейству умершей императорской наложницы для сочинения надгробной надписи. Эта работа сулила немалый заработок, и Ду Фу охотно за нее взялся. В торжественном и возвышенном стиле, подобающем сочинениям такого рода, он воспел заслуги и

добродетели умершей, не позабыв между строк пожаловаться на свои собственные невзгоды и злоключения (на тот случай, если надпись прочтет император, некогда удостоивший вниманием бедного поэта).

Надгробную надпись высекли на камне, установленном поблизости от могилы, под зеленеющими соснами и кипарисами. Ду Фу хорошо заплатили, и он провел незабываемые часы в доме своих гостеприимных хозяев, гуляя по тропинкам их сада, любуясь зеленеющими деревьями и вдыхая ароматы первых весенних цветов. Полученная им связка монет внушала невольную радость, хотя Ду Фу и понимал, что пройдет немного времени, и эти деньги растают, подобно комочку раннего снега. Денег хватит на месяц - на два, а что дальше? Преследуемый мучительной тревогой о будущем, он отважился в третий раз обратиться в дворцовую Палату оказания благодеяний. Настойчивость поэта становилась дерзкой, и он рисковал снискать репутацию воинствующего упрямца, но Ду Фу стучал в запертую дверь так, как стучит человек, изнемогающий от голода и стужи. Он передал на рассмотрение Палаты новую оду, в которой уподоблял свою решимость служить императору с решимостью беркута, преследующего мелкую дичь. Дворцовый чиновник с вежливой улыбкой принял рукопись и заверил поэта, что ее прочтут в самое ближайшее время. Теперь оставалось ждать - снова ждать у запертых дверей. Но на этот раз двери открылись на удивление скоро: дворцовые власти уведомили поэта, что он назначен на должность. Неужели его страдания кончились и отныне у него будет прочный заработок?! Ду Фу отказывался верить такому счастью и, как оказалось, вполне справедливо.

Может быть, всемогущее Небо подшутило над ним или дворцовые чиновники нарочно придумали для него испытание, но Ду Фу получил назначение на должность, которую некогда занимал храбрый рыцарь Гао Ши, а это означало, что ему пришлось бы выискивать по деревням молодых парней, уклоняющихся от воинской службы, и наказывать палкой крестьян, не сдавших налоги. Вот тебе и беркут, распластавший крылья над степью! Не беркут, а жалкая пичуга, клюющая других оттого, что сама боится! И такая роль уготована Ду Фу?! Нет, лучше уж голодать и дальше, чем служить надсмотрщиком! И поэт отказался от назначения, еще раз подтвердив свою репутацию дерзкого упрямца, но, к счастью, его отказ был воспринят вполне терпимо, и Ду Фу через некоторое время уведомили о новом назначении - секретарем правового ведомства во дворце наследного принца. Так торжественно именовалась его

должность, на деле же обязанности секретаря заключались в соблюдении придворных ритуалов и мелкой канцелярской работе. Не слишком ли мало для потомка генерала Ду Юя, мечтавшего о благородном поприще государева слуги и народного заступника?! Но Ду Фу достаточно пожил на свете, чтобы понимать несбыточность многих юношеских мечтаний. После долгих лет полунищенского существования он был рад и этой - наполовину формальной, но зато обеспечивающей постоянный заработок должности. В сочиненном по этому поводу стихотворении Ду Фу даже слегка посмеивался над несбывшимися мечтами и в шутку успокаивал себя тем, что назначенного ему жалованья хватит на несколько чарок вина в день, а свободное от службы время он сможет отдавать сочинению своих «безумных песен».

С императорским указом в дорожной шкатулке он отправился в Фэнсянь - поделиться радостью с женой. Для госпожи Ду его назначение означало, пожалуй, больше, чем для самого Ду Фу, ведь именно ей приходилось смотреть за детьми и вести хозяйство, поэтому каждый месяц получать деньги и зерно, иметь участок земли, пользоваться казенной лошадью и прислугой - это ли не счастье! И Ду Фу улыбался, воображая счастливую улыбку на лице жены. Но вместо радостной встречи с родными его ожидало страшное известие, в реальность которого он долго отказывался верить: от голода умер сынишка... Словно пораженный молнией, стоял Ду Фу в воротах дома, сжимая дорожную шкатулку с императорским указом и связкой денег, полученных за составление эпитафии. Не успел - слишком поздно явились эти дары. И зачем они теперь, если тот, кто недавно гонялся во дворе за воробьями, устраивал беспорядок в комнатах и рвал оконную бумагу, лежит под могильным холмом, на котором еще не успела зазеленеть трава! Долго стоял Ду Фу над могилой сына, а вернувшись домой, почувствовал неодолимую потребность писать - писать, а не плакать. Несколько дней он склонялся над бумагой, и жена не решалась войти в его комнату. Потом, осунувшийся и исхудавший, он прочел ей свои «Стихи в пятьсот слов»:

Вхожу во двор -
Там стоны и рыданья:

От голода
Погиб сынишка мой.

И мне ль, отцу,

Скрывать свое страданье,

Когда соседи
Плачут за стеной.

И мне ль, отцу,
Не зарыдать от боли,

Что голод
Сына моего убил,

Когда все злаки
Созревали в поле,

А этот дом
Пустым и нищим был.

Всю жизнь
Я был свободен от налогов,

Меня не слали
В воинский поход,

И если так горька
Моя дорога,

То как же бедствовал.
Простой народ?

Когда о нем
Помыслю поневоле

И о солдатах,
Павших на войне, -

Предела нет
Моей жестокой боли,

Ее вовеки
Не измерить мне!
(«Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в Фэнсянъ»)

Соседи Ду Фу плакали над его горем, но и он сам, потерявший сына, не забывал о горе других. Человеку бывает стыдно радоваться, если рядом скорбят и льют слезы, но поэту было *стыдно* страдать, сознавая, что другие страдают еще больше. В этом чувстве стыда - весь Ду Фу, всегда помнивший, что сердце мудреца бьется заодно с другими сердцами и все вместе они сливаются в единое целое - сердце народа.

ДУ ФУ В ЧАНЪАНИ

Итак, после вольных скитаний вместе с Ли Бо и Гао Ши Ду Фу оказался в Чанъани, где провел в общей сложности десять лет. Десять лет жизни - период огромный, и можно лишь позавидовать автору династийной хроники, сумевшему выразить его смысл лапидарной фразой: «кунь Чанъань», то есть «бедствовал в Чанъани». Поистине точнее и не скажешь, но законы биографического жанра вынуждают пожертвовать этой выразительной краткостью ради более полного представления о жизни поэта. Хотя Ду Фу вступил в императорский город не с таким почетом, как Ли Бо, получивший приглашение от самого Сюаньцзуна, и ему не пришлось спать на ложе из слоновой кости и ездить на породистых скакунах, судьба столкнула его с теми, кто стоял на вершине власти, и драма танской династии произошла на его глазах. Герои этой драмы - император Сюаньцзун и его «драгоценная супруга», всесильный диктатор Ли Линьфу, его амбициозный преемник Ян Гочжун и полководец Ань Лушань. Ду Фу видел, как проносятся по улицам их экипажи, окруженные грозными всадниками, и вместе с толпой любопытных горожан поражался роскоши их убранства и богатству пиршественных столов.

Поэт не присоединился к голосу тех, кто славил Ли Линьфу и Ань Лушаня, но в преподнесенной императору оде посвятил несколько хвалебных фраз Ян Гочжуну. Пожалуй, это был единственный случай, когда прямой и честный Ду Фу не удержался от лести. «Мы не можем справиться с чувством, что все это недостойно нашего доброго и честного Ду Фу», - пишет современный американский биограф поэта Уильям Хан, хотя затем и оправдывает его тем, что Ду Фу был доведен до отчаяния и его истинная цель заключалась не в восхвалении Ян Гочжуна, а в стремлении напомнить о себе императору. Добавим к этому, что Ян Гочжун завоевал большую популярность в народе своими разоблачениями злодеяний Ли Линьфу, поэтому его собственные пороки на время как бы отодвинулись в тень. Хвалебные строки Ду Фу можно расценивать как одобрение именно

разоблачительной стороны деятельности Ян Гочжуна, тем более что в «Песне о красавицах» - произведении, написанном отнюдь не для Палаты оказания благодеяний, - Ду Фу не скрывает иронии по отношению к могущественному царедворцу.

Столь же иронично изображены в «Песне о красавицах» и Ян Гуйфэй со своими сестрами. Ду Фу якобы простодушно восхищается их нарядами, драгоценностями и изысканными блюдами, которые им подают, но это восхищение - с оттенком явной издевки, потому что любая роскошь, с точки зрения традиционной китайской морали, всегда являлась предметом осуждения. Ду Фу и в других стихах высказывается о Ян Гуйфэй с неодобрением - как современник удачливой фаворитки, ставшей затем супругой императора, он отнюдь не склонен идеализировать ее образ. Красавица Ян в восприятии Ду Фу слишком связана с политическими интригами века, чтобы видеть в ней одну лишь героиню любовного романа: ведь именно благодаря ей возвысился Ян Гочжун, а заодно с ним и другие члены семейства Ян, сколотившие при дворе влиятельную фракцию, и именно она, Ян Гуйфэй, поддерживала Ань Лушаня, который вскоре двинул свои полки на чанъаньские дворцы. Поэтому Ду Фу не скажет об удачливой фаворитке ни одного восторженного слова, и лишь поэты последующих веков воспоют романтическую историю любви императора Сюаньцзуна и его «драгоценной супруги», чей образ приобретет под их кистью идеальные и возвышенные черты. Вот как описывается купание Ян Гуйфэй в поэме Бо Цзюйи (772-846) «Вечная печаль»:

Раз прохладой весенней ей выпала честь
искупаться в дворце Хуацин,
Где источника теплого струи, скользя,
омывали ее белизну.
Опершись на прислужниц, она поднялась, -
о, бессильная нежность сама!
И тогда-то впервые пролился над ней
государевых милостей дождь.
Эти тучи волос, эти краски ланит
и дрожащий убор золотой...
За фужуновым пологом в жаркой тиши
провели ту весеннюю ночь.
Но, увы, быстротечна весенняя ночь, -
в ясный полдень проснулись они.
С той поры государь для вершения дел
перестал по утрам выходить...

Как складывалась жизнь поэта в Чанъани? Все эти десять лет он действительно «бедствовал» и мучился - от неустроенности, от безденежья, от бесплодных попыток поступить на службу. Ду Фу тяготила зависимость от знатных покровителей, к которым он обращался за помощью. Он сидел на пирах, и вино казалось ему горьким из-за мучительного чувства, что он - нищий за столом богатых. Потому-то Ду Фу и написал в одном из стихотворений, что собирает остатки на чужих пирах, - жестокое признание! И все-таки будем объективны: Ду Фу бедствовал далеко не всегда, и суровый династийный летописец изобразил как бы темную сторону жизни поэта - Инь, но ведь была и светлая сторона - Ян. Живя в Чанъани, этом прославленном городе удовольствий, Ду Фу во многом напоминал героя танской новеллы (близкой по духу новеллам Боккаччо, Чосера, Маргариты Наваррской) - беспечного молодого человека, завсегдатая веселых кварталов Чанъани, любителя музыки, пения и всяческих развлечений. Австралийский исследователь А.Р. Дэвис отмечает: «Необходимо избегать соблазна многих современных китайских авторов изображать Ду Фу слишком героичным как человека. Поступая таким образом, мы рискуем обмануть самих себя. Ведь Ду Фу, за исключением тех случаев, когда мысль об одиночестве проникает в его стихотворения, не был по своей сути одиноким человеком, который боролся с собственными моральными установками. Он был человеком в высшей степени связанным с обществом и вовлеченным в общественную жизнь. Он постоянно говорил о действии, потому что откликался на события и ситуации. Именно поэту и его поэзии присущи героические пропорции, а отнюдь не человеку».

Согласимся с этим утверждением, хотя поэзия Ду Фу не сразу обрела «героические пропорции» и сам он долго готовился к роли народного заступника, оплакивающего беды своей родины. В Чанъани Ду Фу сполна отдавался радостям жизни, совершая прогулки с друзьями и гетерами, и мы можем представить, как он поздно вечером возвращался в гостиницу, поднимался по скрипучей лесенке в свою каморку под крышей, зажигал свечу на низком лаковом столике и, снимая одежду, вспоминал недавние шутки, смех, веселые возгласы. В минуты таких воспоминаний написаны многие стихотворения Ду Фу чанъаньского периода, и тем более удивительным кажется то, что именно в это время наряду с вполне традиционными «стихами на случай» Ду Фу создает совершенно иные по содержанию строфы, сделавшие его подлинно великим поэтом. «Песнь о боевых колесницах», «В поход за Великую стену», «Песнь о красавицах» и особенно «Стих в пятьсот слов» - вот настоящий, зрелый Ду Фу, каким он вошел в

историю китайской лирики. Что же произошло? Каким образом мог один и тот же человек - Ду Фу - воспевать увеселительную прогулку с гетерами и описывать трагическую картину проводов новобранцев в армию? Какие таинственные сдвиги в душе поэта заставили его, привыкшего говорить в стихах о себе самом, собственных думах и чувствах, заговорить о страданиях и бедах своего народа и заговорить с невиданной ранее силой?

Разрешить этот загадочный парадокс Ду Фу можно лишь отчасти, потому что внутренняя жизнь поэта от нас скрыта и биографические источники не донесли его размышлений о собственном ремесле. Отметим лишь несколько факторов, способных приблизить нас к разгадке. Во-первых, конфуцианское мировоззрение Ду Фу. Не надо внимательно вчитываться в «Песнь о боевых колесницах», «Песнь о красавицах», «Стихи в пятьсот слов», чтобы обнаружить в них выстраданный пафос конфуцианца, испытывающего мучительное разочарование из-за несовпадения своих идеалов с действительностью.

...И супом
Из верблюжьего копыта

Здесь потчуют
Сановных стариков,

Вина и мяса
Слышен запах сытый,

А на дороге -
Кости мертвецов.
(«Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в Фэнсянъ»)

Эти едва ли не самые знаменитые строки Ду Фу передают «трагедию конфуцианской личности» (выражение академика В.М. Алексеева), столкнувшейся с «болезнью века», ведь конфуцианский идеал - идеал мудрого равновесия, общественной гармонии, а тут - запах вина и мяса в богатых домах и кости голодных бедняков на дороге. Значит, равновесие нарушено, целостная гармония распалась, и конфуцианскому мудрецу остается безмолвно уйти, затворив за собой плетеную калитку отшельнического скита и тем самым осуществив один из наветов учителя: «В царство, где неспокойно, не входите. В царстве, охваченном смутой, не живите. Когда в Поднебесной порядок, будьте на виду. Если нет порядка, скройтесь». Но был и еще один

путь - не молчания, а действия. Конфуцианский мудрец, застигнутый общественной смутой, мог публично высказать свою «скорбь изгнанника», как некогда поступил Цюй Юань, автор бессмертной поэмы. Ду Фу выбрал второй путь, доказав всем своим творчеством, что из всех философских учений Китая только конфуцианство могло пробудить в поэте такую силу социального реализма, хотя оно же и ограничивало размах его критической мысли, и если даосские и буддийские лозунги часто становились знаменем народных восстаний, то конфуцианская критика - по сути чисто литературная, подчиненная этикету письменной традиции - обычно оставалась достоянием бумаги.

Итак, конфуцианство, во-первых; что же во-вторых? Все исследователи творчества Ду Фу единодушно считают, что в лирике начала 50-х годов он новаторски использовал форму древнекитайской народной песни, наполнив ее новым, остросовременным содержанием. Это Действительно было литературным открытием, хотя вместе с Ду Фу в том же направлении шли и Ли Бо, и Гао Ши, и другие танские лирики, но наш поэт с наибольшей силой воплотил то, к чему другие лишь приближались: он заговорил о народе как бы голосом самого народа. Это означает, что и язык его поэзии во многом приблизился к разговорному, Ду Фу стал смело пользоваться просторечием, вводить в свои произведения прямую речь, персонажи его песен - воины, крестьяне, бедняки - обрели собственную судьбу, собственный неповторимый характер.

Вместо застывших фигур, как бы отчеканенных на все времена традицией, Ду Фу показал живых людей, своих современников. В китайской поэзии с ее условным и отстраненным от бытовой повседневности миром, с ее каноническим набором образов (луна, цветы, облака и т. д.), с ее литературным языком «вэньянь», который неспроста называют дальневосточной латынью, такое случалось не часто. У китайских философов, конечно, было понятие жизненности, жизненной правды, но оно трактовалось вне временной конкретности. Поэтому и художник не стремился запечатлеть «приметы времени», а искал жизненность в другом - в вечном биении вселенского пульса, вечном бытии природы и человека (вспомним главный закон китайской живописи: «Соединение души художника с гармонией и ритмом Вселенной наполняет его картины движением жизни»). Ду Фу одним из первых сумел, не нарушая классического строя стиха, отобразить в своем творчестве именно «приметы времени», недаром его стихотворения именуют «поэтической историей». Он словно бы приподнял черепичные крыши над богатыми усадьбами и

бедными хижинами, и читатель увидел, как жили китайцы середины VIII века, - увидел во всей конкретности и достоверности. Крестьяне, воины, чиновники, аристократы предстали перед читателем не только в костюмах, но и во всем окружении быта своей эпохи, во всем водовороте политических страстей, бушевавших в царствование Сюаньцзуна.

Глава пятая МЯТЕЖ АНЬ ЛУШАНЯ

Так ранить душу человека и так печалить его взор!.. Возможно ли нечто подобное этому? Разве возможно такое?

Ли Хуа,

Плач на древнем поле сражений

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК НАЧИНАЕТ БОЛЬШУЮ ВОЙНУ

Советники Ань Лушаня, уже давно внушавшие ему мысль о походе против чанъаньского правительства, считали, что медлить больше нельзя. Поход надо начинать немедленно, иначе плод, созревший на ветке (испытанная аллегория!), зачервивеет и сгниет. Момент для начала - самый наивыгоднейший. Император Сюаньцзун вместе с «драгоценной супругой» пирует в зимнем дворце Хуанцин, где не смолкают гонги и барабаны, кружатся танцовщицы в шелковых одеждах и слуги обносят гостей заморскими лакомствами, государственными делами же в это время вершит жестокий и надменный Ян Гочжун, которого все вокруг боятся и ненавидят. Вот и необходимый предлог для мятежного Ань Лушаня - покарать жестокого царедворца, а заодно и свергнуть наконец все ненавистное семейство Ян. В глазах народа Ян - это ползучие лианы, опутавшие могучий ствол дерева (императора). Трудно сосчитать, сколько принесли они зла, сколько посеяли вражды и розни! Из-за коварной Ян Гуйфэй император Сюаньцзун, на которого вся Поднебесная смотрела как на легендарного Шуня, перестал управлять страной, доверив священный жезл власти злодеям и мошенникам. Поэтому долг Ань Лушаня, хотя в его жилах течет смешанная кровь согдийца и тюрка, восстановить порядок в китайской державе, дабы возрадовалось Небо и возликовали души великих предков.

Много лет Ань Лушань ждал своего часа - ждал еще с тех пор, когда мальчишкой ловил в камышах птиц и охотился за лесными зверьками, бродяжничал и воровал на рынках, а затем служил в армии, получая пинки и зуботычины от старшин. С раннего детства Ань чувствовал, что для китайцев он - «варвар», существо второго сорта, подобное дикому степному животному, но недаром

по-китайски «варвар» звучит так же, как «лисица»: молодой солдат сумел расчетом и хитростью добиться того, чего его лишило происхождение. Медленно и упорно поднимался он по ступенькам власти, пока не достиг самой верхней из них, став военным губернатором, доверенным лицом самого Сюаньцзуна (политику назначения на должности военных губернаторов - полководцев некитайского происхождения начал Ли Линьфу, полагавший, что «варвары» не способны претендовать на высокие гражданские должности и поэтому их конкуренции можно не опасаться). После ряда военных побед Ань Лушаня над соседями-степняками благоволение к нему императорского двора еще более усилилось, и в его шкатулках хранились подарки - драгоценные чаши и блюда, палочки для еды, отделанные золотом и рогом носорога, - от императора и его почтенной супруги, питавшей нежные чувства к «приемному сыну». Но Ань Лушаню уже было мало почестей полководца-триумфатора, и своими золочеными палочками он захотел отведать священной трапезы самого Сына Неба.

16 декабря 755 года - кровавая дата китайской истории, Ань Лушань повел многотысячную и многоязыкую армию, наполовину состоявшую из таких же иноплеменников, как и он сам, на юго-запад, в направлении к древним столицам империи Лояну и Чанъани. Двинулась вперед могучая пехота, заржали и захрапели конп под седлами всадников, медленно потянулись им вслед обозы. Ань Лушань, сжимая поводья отороченной мехом рукавицей, смотрел на окутанный изморозью горизонт, над которым плавало ослепительное малиновое солнце. Казалось, вдали пылает пожар и в языках пламени словно бы проступают знаки самой большой победы Ань Лушаня - будущей победы над властителями Тан. И действительно, в начале похода северные провинции одна за другой добровольно сдавались на милость победителей. 8 января следующего года войска мятежников уже пересекли Хуанхэ и через десять дней захватили Лоян. Древний императорский город с величественными храмами, запорошенными снегом садами и усадьбами аристократов лежал у ног Аня. Его солдаты хозяйничали на улицах и в домах; золотая утварь, шелка и меха - лучшая награда храбрецам. Сам полководец, опьяненный невиданно быстрым успехом, 5 февраля 756 года (по лунному календарю - новогодний день) провозгласил себя императором новой династии Янь.

Между тем советники самозваного императора доносили, что у него в тылу взбунтовалась область Чаншань, губернатор которой оказался тайным сторонником законного правительства (это было тем более опасно, что Чаншань защищала узкий проход

в горах, открывавший дорогу к ставке Ань Лушаня). Восставших поддержали и другие губернаторы, хранившие верность Сюаньцзуну: они отказывались признать новую династию Янь, сколачивали отряды сопротивления, арестовывали и казнили ставленников самозванца. Дело принимало серьезный оборот, - в общей сложности 17 северных областей перешло на сторону танских властей. Встревоженный Ань Лушань отправил на подавление смуты своего ближайшего помощника генерала Ши Сымина, получившего приказ любой ценой навести порядок в тылах. Остальные силы Ань Лушань бросил на решение на менее важной задачи - взятие столицы Чанъань. Во главе экспедиционного похода на императорский город он поставил генерала Цуй Цяньюя, закаленного воина и опытного стратега, способного принимать неожиданные и смелые решения в самые острые моменты боя.

Точно так же, как рыси, преследующей истерзанного оленя, остается совершить последний прыжок, Ань Лушашо оставалось взять заставу Тунгуань, чтобы столица Чанъань пала к его ногам. Застава Тунгуань - хорошо укрепленный, но все-таки последний рубеж правительственных армий. Нетерпение Ань Лушаня подстегивало еще и то, что этот рубеж оборонял его давний враг и соперник Гэшу Хань, некогда назвавший Ань Лушаня хитрой лисицей. Теперь Аню настал черед отомстить за оскорбление (лисица обернулась хищной рысью с крепкими когтями). Его генералы стремились вызвать Гзшу Ханя на открытый поединок, но тот не спешил покидать оборонительные позиции. Стратегический замысел Гэшу Ханя состоял в том, чтобы изнурять противника умелой обороной, нанося ему максимальные потери, в то время, как другой отряд правительственных войск (во главе с генералами Го Цзыи и Ли Гуанби) будет продвигаться в тыл Ань Лушаню, на помощь восставшим провинциям. Гэшу Хань рассчитывал, что солдаты Аня, узнав об опасности, грозящей их семьям там, на севере, уже не смогут воевать здесь, у ворот столицы, и попросту разбегутся.

Опытный стратег Цуй Цяныой, расположившийся лагерем на подступах к Тунгуани, разгадал замысел Гэшу Ханя и, в свою очередь, не спешил брать штурмом позиции врага. Он понимал, что в сложившихся условиях вести оборону гораздо выгоднее, чем наступать, и не собирался превращать своих солдат в мишень для вражеских стрел. Вместо того чтобы наступать самому, он постарался выманить противника на открытый рубеж, всячески создавая видимость, будто его собственная армия ослаблена и обескровлена в боях и поэтому разгромить ее не составит большого труда. Мудрый Гэшу Хань не поддавался на этот

маневр, упорно отсиживаясь за крепостными стенами, но тут мятежникам помог не кто иной, как Ян Гочжун, неожиданно вмешавшийся в боевые действия. Мнительному и насмерть испуганному царедворцу показалось, что Гэшу Хань замышляет измену, и он обвинил его перед императором в тайном пособничестве врагу. По словам Ян Гочжуна, Гэшу Хань с его огромным войском не решался напасть на жалкую кучку бандитов, не способных к сопротивлению, и, следовательно, находился в тайном сговоре с Ань Лушанем. Сюаньцзун встревожился и стал посылать гонцов к Гэшу Ханю с приказами немедленно наступать. Старому генералу пришлось подчиниться и вывести войска на врага.

9 июля 756 года состоялась битва между войсками Гэшу Ханя и армией Цуй Цяньюя. Мятежники не сомневались в победе, и Цуй Цяньюй уже заранее предвкушал, с каким триумфом он донесет о ней Ань Лушаню. Генерал Гэшу Хань, вынужденный подставить свои полки под град неприятельских стрел, чувствовал, что их ждет неминуемая гибель, но изменить ничего не мог. Сам полководец уже более года был тяжело болен и едва держался на ногах. Обреченное на гибель войско с разбитым болезнями полководцем - такая картина вызывала лишь жалость и сострадание. Один за другим падали защитники Чанъани, сраженные меткими стрелами. Сильный ветер дул им в лицо и мешал дышать, забрасывая глаза песком и пылью. Казалось, что этот ветер донесся сюда из враждебных северных степей, чтобы помочь мятежникам, и когда солдаты Цуй Цяньюя подожгли сухую солому (опытный стратег применил испытанную воинскую хитрость), ветер понес пламя прямо на армию Гэшу Ханя. Все поле боя застлало густым дымом. Горели доспехи на воинах, горели императорские знамена и штандарты, люди катались по земле, сбивая с себя пламя. Из 18 тысяч императорских солдат только 8 тысяч уцелело и вернулось в Тунгуань. Полководец Гэшу Хань был схвачен и под конвоем доставлен в Лояи.

ИМПЕРАТОР СЮАНЬЦЗУН ПРОЩАЕТСЯ С ВОЗЛЮБЛЕННОЙ НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ МАВЭЙ

Вот уже более полугода император Сюаньцзун находился в удрученном и подавленном состоянии человека, потерявшего всякую уверенность не только в отдаленном будущем, но и в завтрашнем дне. Когда начался мятеж Ань Лушаня, император срочно перебрался из зимнего дворца Хуанции в столицу Чанъань. Взбешенный коварной изменой маленького человечка, который недавно веселил двор своими выходками, Сюаньцзун

приказал казнить сына Ань Лушаня, а невестке предоставил право покончить жизнь самоубийством (Ань Лушань впоследствии жестоко отомстил за сына казнями многих правительственных чиновников). Брат мятежника пострадал значительно меньше - его просто понизил» в должности и лишили императорского доверия. Когда гнездо изменников было разорено и развеяно по ветру, гнев императора слегка поутих и к нему вернулась способность трезво оценивать обстановку. Обстановка требовала незамедлительных действий, и император в те же январские дни 756 года назначил на ключевые посты в армии новых командующих и принял срочные меры но мобилизации войск. Народ с готовностью откликнулся на мобилизацию: люди сами взяли в руки оружие и поднялись на борьбу. За невиданно короткий срок были сформированы многотысячные отряды добровольцев, но пройти обучение военной науке они не успели, и новоиспеченные генералы повели на врага наивных сельских парней, чья преданность императору не могла защитить их от вражеских копий и стрел.

Естественно, что тревога не покидала императора Сюаньцзуна, и каждое утро, встречая своего господина, красавица Ян не видела на его лице прежней улыбки. После многих лет безмятежного спокойствия, пиров и увеселений во дворце наступил траур - затихла музыка, актеры и танцовщицы из Грушевого Сада не развлекали больше гостей, и сам император не играл на своем лаковом барабанчике, напевая «Радужную рубашку, одеяние из перьев». Сюаньцзуна преследовала нестерпимая мысль о том, что совсем рядом - в Восточной столице - восседает на троне самозваный император, чьи войска с неотвратимостью грозовой тучи приближались к Чанъани. Сюаньцзун боялся. Боялся, что солдаты Ань Лушаня распахнут ворота города и, потрясая копьями и мечами, ворвутся в Великий Лучезарный Дворец. Страшно было представить, как плененного императора династии Тан, словно дикого зверя, посадят в железную клетку и отвезут в Лоян, чтобы показывать на пирах гостям надменного самозванца. Поэтому Сюаньцзун с особым беспокойством ждал донесений из Тунгуани и торопил войска наступать, хотя в сложившихся условиях наступление могло лишь ускорить победу врага.

10 июля 756 года, на следующий день после разгрома армии Гэшу Хаия, императору доложили, что дозорные, которые вели наблюдение за дорогой в сторону Тунгуани, не увидели на башнях сигнальных огней, обычно зажигавшихся утром и вечером (между заставой Тунгуань и столицей Чанъань насчитывалось десять сторожевых башен). Услышав об этом, Сюаньцзун

встревожился как никогда и, проведя несколько дней в лихорадочном ожидании, решил бежать из столицы. Утром 14 июля он в сопровождении избранной свиты, состоявшей из Ян Гуйфэй с сестрами и братом Ян Гочжуном, ближайших слуг, министров и стражи, тайком покинул Великий Лучезарный Дворец. Ужас перед самозванцем гнал Сюаньцзуна на юг - все дальше и дальше от многострадальной столицы. Случайные прохожие, попадавшиеся им на пути, с удивлением провожали взглядом мужчин в дорогих шелковых одеждах и женщин со сложными высокими прическами, которые мчались в колясках по разбитым деревенским дорогам. Вид этих беглецов, измученных тряской, с покрытыми пылью лицами внушал скорее жалость, чем опасение, хотя их сопровождали грозные всадники, вооруженные с ног до головы. Удивленные прохожие вряд ли догадывались, что среди беглецов находится сам император, бросивший свой народ в минуту опасности.

К вечеру беглецы проголодались: спешно покидая дворец, они не успели как следует запастись провизией. Императора и его свиту все настойчивее преследовало самое незнакомое чувство - чувство голода. Оно казалось нестерпимым - почти таким же, как физическая боль. Принцы и принцессы из Великолепного Лучезарного Дворца едва сдерживали слезы, а император с холодным недоумением смотрел на Верховного цензора Взй Фанцзю, в чьи обязанности входило заботиться о пропитании Его величества. Но Верховный цензор лишь беспомощно разводил руками: находясь здесь, вдали от императорской кухни, где он мог взять белого карпа, оленьи языки, мясо сушеной змеи и прочую снедь, коей подобает потчевать Сына Неба?! Тогда Ян Гочжун, видя страдания императора, решил отбросить всякие церемонии и купил для него несколько лепешек из зерен кунжутного ореха, какие пекут в деревенских домах, и Сюанъцзун жадно набросился на еду. Для фрейлин императорского двора, министров и военачальников окрестные жители принесли такую же простую деревенскую снедь, от которой вскоре не осталось ни единой крошки.

Утром 15 июля беглецы достигли почтовой станции Мавэй, расположенной на расстоянии 60 с лишним километров к западу от Чанъани. Здесь они сделали остановку: на почтовых станциях всегда имелись место для ночлега, вино и горячая пища. Императору и «драгоценной супруге» сейчас же отвели лучшие комнаты, поблизости от них расположилась свита, а войска дворцовой стражи остались во дворе. Солдатам вынесли еду, но на всех ее не хватило, и среди голодных поднялся ропот возмущения. Тревожная обстановка в стране, наступление

отрядов Ань Лушаня, паническое бегство императора из дворца подействовали разлагающе на стойких гвардейцев, и в воздухе как бы сгустилось грозовое облачко смуты. Нужен был лишь повод - случайная зацепка, чтобы грянула гроза, и такая зацепка вскоре нашлась. Солдаты заметили, как Ян Гочжун о чем-то переговаривался с отрядом тибетцев, и, готовые отовсюду ждать измены, закричали, что первый министр собирается их предать. Расправа последовала немедленно: Ян Гочжун был растерзан на куски, а его голова насажена на копье. Такая же участь постигла и других министров, попытавшихся образумить взбунтовавшихся солдат. Кровь убитых залила маленький дворик почтовой станции, и встревоженные птицы стаей поднялись в воздух.

Когда император вышел к солдатам, они приветствовали его громкими криками, а затем в наступившей тишине раздались голоса, требовавшие смерти Ян Гуйфэй. «Изменник Ян Гочжун мертв, и его сестра отныне недостойна быть супругой Вашего величества!» - кричали смутьяны, и толпа солдат настороженно ждала ответа императора. С острия копья на Сюаньцзуна смотрела голова первого министра, как бы предупреждавшая, что и жизнь самого императора висит на волоске и этот волосок - тоненькая осенняя паутинка - может лопнуть в любую минуту. Император удалился в свои покои, чтобы обдумать требование солдат. За стеной соседней комнаты служанки успокаивали насмерть перепуганную красавицу Ян, которой император должен был вынести приговор. Оставшиеся в живых министры и приближенные торопили его: угрожающий ропот солдат доносился с улицы. Тогда император вызвал Главного евнуха Гао Лиши и приказал ему отвести Ян Гуйфэй к буддийскому алтарю и задушить шелковым шнурком. Приказание было тотчас исполнено.

Труп Ян Гуйфэй вынесли во двор и показали солдатам. Убедившись, что сестра ненавистного Ян Гочжуна мертва, солдаты прокричали: «Да здравствует император!» - и разошлись устраиваться на ночлег. Так окончилась история красавицы Ян, покорившей сердце одного из самых могущественных властителей Китая и навлекшей столько бед и несчастий на свою страну... На следующее утро император со свитой покинул почтовую станцию Мавэй и двинулся дальше на юг, но по пути был остановлен толпой окрестных жителей. Услышав о том, что император спасается бегством от мятежников, люди вышли ему навстречу, взывая о помощи и защите. Крестьяне, ремесленники, мелкие чиновники говорили, что император не должен бросать народ в минуту опасности. Гул голосов нарастал, толпа становилась все больше. Опасаясь нового бунта, Сюаньцзун велел

своему сыну, наследному принцу Ли Хэну, выйти к народу и успокоить его. Принц обратился к толпе с такой искренней и взволнованной речью, что люди прониклись к нему доверием и стали просить остаться с ними, возглавив народное ополчение. Когда император узнал об этом, он понял, что само небо назначает ему преемника, и отдал принцу часть своей свиты. Отец и сын простились. Принц Ли Хэн остался на севере для борьбы с Ань Лушанем, а Сюаньцзун продолжил путь на юг. Глубоко опечаленный гибелью Ян Гуйфэй, он вскоре отрекся от престола, передав принцу (на север была выслана специальная миссия) главную императорскую печать.

12 августа 756 года на престол взошел принц Ли Хэн, получивший впоследствии имя Суцзун (Сюаньцзун и Суцзун - посмертные имена двух китайских императоров, под которыми они вошли в историю). Новому императору было уже за сорок, он многое успел повидать, на его глазах стремительное возвышение танского дома сменилось его внезапным катастрофическим падением, поэтому, продолжив положительные начинания отца, Суцзун постарался не повторить его ошибок. Подобно Сюаньцзуну он окружил себя «прямыми и беспристрастными» - так еще в древности именовали честных чиновников, заботящихся о нуждах отечества гораздо больше, чем о собственной выгоде. Верных и способных управлять страной людей Суцзун искал не только среди придворной знати: в его ближайшем окружении встречались даже отшельники, покинувшие убежище в горах, чтобы служить новому императору (отшельники во все времена китайской истории особенно ценились на высоких постах потому, что умели применить в решении важных государственных дел даосский принцип «недеяния»). Сплотив вокруг себя преданных людей, Суцзун стал готовиться к решительной борьбе с Ань Лушанем. 30 августа 756 года в его ставку прибыли два больших отряда, возглавляемые генералами Го Цзыи и Ли Гуанби. Император обрадовался пополнению и с энтузиазмом приветствовал генералов. Их войско было тем «пустым кулаком» («кун фу»), которым он собирался нанести главный удар по врагу.

ОТРЯД АНЬ ЛУШАНЯ ЗАХВАТЫВАЕТ В ПЛЕН НЕИЗВЕСТНОГО

Когда командиру небольшого отряда мятежников, рыскавшего по дорогам в поисках добычи, доложили, что пойман неизвестный, он приказал немедленно привести его. Как опытный военный, давно служивший под началом Ань Лушаня, командир отряда знал, что такая добыча бывает гораздо ценнее шелков и

золотой утвари. Если пойманный окажется важным императорским чиновником, его можно будет отправить в Лоян к самому Ань Лушаню, который щедро наградит отличившегося, повысив в звании и пожаловав ему денег из собственной казны. Такие пленники нужны Ань Лушаню: присягая новой династии, они наносят смертельный удар по старой. Поэтому Ань Лушань всеми силами стремится вырвать у них присягу и, если это удается, чувствует, что наряду с военными победами одержал еще и моральную победу над врагом. Зная об этом, командир отряда с нетерпением ждал пленного и, когда солдаты ввели его, пристально посмотрел ему в глаза. Одетый в простое крестьянское платье, пленный явно не походил на крестьянина: и лицо и руки выдавали человека, умеющего держать кисть. «Имя и фамилия?» - спросил военный. «Ду Фу», - ответил пленник. «Ваша должность? Только не вздумайте говорить, что пашете землю. В это никто не поверит». - «К сожалению, пахать землю я не умею. Для этого нужен особый дар». - «Кто же вы? Императорский лазутчик, засланный к нам в тыл?» - «Я всего лишь бедный поэт. Сочиняю стихи». - «Неправда...» - рассердился военный, и Ду Фу тихо прочел нараспев:

В Дулине
Человек в пеньковом платье,

Хоть постарел -
А недалек умом:

Как мог такую глупость
Совершать я,

Чтоб с Цзи и Се
Равнять себя тайком?

Нет, просто
Во дворце я непригоден,

И надо мне
Безропотно уйти.

Умру - поймут,
Что о простом народе

Всегда я думал,
До конца пути.

И сердца жар,
Бредя тропой земною,

Я отдавал народу
Всей душой.

Пусть господа
Смеются надо мною,

Но в громких песнях
Слышен голос мой.
(«Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся аз столицы в Фэнсянъ»)

Цзи и Се - мудрые советники легендарного императора Шуня; признаваясь, что он лишь с тайной робостью осмеливался сравнивать себя с ними, Ду Фу доказывал, что никогда не занимал высокой чиновничьей должности и лишь в мечтах стремился отдавать народу «жар своего сердца». Что ж, видно, он и впрямь бедный стихотворец, захваченный водоворотом великой смуты, и командиру отряда не удастся получить за него куш. Жаль, конечно, но не отпускать же пленника! Пусть лучше помогает нести награбленное, благо с шелками и златом им повезло и отряд возвращается в Чанъань с богатой добычей. И вот, сгибаясь под тяжестью огромных тюков, Ду Фу вместе с мародерами Ань Лушаня повернул в сторону захваченной врагами столицы. У него не было сил поднять голову, и он видел перед собой лишь острые камни дороги, о которые в кровь сбивал ноги. Слышал понукания конвоиров и грубые окрики: «Быстрей! Быстрей!» Что он испытывал в эти минуты? Несмотря на тяжелую ношу и разбитые в кровь ноги, он радовался, что чудом остался жив. Но в то же время Ду Фу охватывала досада, ведь он вовсе не собирался возвращаться в Чанъань, и его цель заключалась в совсем ином: переодевшись в крестьянское платье, он намеревался пробраться в стан императора Суцзуна, чтобы принять участие в борьбе против мятежника Ань Лушаня...

Когда разразилась смута, Ду Фу все еще находился в Фэнсяне (как мы помним, получив наконец долгожданное назначение, поэт взял отпуск, чтобы повидаться с семьей), а затем переправил семью в местечко Бошуй (там жили родственники), думая, что жене и детям будет спокойнее на новом месте. Они поселились у

родных, в небольшом уютном домике. Вокруг шумели сосновые леса, ветер доносил свежий запах хвои, звенели по плоским голышам ручьи и в поросших кувшинками заводях плескались тучные рыбы. Но покоя не было и здесь: именно в Бошуй Ду Фу узнал о разгроме армии генерала Гэшу Ханя и падении Чанъани. А ведь Бошуй - не так уж далеко от столицы, и враг может нагрянуть сюда в любую минуту. Семейству Ду снова пришлось собираться в путь, и на этот раз их вынужденное путешествие - пешком, с маленькими детьми на руках, без крошки еды - было особенно тяжелым и долгим.

Стояло время коротких и сильных гроз, в небе то и Дело вспыхивали молнии, озаряя нездешним светом верхушки старых сосен, словно большой жертвенный барабан грохотал гром и крупные капли горстями сыпались в придорожную пыль. Застигнутые дождем, Ду Фу и его жена прятались под деревьями, прижимая к себе детей и моля Небо, чтобы град и молнии пощадили их. При каждом ударе грома дочь и сынишка зажимали ладонями уши, а отец успокаивал их: «Не бойтесь...» «Сильный дождь не продержится долго» - сказано в великой «Книге перемен», и действительно гроза вскоре затихала, жаркое солнце согревало лес, над травой поднимался влажный пар, и лимонно искрилась смола на срезах сосновых пней. Все семейство сушило на солнце одежду, Ду Фу пробовал развести костер, а жена и дочь распускали волосы и расчесывали гребешком. Затем - по колено в клокочущей мутной дождевой воде - брели дальше. Мучительно хотелось есть, и маленькая дочурка, сидевшая у отца на руках, от голода кусала его плечо. Мальчик рвал дикие сливы - такие кислые, что их нельзя было взять в рот. Как маленький мужчина, он старался держаться молодцом и ни на что не жаловаться, а его сестренка жаловалась и плакала. Ду Фу приходилось успокаивать ее и тихонько зажимать ей рот, чтобы солдаты Ань Лушаня, рыскавшие поблизости, не услышали детского плача.

В середине пути семейству Ду повезло. Однажды вечером в просветах между деревьями показались огни, издали донесся лай собак и запах дыма, и они поняли, что набрели на сельскую хижину. Ду Фу постучал в ворота. Хозяин, открывший дверь, увидел продрогших, вымокших, изможденных людей, и, узнав, что они беженцы, сжалился и пустил переночевать. Очутившись наконец в тепле, они почувствовали себя счастливейшими людьми на свете. Слуги принесли горячей воды, и Ду Фу с наслаждением окунул в нее замерзшие ноги. Его жена опустилась на циновку и застыла в блаженном покое. Дети упали на кровать и сразу, не раздеваясь, заснули; их пришлось потом долго будить, чтобы накормить ужином... Проведя ночь в тепле и как следует

выспавшись, Ду Фу и его жена наутро простились с добрым хозяином. Теперь идти им было гораздо легче, и они вскоре достигли городских стен Фучжоу. Поэт устроил семью неподалеку от города - в деревеньке Цянцунь. Из-за непрерывных дождей вода в реках вышла из берегов и затопила поля. Несмотря на это, Ду Фу каждый день спешил в город, чтобы разузнать новости. Люди на рынках и в чайных лавках поговаривали, что император Сюаньцзун бежал из дворца. Неужели это правда? Ду Фу возвращался домой встревоженный и удрученный, ничего не ел и почти не писал стихов. Чувство неопределенности мешало сосредоточиться. Наконец кто-то сказал ему, что в Линъу создано новое правительство во главе с императором Суцзуном, и Ду Фу решил, переодевшись в крестьянское платье, отправиться туда, но по дороге был схвачен мятежниками...

И вот он снова в Чанъани. Некогда цветущий императорский город лежит в руинах, зловеще чернеют пепелища сгоревших дворцов, ветер носит обрывки оконной бумаги. В уцелевших от огня домах - новые хозяева. Они рубят на дрова редкие садовые деревья и кормят лошадей из дорогой фарфоровой посуды. Они оскверняют родовые кумирни, бесчинствуют в храмах, напиваются допьяна, валятся в сапогах на шелковые циновки и орут грубые солдатские песни. Награбленное добро солдаты Ань Лушаня грузят на верблюдов и отправляют своим семьям на север. Ду Фу каждый день видит, как верблюжьи караваны, позванивая колокольцами, уходят за городские ворота, и его сердце переполняет боль. Поистине нет более печального зрелища, чем разграбленный бандитами город, и Ду Фу порою кажется, что столица превращена в кладбище. Всюду следы кровавых казней. Каратели охотятся за членами императорской семьи, не успевшими скрыться из столицы, и выискивают сторонников старой династии: и тех и других ждет неминуемая гибель. Однажды, бродя по безлюдным окраинам Чанъани, Ду Фу встречает знатного принца, который прячется от мятежников.

Вот строки, описывающие эту встречу:

Стаи белоголовых ворон собрались
на чанъанъских стенах городских,
По ночам подлетают к воротам Яньцю,
шум и гам поднимают на них.
Направляются после в жилища людей
что-то в пышных покоях клюют,
А хозяин покоев - сановник большой,
он от варваров скрылся лихих.
Изломалась его золоченая плеть,

в спешке девять коней он загнал,
Домочадцы его - плоть и кости его -
вместе с ним убежать не смогли...
У кого возле пояса черный коралл,
драгоценных подвесок набор?
Просто жалко смотреть: императорский внук
на обочине плачет в пыли.
Отвечать не решается он на вопрос,
кто он родом, как имя его;
Говорит о невзгодах и муках своих,
молит взять его - хоть бы рабом:
«Пробежало, мне кажется, целых сто дней,
как скрываюсь в колючих кустах,
Неизраненной кожи кусочка теперь
не осталось на теле моем»...
(«Плач по государеву внуку»)

Улицы безлюдны, дома мертвы. Распахнуты ворота амбаров, и птицы склевывают зерно, рассыпанное по земле. Из загонов выведен скот, и только старый мерин, забытый в стойле, печально стонет от голода. Ду Фу нечем ему помочь - он и сам такой же пленник. Его лучшие друзья либо бежали вместе с Стоаньцзуном, либо были отправлены под конвоем в Лоян, либо сами сдались на милость победителя. Ду Фу одинок. Его семья далеко, за сотни километров, и когда наступает праздник середины осени, во время которого принято любоваться полной луной, есть «лунные лепешки» и пить вино, поэт создает строки, посвященные жене:

Сегодняшней ночью
В Фучжоу сияет луна.

Там в спальне печальной
Любуется ею жена.

По маленьким детям
Меня охватила тоска -

Они о Чанъани
И думать не могут пока.

Легка, словно облако
Ночью, прическа жены,

И руки, как яшма.

Застыли в сиянье луны.

Когда же к окну
Подойдем мы в полуночный час

Ив лунном сиянии ...
Высохнут слезы у нас?
(«Лунная ночь»)

Середина осени прошла, и сразу задули холодные ветры, листья полетели с деревьев, устилая зеленоватую воду чанъаньских прудов, а вскоре в воздухе закружились белые мухи, и наступила зима. Ду Фу: ютился в доме своих знакомых и каждую ночь зябко кутался в одеяло, чувствуя, как ноют от холода больные ноги. Иногда среди ночи он просыпался и подолгу кашлял в платок, стараясь не разбудить хозяев. Но по утрам все равно выходил из дому и так же, как и в Фучжоу, прислушивался к разговорам, хотя, боясь шпионов Ань Лушаня, люди редко решались открыто обсуждать события. Оставшиеся в городе жители ждали, когда же новый император пошлет войска на врага и освободит столицу. И Ду Фу ждал. Поэтому с особой болью и разочарованием он встретил известие о том, что императорская армия потерпела поражение при Чэньтао из-за неумелой попытки главнокомандующего воскресить традиции воинского искусства древних, применив в бою колесницы, запряженные буйволами:

Пошли герои
Смежною зимою

На подвиг,
Оказавшийся напрасным.

И стала кровь их
В озере водою,

И озеро Чэньтао
Стало красным.

В далеком небе
Дымка голубая,

Уже давно
Утихло поле боя,

Но сорок тысяч
Воинов Китая

Погибли здесь,
Пожертвовав собою...
(«Оплакиваю поражение при Чэньтао»)

Так же тяжело воспринял Ду Фу весть о поражении правительственных войск при Цинфань, последовавшем через некоторое время. Воображение переносило поэта на поля сражений, и он видел покрытые снегом холмы, замерзшие реки, видел гниющие кости убитых воинов и черный дым, поднимающийся над брошенным лагерем... Одним словом, зима не радовала добрыми вестями, и особенно тревожило Ду Фу то, что он ничего не знал о своих близких - жене, детях, братьях и сестре - живы ли они? Куда забросила их война? Угрюмый, с потухшим взглядом сидел он в комнате, глядя на остывающие угли жаровни и сравнивая себя с Инь Хао - крупным чиновником, который по ложному доносу был уволен в отставку, и, не смея открыто выразить возмущение, писал пальцем в воздухе то, что не решался доверить бумаге:

Души недавно павших
Плачут на поле брани.

В тихой сижу печали,
Старчески одиноко.

Мрачно клубятся тучи
В сумеречном тумане,

Легких снежинок танец
Ветер принес с востока.

На пол черпак бросаю -
Нету вина в бочонке,

Еле краснеют угли -
Вот и сижу во мраке.

Непроходим, как прежде,
Путь до родной сторонки,

В воздухе, как Инь Хао,
Пальцем пишу я знаки.
(«В снегу»)

Наступила весна, и разрушенный город вновь начал оживать. Застучали молотки плотников, возводивших новые дома, закудахтали во дворах куры, залаяли собаки, замычали быки. В Чанъани все зазеленело, распустились цветы в садах и императорских парках, прогрелся воздух, полетели по ветру белые лепестки, прилипая к зонтикам знатных дам, колесам экипажей и лошадиным копытам. Ду Фу смотрел на весенние улицы, слышал птичий щебет и ничему не радовался. Ему было странно чувствовать, что даже в эти горькие и печальные для родины дни природа по-прежнему великолепна и безучастна к людским страданиям. О родных он так ничего и не узнал - письма не приходили. Весной его болезни обострились, и Ду Фу настолько исхудал и ослаб, что в волосах не держались заколки (мужчины в Китае с отроческих лет закалывали волосы шпильками);

Страна распадается с каждым днем.
Но природа - она жива:

И горы стоят, и реки текут,
И буйно растет трава.

Трагедией родины удручен,
Я слезы лью на цветы.

И вздрогнет душа - если птица вдруг
Крикнет из темноты.

Три месяца кряду горят в ночи
Сигнальных костров огни.

Я дал бы десять тысяч монет
За весточку от семьи.

Хочу надеть головной убор,
Но так ослабела плоть,

И волосы так поредели мои,
Что шпилькой не заколоть.
(Весенний пейзаж»)

Наконец пришло известие от сестры и братьев, и Ду Фу с облегчением узнал, что они живы, хотя война разбросала их. Эти новости вселяли надежду, что и с его семьей все в порядке: его сынишка, прозванный Жеребенком, по-прежнему повторяет свою любимую фразу: «Жеребенок - хороший малыш» - и пытается декламировать строчки отцовских стихов, дочурка возится с игрушками, купленными у уличного торговца, а жена трудится, не покладая рук, чтобы их накормить и одеть. Когда же они снова будут вместе? Сколько ему еще ждать?

Ты любил повторять:
«Жеребенок - хороший малыш!»
Прошлогодней весною
ты выучил несколько слов,
И уже называл
по фамилиям наших гостей,
И смешно декламировал
строчки отцовских стихов.
В неспокойное время
родиться тебе довелось, -
О тебе позаботиться
сможет лишь добрая мать.
У Оленьих Ворот
я мечтал поселиться с семьей,
А теперь даже письма
отвык от жены получать.
Меж землею и небом -
мелькание знамен боевых,
Даже горы и реки
безмолвно скорбят за меня:
Если б только я знал,
что когда-нибудь свидимся мы,
То сумел бы дождаться
счастливого этого дня.
(«В мыслях обращаюсь к семье»)

ДУ ФУ БЕЖИТ ИЗ ЧАНЪАНИ В СТАВКУ НОВОГО ИМПЕРАТОРА

Весной 757 года обстановка в обеих столицах стала меняться, и их жители связывали это с теми смутными слухами, которые

проникали из стана мятежников. Поговаривали, что между Ань Лушанем и его ближайшими сподвижниками давно существовали разногласия, становившиеся все более непримиримыми, и вот клика заговорщиков во главе с Ань Цинсюем, сыном маленького человечка, пробралась к нему ночью, и под покровом темноты предводитель мятежников был заколот кинжалами. Жестокий режим, насаждавшийся Ань Лушанем, мгновенно ослаб, и многие его пленники возвратились из Лояна в Чанъань. Среди них оказался и старый знакомый Ду Фу - ученый Чжэн, некогда угощавший его вином (мятежники назначили Чжэна на должность смотрителя водных сооружений, но он отказался ее занять под предлогом болезни). Встреча была радостной для обоих: друзья поднялись на башню, стоявшую на берегу пруда, и провели вместе долгую ночь, рассказывая о своих злоключениях и любуясь яркой весенней луной. Оба понимали, что сейчас самое время бежать из Чанъани: патрулей на улицах стало гораздо меньше, и стража у городских ворот уже не так внимательно всматривается в лица. Смерть главаря доставила мятежникам слишком много хлопот, и им попросту не уследить за всеми. Если не воспользоваться удобным моментом, будет поздно. Междуцарствие в стане мятежников кончится, и жестокие меры усилятся. Тогда из Чанъани не убежишь, а когда правительственные войска освободят столицу, новый император с большим недоверием отнесется к пленникам Ань Лушаня, не пожелавшим (или не сумевшим) вовремя перейти к своим.

Ученый Чжэн не смог бежать вместе с другом, но он дал Ду Фу немало хороших советов. Чжэн научил поэта обратиться за помощью к буддийским монахам, которые часто прятали у себя беглецов и помогали им перебраться в безопасное место. Ду Фу послушался мудрого совета, и вот в один из весенних дней он постучал в ворота уединенного буддийского монастыря Большое Облако и попросил приюта. Настоятель принял его, выслушал и согласился помочь. Несколько дней Ду Фу прожил среди монахов, скрываясь от посторонних глаз и ушей. После этого добрый настоятель подыскал для него старую одежду и грубую, изношенную обувь, чтобы ранним утром - едва встанет солнце - поэт отправился в путь. Одежда и обувь лежали рядом, а Ду Фу от волнения почти не сомкнул глаз. Тусклый мерцающий свет лампы падал на стены, из курильницы тянулся душистый дымок, едва слышно позванивали колокольчики на крыше буддийской пагоды, и поэт словно бы заранее чувствовал горечь желтой дорожной пыли. Скоро в путь.

Под мерцающей лампой

без сна пролежал я всю ночь,
Благовоний душистых
вдыхая густой аромат.
Темнота павильона
пугает в ночные часы,
И подвески на крышах
под ветром тихонько звенят...,
(«Убежище настоятеля Цзаня в монастыре Большое Облако»)

На ранней заре, когда настоятель открыл двери храма и ударил в большой бронзовый колокол, созывающий монахов на службу, Ду Фу покинул монастырь. Через западные ворота (Ворота Золотого Сияния) он выбрался, из Чанъани. Теперь ему предстояла долгая дорога в ставку нового императора. Долгая, трудная и на редкость опасная. Как раз в это время мятежники стягивали крупные силы к столице, и поэт мог в любую минуту натолкнуться на вражеские разъезды. Ду Фу приходилось избегать почтовых трактов, пробираясь лесистыми склонами гор и звериными тропами. Ночевал он в глухих оврагах, слыша вой голодных волков, да и сам был голоден как волк: за день удавалось найти лишь несколько лесных кореньев и сорвать пучок съедобных трав. Ду Фу чувствовал себя в эти дни «временно живущим» и, просыпаясь утром, не знал, суждено ли остаться в живых вечером. Случись ему погибнуть, и некому было бы даже сообщить семье о его смерти и предать погребению тело. Он даже представлял себе, как его труп, брошенный в канаву, мятежники забросали бы истлевшими листьями и его душа стонала бы по ночам вместе с душами тех, над кем не свершился погребальный обряд. Стоило вообразить такое, и Ду Фу находил в себе силы, чтобы идти вперед, а заслышав вдалеке топот коней, с ловкостью дикого зверя припадал к земле.

Наконец - после долгих мытарств и мучений - поэт достиг ставки императора и, не меняя изорванной в клочья одежды, предстал перед Суцзуном. Император с удивлением оглядел чиновника, переодетого простолюдином, и выслушал его рассказ. В рассказе Ду Фу Суцзуна особенно заинтересовали подробности, связанные с обстановкой в Чанъани: ставка императора планировала наступление на столицу, и наблюдательность перебежчика могла сослужить здесь хорошую службу. Ду Фу постарался точно и кратко описать все то, что видел и слышал на улицах города: караваны верблюдов с награбленной добычей, сожженные дома и дворцы, вооруженные всадники на

перекрестках и дозорные на городских стенах. Благосклонно выслушав поэта, император едва заметным кивком головы поблагодарил его и сделал знак удалиться. Через некоторое время Ду Фу получил назначение на должность специального советника, в чьи обязанности входило давать рекомендации самому Сыну Неба. Специальный советник даже обладал правом критиковать действия императора, и его статус допускал свободное высказывание своего мнения. Легко себе представить, как обрадовался Ду Фу такой должности, - ведь он мечтал о ней всю жизнь. Быть советником мудрого и просвещенного государя - наивысший идеал для человека конфуцианского воспитания, и вот теперь - после стольких поражений и неудач! - этот идеал осуществился. Суц-зун - мудрый и просвещенный правитель, а Ду Фу - его честный и преданный слуга.

Именно такими рисовал поэт свои будущие отношения с императором, совершенно позабыв о том, что придворная жизнь имеет не только писаные, но и неписаные законы и император никогда не потерпит чужих советов, противоречащих его собственным намереньям. Летом 757 года произошел случай, подтвердивший эту простую истину. Суцзун отстранил от должности одного сановника, к которому давно уже питал антипатию. Ду Фу - как специальный советник - вступился за него и подал доклад на высочайшее имя, в котором осмелился возразить императору, что повод для отставки слишком незначителен (сановника обвинили в том, что он часто слушал игру лютниста, замешанного в денежных авантюрах). Прочитав доклад, Суцзун пришел в ярость: каков наглец, осмелившийся давать ему непрошеные советы! Если он настолько дерзок, чтобы перечить самому императору, то не стоят ли за его спиной влиятельные заговорщики, замышляющие дворцовый переворот? В такое смутное время, как это, измены можно ждать отовсюду, и Суцзун велел немедленно арестовать Ду Фу и назначил специальную комиссию для допроса. Поэта под усиленным конвоем отправили в тюрьму. Достаточно было нескольких случайных улик, чтобы он оказался на лобном месте.

Но ему повезло: после долгого и тщательного разбирательства комиссия установила, что единственная вина Ду Фу заключалась в слишком ревностном и честном выполнении служебного долга. Этот наивный и впрямь возомнил себя советником императора и там, где другие благоразумно помалкивают, стал во весь голос взывать к справедливости. Обо всем этом было доложено императору, и тот великодушно простил неудачливого советника. Ду Фу освободили из-под стражи, и он в специальном послании поблагодарил императора

и признал свои ошибки, хотя и не преминул вскользь отозваться - и весьма одобрительно - о своем подзащитном. Горький опыт борьбы за справедливость так ничему не научил Ду Фу, и, едва оправившись после тюрьмы, он снова взялся за составление крамольных докладов. Наряду с докладами он писал и стихи - не менее крамольные и рискованные. В одном из стихотворений он недвусмысленно намекнул на тайные интриги двух придворных особ-любимой супруги императора и могущественного евнуха, сравнив их с Жабой и зайцем, живущими на луне и мешающими ей посылать свет на землю:

На вершине небес
наступают осенние дни,
И сиянье луны
озаряет жилища людей.
Только Жаба не тонет,
в речной отражаясь воде,
И склоняется Заяц
над ступкой волшебной своей.
Оттого-то меня
нестерпимая мучает боль,
Оттого на висках
поседевшие пряди блестят.
Ты же знаешь, луна,
что наполнена смертью земля, -
Так не надо светить
на палатки усталых солдат.
(«Луна»)

В это же время Ду Фу получил наконец письмо из дома. Он долго не мог распечатать конверт, такое его охватило волнение при виде аккуратных маленьких иероглифов, старательно выведенных рукою жены. Казалось, что бумага сохранила родные запахи домашних стен, привычных и любимых вещей, дорогих сердцу книг в твердых картонных футлярах, детских игрушек и маленьких пухлых ладоней, которыми так приятно гладить себя но щекам, чувствуя неизъяснимую радость от соприкосновения с родной плотью. Из письма он узнал, что у него родился еще один сын, получивший смешное прозвище Медвежонок. Жеребенок и Медвежонок - двое сорванцов и шалопаев - каково управляться с ними! Правда, жена пишет, что их старший относится к младшему с удивительной теплотой и любовью, помогает ухаживать и следит, чтобы злые мухи и оводы не покусали малыша. Жеребенок понимает, что братья - это ветки одного

дерева и им самим Небом назначено заботиться друг о друге. Жаль, что он, Ду Фу, оторван сейчас от семьи и не в силах поддержать и ободрить своих домочадцев. Ах, как хочется скорее домой! Хотя бы ненадолго! На несколько дней! Взять на руки Медвежонка, покормить из собственных рук, уложить в кроватку и укрыть одеяльцем - это ли не счастье для отца! А потом можно будет снова возвратиться к служебным делам, аудиенциям и докладам.

Охваченный тоской по дому, Ду Фу подал императору прошение об отпуске. К его удивлению, Суцзун весьма охотно разрешил ему покинуть двор: видимо, он давно искал предлог отослать подальше строптивого советника. Ду Фу хотелось немедленно отправиться в дорогу, но, к несчастью, его задержали дожди, лившие несколько недель. Как когда-то в Чанъани, он с грустью смотрел на низкие серые тучи и нескончаемые потоки дождя, буравившие желтую глину. Наконец пасмурные облака рассеялись, и забрезжил солнечный свет. Теперь - в дорогу. Соседи, с которыми он успел подружиться, устроили поэту сердечные проводы. Ду Фу сочинил прощальный экспромт, прочел его вслух перед соседями и двинулся в долгий путь. Пешком. С узелком за плечами и посохом в руке, как древние поэты, не жалевшие своих ступней, если нужно было повидать друга или близкого человека.

Я к полям и садам
возвращаюсь на краткие дни, -
В эту грозную пору
мне жалко покинуть друзей.
Ухожу далеко,
оставляя им эти стихи,
И тоска меня жжет -
не поможет вино - все сильней.
В эту горькую осень
ненастные сыплют дожди,
Но сегодня как будто
рассеялись тучи вокруг.
Я на горной дороге
услышу солдатский рожок,
Разве выдержит сердце
унылый пронзительный звук!

(«На прощальном пиру оставляю эти стихи для секретаря Цзя и канцлера Япя, а также для чиновников секретариата и канцелярии. Мы все пишем на рифму «вэнъ»)

Ду Фу не ошибся: унылые звуки солдатских рожков преследовали его на горных тропах, напоминая о том, что война еще не кончилась и опасность подстерегает на каждом шагу. Эта скорбная песнь войны вызывала в нем большую грусть, чем осенний плач обезьян над затихшей вечерней водой, который так любили описывать поэты. Дым солдатских костров стлался по сухой траве, и издалека слышалось жалобное ржание коней. Война... вот уже два года не стихает война, и конца ей не видно... В середине пути Ду Фу удалось все-таки раздобыть лошадь - ему помог в этом некий генерал Ли, которому поэт подарил на прощание стихотворение (стихи в эту пору рождались в нем с удивительной легкостью, и он мог писать их по любому поводу, словно подчиняясь тому «внезапному озарению», которого подолгу ждали буддийские монахи, сидя над дымящейся чашей крепкого чая). Если древние говорили, что сидеть лучше, чем стоять, то Ду Фу теперь сказал бы, что ехать верхом гораздо лучше, чем идти по каменистым дорогам. Конь ему достался добрый, и поэт быстро домчался до знаменитого Дворца Нефритового Цветка, построенного более ста лет назад императором Тайцзуном, а ныне почти разрушенного и заросшего сорной травой. Блуждая среди мрачных дворцовых развалин, Ду Фу испытал внезапное чувство тоски, отрешенности и оторванности от всего мира:

Как грустно мне сидеть
среди осенних трав
И напевать стихи,
и слезы лить в рукав.
Наш бесконечный путь
уходит в никуда, -
Что за нужда считать
нам сроки и года!
(«Дворец Нефритового Цветка»)

Ему захотелось как можно скорее домой, и всю оставшуюся дорогу он почти не останавливался. И вот наконец деревушка Цянцунь, где живет его семья. Ду Фу, конечно, не ждут и даже не надеются, что он вернется. Тем радостнее его приход и счастливее встреча;

Закат
В своем сиянье золотом

Поток лучей
Бросает на равнину.

Когда я гостем
Возвращаюсь в дом,

Меня встречает
Гомон воробьиный.

И домочадцы
Так изумлены,

Что я для них
Как бы окутан дымом:

Из бурь
Гражданской смуты и войны

Случайно я
Вернулся невредимым.

Соседи за стеной,
Сойдясь в кружок,

Не устают
Судачить и толпиться.

Густеет мрак.
Но я свечу зажег,

Чтобы всю ночь
Родные видеть лица.
(«Деревня Цянцунъ», стихотворение первое)

Родные лица его близких все те же (каждая черточка так хорошо знакома), только время, нищета и невзгоды оставили на них свой отпечаток. На стареньком халате жены - сто заплаток, и кажется, он вот-вот распадется на мелкие лоскутки. Ее веки припухли от слез и бессонных ночей, а руки загрубели от тяжелой работы. Бедная женщина, как страшно она закричала, когда Ду Фу появился в дверях, и с каким отчаянием бросилась к нему, словно стараясь убедиться, что его возвращение не призрак, не

сон, не мираж! С такими же отчаянными воплями окружили Ду Фу и дети, цепко хватая его за одежду и словно боясь, что он вновь уйдет надолго. Ду Фу с горечью заметил, как неестественно бледен (белее снега) его старший сын - Жеребенок. Да и вправду подумать, какой уж там румянец, когда в доме нечего есть, а в холодную пору не выйдешь на улицу, потому что нет теплой одежды. Вот и мелькают у Жеребенка босые грязные пятки, когда он бегает по полу: чулки и обувь не купишь на скудные гроши. У девочек (вторая дочь Ду Фу родилась несколько лет назад) одежда не лучше - коротенькие рубашонки едва прикрывают колени. Но это вовсе не печалит дочурок, они пока не задумываются о собственной бедности. С каким любопытством они набросились на коробки с косметикой, которые Ду Фу привез в подарок жене: тотчас же принялись их разглядывать, вертеть в руках и даже нюхать. Подражая матери, они сделали себе смешные прически, нарумянили щеки и - вкривь и вкось - подкрасили брови. Затем вместе со старшим братом окружили отца и, дергая его за бороду, стали приставать с самыми разными вопросами. Ду Фу пришлось рассказать обо всех своих приключениях - о том, как его схватили мятежники и, навьючив на спину тюки с поклажей, погнали в Чанъань, как он бежал из плена и с какими трудностями пробирался в стан нового императора.

Когда у детишек начали слипаться глаза, их уложили спать, а Ду Фу с женой еще долго разговаривали у мерцающей свечи. Успокаивая жену, он говорил, что война скоро кончится. Непременно кончится. Император призвал на помощь войска уйгуров, обещавшие разгромить мятежников. Уйгуры - сильные воины. Их кони мчатся быстрее ветра, а мечи сверкают на солнце, словно горный лед. Конечно, они сумеют справиться с бандитами, и в стране снова воцарятся мир и спокойствие... На следующее утро, едва поднявшись с постели и выйдя во двор, Ду Фу услышал почтительный стук в ворота: соседи явились его проведать и по обычаю принесли с собой вино и угощение:

Пять почтенных стариков
Пришли,

Пожелали
Странника проведать.

Чайники с собою
Принесли -

Просят
Их изделие отведать.

Извиняются
За вкус вина -

Некому теперь
Работать в поле.

Все еще
Не кончилась война -

И подарок
Скромен поневоле.

«Разрешите мне
Из слабых сил

Спеть в ответ
На то, что вы сказали».

Спел я песню,
Спел и загрустил.

Поглядел -
И все полны печали.
(«Деревня Цянцунь», стихотворение третье)

В домашних хлопотах и заботах, в разговорах с соседями быстро промелькнули первые дни возвращения, а вскоре деревушку Цянцунь облетела неожиданная весть.

ОСВОБОЖДЕНИЕ СТОЛИЦЫ

Ду Фу оказался прав, обещая жене, что войска уйгуров помогут императорской армии освободить Чанъань. 13 ноября 757 года в северо-западных окрестностях столицы состоялась решающая битва с мятежниками, в которой уйгурская конница нанесла сокрушительный удар по противнику, а пехота завершила его полный разгром. Ряды мятежных войск дрогнули, отступили и обратились в бегство. Это произошло днем, а ночью - под струящимся светом луны, серебрящим заиндевевшую черепицу, - захватчики покидали Чанъань, и город - сожженные

дворцы, вырубленные сады и парки, разграбленные дома и усадьбы - провожал их молчаливой ненавистью. Ровно через день гонцы вручили императору донесение о победе. Император Суцзун обратился с благодарственной молитвой к Небу и составил несколько указов, в которых поздравлял народ со счастливым событием и назначал дату возвращения императорского правительства в Чанъань. 4 декабря император в сопровождении своих блистательных маршалов и министров, придворных п слуг, дворцовой гвардии со знаменами и штандартами двинулся из своей временной ставки в столицу. 7 декабря двор сделал небольшую передышку в путевом дворце, расположенном на подступах к городу. Здесь императора застало новое известие: освобождена Восточная столица - Лоян. 8 декабря 757 года правительство Суцзуна с двойным триумфом вступило в Чанъань.

Ослепительно сиял зимний воздух, серебрились на солнце мириады морозных игл, и копыта коней выбивали четкую дробь по замерзшей дороге. Тысячи жителей города высыпали на улицы, чтобы приветствовать императора: люди толпились на обочинах, мальчишки сидели на деревьях и крышах, буддийские монахи махали руками с галерей высоких пагод. Радостные крики и возгласы разносились повсюду: «Десять тысяч лет жизни императору!» В этот праздничный день Ду Фу тоже был в Чанъани: едва услышав об освобождении столицы, он тотчас же собрался в путь. Конечно, ему было жаль снова покидать домашних, но мог ли он оставаться дома, когда в стране происходили такие события! Нет, он должен быть там, в Чанъани, и своими глазами увидеть улицы освобожденного города. Увидеть и описать в стихах так же, как он описывал когда-то захваченную врагами и разграбленную столицу. С женой они договорились, что через некоторое время он заберет ее и детей в Чанъань. А пока надо прощаться. На этот раз уже ненадолго...

Как давно я привык,
что белеет моя голова,
Одинок и заброшен
на дальних просторах земли.
Но услышал я вдруг:
высочайших указов слова
Из дворцовых палат
до моей деревушки дошли.
(«Три стихотворения на освобождение столицы»,
стихотворение первое)

Как советник императора, Ду Фу участвовал во всех торжественных церемониях, связанных с возвращением двора в столицу, и мог видеть собственными глазами волнующую сцену встречи двух императоров - прежнего и нынешнего. Суцзун еще из походной ставки в Фэнсяне отправил гонцов к отцу, сообщая ему об успешном исходе ноябрьской битвы и передавая приглашение переселиться в Чанъань, и вот теперь бывший хозяин Великого Лучезарного Дворца прибыл в Западную столицу. Едва завидев отца, Суцзун бросился с поклоном на землю, а затем сорвал с себя желтое императорское одеяние и надел пурпуровые одежды принца, как бы демонстрируя этим свое преклонение перед заслугами Сюаньцзуна и готовность в любую минуту уступить ему трон. Но Сюаньцзун не принял этой жертвы и, подняв сына с земли, по-отечески обнял его и поздравил с победой. Именно он, Суцзун, победил мятежников, и его заслуга не менее значима, чем воинские доблести Сюаньцзуна... Отец и сын отправились во дворец, и бывший император занял покои в одном из флигелей, где ему суждено было провести остаток дней. После праздничных торжеств, в которых участвовал весь город, последовала раздача наград и наказаний тем, кто по-разному проявил себя во время мятежа. Самым тяжелым преступлением считалось добровольное (или вынужденное) согласие служить мятежникам Ань Лушаня: виновных выводили на площадь перед дворцовым флигелем, снимали с них обувь и шапку (публичное обнажение головы для китайца - знак величайшего позора) и заставляли, склонив голову, каяться в своем преступлении. После этого их всех - на разные сроки - отправляли в тюрьму. Среди обвиненных в измене оказался и ученый Чжэн, с которым Ду Фу встречался перед побегом из Чанъани, но он сумел избежать серьезного наказания и отделался лишь ссылкой на юго-восточные окраины страны. Серьезная опасность нависла и над другим близким знакомым Ду Фу - знаменитым поэтом Ван Вэем, тоже попавшим в плен к Ань Лушаню. Ван Вэй отказался от переговоров с мятежниками, сославшись на то, что у него исчез голос, но по этой причине он уже не мог протестовать против номинального зачисления на должность. Именно это и было вменено ему в вину судебными властями. Ван Вэю грозила тюрьма, но, к счастью, за него вступился брат, занимавший высокое положение и сумевший убедить судей в невиновности поэта, приведя в доказательство его патриотические стихи, написанные в буддийском храме Лояна, куда его заточили мятежники. Ван Вэя освободили, назначили секретарем в ведомство наследного принца и оставили при дворе. По этому случаю Ду Фу преподнес старшему другу стихи:

Назвавшись больным,
государю Вы были верны,
Три года носили на сердце
глухую тоску.
В тяжелые дни
помогала поэзия вам, -
Прошу Вас, прочтите
хоть несколько строк старику.
(«Преподношу в подарок господину Ван Вэю»)

После праздничных шествий и церемоний, после судебных разбирательств и «гражданских казней» столица медленно успокаивалась и затихала. Ветер трепал обрывки гирлянд и бумажных лент, застрявшие в ветках деревьев, а на улицы уже высыпали разносчики овощей, фруктов и всякой снеди. Начиналась будничная городская жизнь, казавшаяся такой желанной и счастливой после стольких лет войн и неурядиц. Ду Фу тоже вернулся к своим обычным делам и преяэде всего перевез в столицу семью - жену и четверых ребятишек, а затем с энергией взялся за службу. Хотя должность советника рассматривалась во дворце как чисто церемониальная, Ду Фу все еще считал своим долгом давать советы императору. Иногда он оставался ночевать во дворцовом флигеле, чтобы рано утром, с самым восходом солнца, успеть занять место в зале для аудиенций. Вот стихи, сочиненные им в одну из таких бессонных ночей:

Цветы перед входом
скрывает вечерняя тень.
И с криками птицы
летят под зеленый навес.
Спускаются звезды,
и хлопают створки дверей,
И светит луна,
озаряя все девять небес.
Заснуть не могу.
Слышу, сторож ключами звенит,
И ветер доносит
подвесок нефритовых звук.
Мне поутру рано
с докладом идти во дворец.
«Настало ли утро?» -
тревожу вопросами слуг.
(«Провожу весеннюю ночь в левом крыле дворца»)

Утро наступало, и Ду Фу, одетый в чиновничий халат и высокую шапку, приколотую шпильками к седым волосам, вместе с толпой придворных спешил во дворец, чтобы в назначенный час предстать перед императорским троном.

ЧИНОВНИКИ ОБЛАСТИ ХУАЧЖОУ ВСТРЕЧАЮТ НОВОГО ИНСПЕКТОРА

Чиновники области Хуачжоу, которым было поручено встретить нового инспектора, присланного к ним из столицы, с нетерпением ждали вестей о его приезде. Как о всяком новом лице, об инспекторе, конечно же, много говорили в областной управе, перебирая имена его предков и родственников, перечисляя его собственные награды и заслуги. Оказывалось, что особых заслуг на чиновничьем поприще у нового инспектора не было, хотя в Чанъани он занимал должность советника императора, но вот на поприще литературы инспектор обладал неоспоримыми заслугами, недаром он приходился внуком известному поэту Ду Шэньяню, дружил со стихотворцами Ли Бо, Ван Вэем и Гао Ши. Имя нового инспектора - Ду Фу - благоговейно произносилось всюду, где звучало поэтическое слово, а его стихи распространялись в списках по всему Китаю. Почему же такой прославленный человек вдруг очутился в Хуачжоу, за сотни километров от столицы? В управе поговаривали, что новое назначение Ду Фу - это ссылка, совпавшая с высылкой из Чанъани крупных придворных чиновников. Император стал очень подозрительным последнее время, и этим сумели воспользоваться жабы и зайцы, окружившие трон. Они оклеветали многих честных людей, и неудивительно, что в их число попал и Ду Фу, чьи доклады давно уже вызывали недовольство императора.

И вот, снарядившись в путь, рассадив детей между тюками с поклажей, Ду Фу вместе с женой через Ворота Золотого Сияния (именно через эти ворота поэт бежал когда-то от мятежников Ань Лушаня) покинули город. Скрипели рассохшиеся колеса, детишки болтали ногами, сидя на дорожных тюках, а Ду Фу понуро шагал рядом с телегой. На душе у него было так горько, что он не мог ни улыбнуться, ни пошутить с детьми, сорвав придорожный лопух и накрывшись им, словно зонтиком, или сделав из него маску разбойника Чжи - одного из персонажей трактата «Чжуанцзы». Ду Фу хотелось молча проститься со столицей, со знакомыми улицами, перекрестками, храмами: он предчувствовал, что в

Чанъань ему уже не вернуться никогда... Ранней осенью 757 года семейство Ду прибыло в Хуачжоу. Местные чиновники встретили их с большим почетом, показали, где разместиться, помогли устроиться, а вскоре Ду Фу уже занимался делами, связанными с его новой должностью инспектора просвещения. В его обязанности входило следить за состоянием частных и государственных школ, экзаменовать чиновников, составлять доклады и отчеты, словом, вести мелкую будничную работу. Вокруг скопились вороха бумаг, мухи и слепни тучей носились в воздухе, стены управы раскалялись под полуденным солнцем. В стихотворении этого времени Ду Фу писал:

Седьмой, осенний месяц,
День шестой.

Страдаю я -
Жара и пыль везде.

Сижу
Перед расставленной едой,

Но не могу
Притронуться к еде.

Наступит ночь -
И ночи я не рад,

Коль скорпионы
Приползут ко мне.

Потом, попозже,
Мухи налетят,

И станет
Нестерпимее вдвойне.

Затиснутый
В чиновничий халат,

Хочу кричать
Неведомо куда:

«О почему
Служебные дела

Скопились ныне
Так, как никогда?..»
(«Ранней осенью страдаю от жары, а ворох дел непрерывно растет»)

Помимо скучных канцелярских дел, разбора многочисленных бумаг, инспекционных поездок, Ду Фу приходилось заниматься и другими, более серьезными, вещами. Как инспектор просвещения он должен был составлять для правителя области проекты ответственных донесений в столицу, и вот однажды правитель вызвал его, чтобы обсудить важный стратегический вопрос о том, как вести дальнейшую борьбу с мятежниками. После освобождения императорской армией Чанъани и Лояна отцеубийца Ань Цинсюй, стоявший во главе мятежников, бежал с остатками разбитых войск в город Ецзюнь, а его ближайший союзник генерал Ши Сымин прислал в столицу челобитную, в которой писал о своей готовности сложить оружие и сдаться на милость победителя. Император принял капитуляцию мятежного генерала, присвоил ему титул принца и назначил на ту же должность военного губернатора, которую некогда занимал Ань Лушань. Для императорской армии оставалась теперь главная задача - завершить разгром Ань Цинсюя. Но как ее осуществить? Немедленно двинуть войска в наступление или дождаться новой помощи от уйгуров, чей предводитель стал недавно зятем императора, женившись на его младшей дочери? Ду Фу считал, что наступление следует начинать немедленно, не дожидаясь, когда созреет осенний урожай и мятежники смогут пополнить запасы зерна. Кроме того, он предлагал и конкретный план боевых действий - нанести главный удар по двум провинциям, расположенным с востока и запада от города Ецзюня.

Правитель области Хуачжоу, разделявший мнение Ду Фу, поручил ему составить подробный доклад на высочайшее имя. Поэт взялся за эту работу с таким жаром, с каким сочинял лучшие из своих стихов. Ему казалось, что его советы - если они дойдут до императора - принесут большую пользу и помогут правительственной армии разгромить Ань Цинсюя. Письменное слово - вэнь - способно подчас сделать больше, чем льстивый шепот придворных стратегов. Вот почему Ду Фу, не жалея сил, правил каждую фразу в докладе, добиваясь возможного (и невозможного) литературного совершенства. Наконец доклад был завершен и отослан в столицу, но поэт все продолжал думать о предстоящей войне, о замыслах мятежников, и по ночам ему

снились планы боевых операций. Даже самый обычный перечень экзаменационных вопросов Ду Фу составлял так, словно собирался экзаменовать не будущих гражданских чиновников, а интендантов правительственной армии, которым предстояло прямо из экзаменационных залов отправиться на поля сражений. Как накормить армию, не увеличивая поборов с народа? Какие изменения внести в закон о мобилизации, чтобы пополнить войска новыми силами, не лишая рабочих рук деревню? Такие неожиданные вопросы задавал Ду Фу кандидатам, привыкшим лишь цитировать наизусть изречения Конфуция.

Между тем доставленный во дворец доклад был прочитан императором. Но Суцзун не последовал советам Ду Фу, понадеявшись на обещанную помощь уйгуров. Пока он ждал, урожай на крестьянских полях успел созреть и мятежники наполнили закрома зерном. Передышка, данная им Суцзуном, позволила накопить силы и оправиться после недавнего поражения. Только в самом конце октября объединенная правительственная армия под командованием девяти военных губернаторов двинулась в наступление на ставку Ань Цинсюя и к 14 декабря 758 года освободила две провинции к востоку и западу от Ецзюня (в этом пункте рекомендации Ду Фу и других дальновидных стратегов, предлагавших сходный план боевых действий, были выполнены). Сам Ань Цинсюй спрятался за укрепленными стенами города, не позволяя противнику приблизиться к рубежу атаки и подтащить 'стенобитные орудия: тучи стрел встречали смельчаков, рискнувших приподняться из-за укрытия. Императорская армия была вынуждена ждать, когда у мятежников кончится продовольствие. Таким образом, задачи наступления удалось выполнить лишь наполовину и военная опасность по-прежнему нависала над страной.

Легко себе представить, с какой внутренней горечью и разочарованием встретил Ду Фу известие об исходе декабрьских сражений. Его главного совета - не затягивать наступления - никто не послушался, и вот результат! Ду Фу понимал, что мятежники Ань Цинсюя принесут еще немало бед и несчастий, а кроме того, неизвестно, как поведет себя в дальнейшем генерал Ши Сымин, назначенный военным губернатором севера. Сохранит ли он преданность императору или, воспользовавшись случаем, снова переметнется к мятежникам? Одним словом, обстановка оставалась неясной и неопределенной, и Ду Фу решил отправиться в Лоян, чтобы все разузнать на месте. Главное, ему хотелось встретиться с влиятельными военными - может быть, с самим военачальником Го Цзыи, который приходился родственником правителю области Хуачжоу (оба носили

фамилию Го). Ду Фу надеялся через лоянских военных осуществить то, чего не удалось добиться, посылая доклад императору. Не прислушаются ли военачальники к его советам?..

Пронизывающий зимний ветер поднимал такие тучи пыли, что поэт подчас не видел собственных рук. Пыль мешала дышать, лезла в глаза, набивалась в складки одежды. Ду Фу совсем замерз, но, к счастью, повстречал по дороге Мои Юньцина, своего давнего друга, и они вместе завернули в знакомый дом. Хозяин дома - господин Лю Хао - встретил их радушно и участливо, велел зажечь лампы, накрыть на стол. «Будем всю ночь пировать и читать стихи, - сказал он. - Такие счастливые встречи случаются редко!» Ду Фу грел руки над жаровней и с наслаждением вдыхал запахи горячей пищи. В окна светила луна, и оконная бумага, пронизанная лунным светом, казалась похожей на шелк. «Да, да, - согласился Ду Фу, - будем всю ночь пировать». За столом они обещали друг другу не вспоминать о войне, о мятежниках, но веселье, словно костер в дождливую ночь, едва вспыхнув, сейчас же гасло. Несколько раз хозяин дома хотел взять в руки цитру, вынуть костяные застежки из футляров древних книг, принести расчерченную на клетки шашечную доску, но разговор невольно возвращался к запретной теме. Видно, нельзя не думать и не вспоминать о том, что стало горем для всей страны, и самое лучшее вино кажется горьким, когда люди вокруг мерзнут и голодают...

Через несколько дней поэт добрался до Лояна, города своего детства. Он, конечно, разыскал старый дом тетушки Пэй, где он учился писать большие иероглифы, а затем навестил родные места в Яныпи, где жили многие родственники. Радостное чувство охватило его при виде знакомых рощ и холмов, и сердце сильно забилось, когда колеса дорожной коляски так привычно загрохотали по бревенчатым настилам мостов. Мачеха давно умерла. Ду Фу надеялся встретить в Яныпи своих братьев, но никого из них не оказалось дома - всех разбросала война. В садах уже по-весеннему распускались цветы, птицы стаями носились в воздухе, но нигде над крышами не поднимался дымок - первый признак запустения и заброшенности. Обойдя несколько домов, Ду Фу постучался в ворота Ду Ина, своего любимого брата, о котором он особенно тосковал, и попросил слуг провести в его кабинет. Но и там ничего не напоминало о присутствии близкого человека - книги стояли убранные на полку, и в курильнице давно погасли угольки. По словам слуг, даже наложница Ду Ина, не выдержав одиночества, убежала отсюда, и только старая собака брата неотступно следовала за Ду Фу и, свесив голову, с печальным видом садилась у его ног...

Так и не повидав братьев, Ду Фу особенно обрадовался неожиданной встрече со своим добрым знакомым - господином Вэй Ба. Разыскивая по памяти его жилище, поэт не слишком надеялся застать хозяина, ведь со времени их разлуки миновало два десятка лет. Но, к счастью, оказалось, что господин Вэй Ба по-прежнему живет в Яньши - с женой и целым выводком ребятишек, с любопытством окруживших Ду Фу, едва он вошел в калитку.

С уважением
Меня встречая,

О дороге
Спрашивают длинной.

Но вопросы эти
Прерывая,

За вином
Ты посылаешь сына.

И велишь
Пырей нарезать свежий,

Рис варить,
С пшеном его мешая,

И за то,
Чтоб быть в разлуке реже,

Пьем,
За чаркой чарку осушая...
(«Посвящаю Вэй Ба, живущему на покое»)

На следующий день Ду Фу покинул Яньши и вернулся в Лоян, однако ему не суждено было остаться там надолго. Этому помешали политические события, развивавшиеся со стремительной быстротой. Когда правительственные войска окружили мятежников, укрывшихся за стенами Ецзюня, Ань Цинсюй обратился за помощью к своему бывшему союзнику генералу Ши Сымину. Взвесив все обстоятельства, Ши Сымин, стоявший во главе северных гарнизонов, решил снова предать императора и двинул войска на юг. К 1 февраля 759 года он отбил у императорских войск одну из занимаемых ими провинций. Военный губернатор Ли Гуанби предложил

немедленно атаковать неприятеля, но этому воспротивился влиятельный евнух Юй Чаоэнь. Между тем 7 апреля Ши Сымин сам атаковал императорскую армию и нанес ей сокрушительное поражение. Военачальник Го Цзыи отвел остатки своих отрядов, чтобы защитить Лоян, но в Лояне уже началась паника. Люди спешно покидали город, опасаясь повторения кровавой резни и жестоких погромов, устроенных мятежниками около трех лет назад при взятии Лояна Ань Лушанем.

Конечно же, и Ду Фу пришлось покинуть многострадальную Восточную столицу, переходившую из рук в руки, словно клеточка шашечной доски. Ду Фу не выполнил целей своей поездки - ему не удалось встретиться с военными высоких чинов и повлиять на ход боевых действий. Но зато на обратной дороге из Лояна в Хуачжоу он сочинил замечательные стихи, прославившие его имя гораздо больше, чем планы военных кампаний. Вот слова старого крестьянина, отправляющегося на борьбу с врагом, из стихотворения «Прощание старика»:

По всей стране -
В тревоге гарнизоны,

В огнях сигнальных -
Горные вершины.

А трупы свалены
В траве зеленой,

И кровь солдат
Окрасила долины.

Теперь не сыщешь
Радости в Китае, -

Так неужели ж
Уклонюсь от долга?

Убогую лачугу
Покидая,

В тоске и горе
Ухожу надолго.

Так же, как и в «Песне о боевых колесницах», авторский голос Ду Фу сливается с голосом простых людей, и мы прочитываем его

стихи не только как «поэтическую историю», но и как исповедь самого поэта, испытывающего ту же «тоску и горе», что и персонажи его стихов.

ВСТРЕЧА ДУ ФУ И ВАН ВЭЯ

Поистине период с 755 по 759 год был самым бурным в биографии Ду Фу: многие события этого периода напоминают сюжетную линию китайского приключенческого романа - поэт с семьей и маленькими детьми спасается от мятежников, попадает в плен, бежит из захваченной врагами столицы в ставку нового императора, получает придворную должность, возвращается в освобожденную Чанъань, чтобы затем отправиться в далекую ссылку. Но для истории китайской литературы наибольшее значение имели все же не эти - авантюрно-приключенческие - события, а события, внешне гораздо менее яркие и заметные. Среди стихотворений Ду Фу этих лет мы находим посвящение Ван Вэю, свидетельствующее о близком знакомстве двух поэтов и общности их судеб (оба, как мы помним, находились в плену у мятежников, Ду Фу - в Чанъани, а Ван Вэй - в Лояне). Мы уже рассказывали о взаимоотношениях Ду Фу и Ли Бо, теперь настал черед рассказать и о Ван Вэе, чтобы три величайших танских поэта как бы встали рядом не только в литературе, но и в жизни.

Человек разносторонне одаренный, Ван Вэй был и поэтом, и знатоком музыки (одно время он занимал должность чиновника по музыкальным делам), и художником, прославившимся своими портретами и зимними пейзажами, и теоретиком живописи. Родился он в чиновничьей семье, успешно сдал экзамены, получил ученую степень «продвинувшийся муж», а затем служил на высоких должностях. Однако служебная карьера не заглушила любви к искусству, которая пробудилась в Ван Вэе с самых ранних лет. Источники сообщают, что он начал сочинять еще в девятилетнем возрасте, а в 16 лет уже написал целую поэму под названием «Лоянская девушка». О том, с каким самозабвением учился Ван Вэй, свидетельствует эпизод из его биографии: однажды, штудируя классиков, он расхаживал по комнатам дома, в одной из которых стоял чан с уксусом, и, увлеченный чтением, не заметил, как свалился в этот чаи. Пришлось с ног до головы вымыться, сменить одежду и в дальнейшем, читая древних философов, смотреть не только в книгу, но и себе под ноги. Прилежание и усидчивость вовсе не делали Ван Вэя педантом, и по натуре своей он был человеком чувствительным, увлекающимся и бескорыстным. Ван Вэй преданно любил свою жену, которую потерял в тридцатилетнем возрасте и которой

сохранял верность всю жизнь. Он с почтительностью и любовью относился к матери и чувствовал искреннюю привязанность к брату. Когда однажды брат сочинил на заказ надгробную надпись, а плату по ошибке принесли Ван Вэю, Ван Взй показал в сторону его дома и произнес: «Великий писатель живет там».

Чиновничья служба обеспечивала Ван Вэю прочный заработок, позволявший содержать большой дом со слугами и служанками, поваром, садовником, сторожами и привратниками. Свободное от службы время Ван Вэй проводил так же, как герои свитка танского художника Сунь Вэя - «возвышенные затворники», любовавшиеся древней бронзой, причудливыми камнями, игравшие на цитре и читавшие нараспев стихи. В домашнем быту Ван Вэя отличала удивительная чистоплотность - у него убиралось более десяти человек, трудившихся с таким рвением, что им порою не хватало веников. Чисто убранные комнаты, надо полагать, связывались в представлении Ван Вэя с той «очищенностью» и «проясненностью» души, которых стремились достичь буддийские отшельники. Ван Вэй и сам не гнушался физического труда. По примеру древних поэтов он любил работать в саду и сажать орхидеи. На склоне лет он купил себе загородное поместье на реке Ванчуань, где все было устроено по его вкусу: огромный парк с прудами, речными заводями и озерами, лодочные пристани, беседки и павильоны. Поселившись в Ванчуаньском поместье, Ван Вэй стал вести уединенный образ жизни, встречаясь лишь со своим другом Пэй Ди. Об этом говорится в стихах Ван Вэя из цикла «Ванчуаньский сборник»:

Поросшая мхом тропинка
Скрыта среди акаций.

Без дела сижу. И только
Услышав калитки стук,

Спешу подмести тропинку -
Надобно постараться:

Наверно, идет отшельник,
Мой одинокий друг.
(«Тропинка среди акаций»)

Я гостя встречаю вновь,
Чтобы побыть вдвоем.

На маленьком челноке

Ко мне приплывает он.

Вот мы на террасе с ним
Беседуем за вином,

А лотосы расцвели -
Со всех четырех сторон.
(«Беседка у озера»)

Лотос, упоминаемый в стихотворении Ван Вэя, - один из распространенных буддийских символов: растущие в заболоченных местах, среди ила и тины, цветы лотоса сохраняют нежность и чистоту. Так же и человек, по буддийским понятиям, должен стремиться к чистоте помыслов, внутреннему совершенству. Поэзия Ван Вэя вобрала в себя многое из того, что составило сущность буддийского учения, и особенно чань-буддизма. Среди сочинений Ван Вэя мы находим эпитафию чаньскому наставнику Хуэйнэну, который сначала был простым дровосеком, выполнял тяжелую работу при монастыре, долго скитался, а затем стал шестым патриархом школы чань. Эпитафия говорит о глубоких познаниях Ван Вэя в области чань-буддизма, хотя он никогда не становился монахом и воспринимал буддизм скорее как «удалившийся от службы ученый», музыкант, поэт и художник. Так же, как и другие поэты-отшельники (например, Мэн Хаожань), Ван Вэй стремился поэтически выразить то состояние, которое в буддийских текстах именовалось «отсутствие «я». Природа в его стихах как бы живет собственной жизнью, человека же словно и нет: он лишь *видит* и *слышит* то, что происходит вокруг, калитка, отделяющая его от мира, навсегда заперта:

Уже водяные орехи
Созрели - держатся еле,

Ивовый пух летает,
Легкий и молодой.

Травы у тихой речки
Буйно зазеленели...

В глубокой тоске калитку
Запер я за собой.
(«Написал, вернувшись на реку Ванчуанъ»)

В отличие от Ван Вэя Ду Фу не затворял за собою отшельнической калитки, и его собственное «я» неустранимо из его поэзии. Ду Фу был человеком иного склада, иных жизненных устремлений, чем Ван Вэй, - возможно, поэтому мен? ними не возникало тесной дружбы. Кроме того, Ван Вэй был на одиннадцать лет старше Ду Фу и занимал гораздо более высокое положение на служебной лестнице: в Китае, стране регламентированных общественных отношений, такие различия значили очень много. Строгие нормы этикета устанавливали определенную дистанцию между «правым советником» Ван Вэем и Ду Фу, который лишь к середине жизни добился номинальной чиновничьей должности. Но Ду Фу, конечно же, чтил Ван Вэя как мастера стиха, учился у него великому искусству понимать природу, слышать ее сокровенный ритм. Поэтому замечательные строки Ван Вэя, адресованные Пэй Ди, вполне могли бы быть обращены и к Ду Фу. «Я жду весны: деревья, травы буйно в рост пойдут - не налюбуешься весенними горами; проворные ельцы заплещутся на отмелях, белые чайки расправят крылья; зеленые луга - сырые от росы, а на полях пшеничных по утрам - фазаний гомон. Уже все это близко - о, если б вы смогли со мною побродить! Не будь душа у вас такою тонкой, разве я стал бы вас зазывать к себе ради несрочных этих дел? Но все это так ваяшо! Прошу вас: не пренебрегайте. Человек с вязанкой уже уходит - я кончаю.

Писал горный житель Ван Вэй».

Глава шестая СОЛОМЕННАЯ ХИЖИНА

...смотрел на славу как на пыль, - на богатство и знатность как на тяжкую обузу, жил в соломенной хижине за плетеным забором.

Юань Хун,
Записки о династии
Поздняя Хань

ДУ ФУ БРОСАЕТ СЛУЖБУ

Добрая госпожа Ду, наконец дождавшаяся возвращения мужа из далекого Лояна, не заметила на его лице и следа того радостного настроения, с каким он обычно приезжал домой. Глаза Ду Фу не блестели счастливым огнем, он не улыбался, не брал на руки детей, не шутил со слугами и не трепал за загривок дворового пса. Поздоровавшись с женой, он устало опустился на стул, расстегнул ворот халата и потер ладонями колени. Госпожа Ду сразу принесла горячей воды, чтобы он смог согреть ноги, а сама села рядышком на циновку, не задавая никаких вопросов и не прерывая его молчания. Ду Фу неторопливо погрузил ноги в маленький тазик и от приятного чувства тепла, разлившегося по телу, на секунду закрыл глаза. Затем он снял с пояса кошелек, нож, огниво, мешочек с лекарственными травами и прочие дорожные принадлежности. «А вот подарков купить не успел», - виновато вздохнул он и стал рассказывать жене о новом наступлении мятежников и паническом бегстве жителей Лояна...

Госпожа Ду, конечно же, сразу поняла, почему муж не успел купить ей и детям обычных подарков, - ведь ему тоже пришлось спешно покинуть Лоян. С императорскими чиновниками мятежники беспощадны; стоит им узнать, что человек находится на службе, и ему угрожают гибель или позорный плен. Ду Фу уже не раз сталкивался с подобной угрозой, и ему не хотелось снова тащить на спине награбленное мятежниками добро и, спотыкаясь об острые камни, ждать удара или резкого окрика конвоира. Поэтому он и не стал задерживаться в Восточной столице, присоединившись к толпе беженцев. Картины опустевшего города с заколоченными лавками, погасшими огнями храмов, вымершими площадями и рынками глубоко отпечатались в

памяти, и Ду Фу словно бы слышал встревоженные голоса и крики людей, хриплое ржание загнанных лошадей. По дороге в Хуачжоу картины оставались такими же безотрадными. Чиновники повсюду забирали крестьян в солдаты (молодых парней в деревнях уже не было, поэтому брали стариков и детей), и голодные дети копались в придорожных канавах вместе с тощими бездомными собаками.

Постепенно в сознание Ду Фу закрадывалась мысль, что, в сущности, он - при всем его стремлении помогать народу - ничем не отличается от этих жестоких чиновников. На нем такое же платье, такая же высокая шапка, а главное - из всех его попыток принести пользу людям, участвовать в настоящем *деле* ничего не выходит. Доклад, посланный им на высочайшее имя, наверняка уже грызут мыши, хозяйничающие в дворцовых архивах, и поездка в Лоян кончилась вынужденным бегством из города. К советам Ду Фу никто не прислушивается, от него отмахиваются как от назойливой мухи. Так стоит ли, говоря словами великого Тао Юаньмнна, «за пять мер риса гнуть спину перед местными ничтожествами»?! Вот он, Ду Фу, вернулся в Хуачжоу, скоро здесь снова начнется одуряющая жара, и он будет с утра до вечера сидеть в областной управе, разбирая вороха глупых, скучных и ненужных бумаг. Он, поэт, способный создавать строки, словно бы выточенные из прекрасного белого нефрита! Какая нелепость! Неужели эту жалкую участь назначило ему само Небо?! Нет, скорее он сам выбрал ее по собственному слабоволию и нерешительности. Так стоит ли и дальше идти по ложному пути, не пора ли наконец сделать правильный выбор?!

Эти вопросы тревожили Ду Фу в течение жаркого и засушливого лета 759 года, пока он все еще находился на посту инспектора. Решение покинуть службу давалось с трудом - ведь у него большая семья, дети, которых надо кормить. В самом начале осени он писал:

Всю жизнь я стремился
Уйти в одиночество, в горы

И вот уже стар -
А свое не исполнил желанье.

Давно бы я бросил
Служебные дрязги и ссоры,

Да бедность мешает мне
Жить в добровольном изгнанье.

(«Первый день осени»)

Там, где засуха, там и голод. Из-за осеннего неурожая 759 года многие крестьянские семьи остались без риса, и в семье Ду Фу - хотя как чиновник он должен был регулярно получать свои «пять мер» - тоже не хватало еды. Поэтому (нет худа без добра) Ду Фу с женой решили покинуть Хуачжоу н перебраться в пограничный городок Циньчжоу, куда их давно уже звали друзья. Ду Фу подал правителю области прошение о бессрочном отпуске, сославшись на болезни, и в конце августа семейство Ду двинулось в путь. После душного воздуха областной управы поэт радовался и удивлялся всему, что встречалось им по дороге, - величественным горным вершинам, таинственным голосам ночных птиц, блеску росы под луной:

Умолк
Вечерних барабанов бой -

Уже я слышу
Голос дикой птицы,

Уже роса,
Как в стороне родной,

Под светлою луною
Серебрится...
(«Лунной ночью вспоминаю своих братьев»)

В Циньчжоу их встретили троюродный брат поэта Ду Цзо, который по возрасту скорее годился ему в племянники, и настоятель монастыря Большое Облако, некогда помогший Ду Фу бежать из Чанъани. Все они перебрались в эти края, спасаясь от нового наступления мятежников. Ду Цзо, к примеру, пришлось покинуть свою усадьбу в предместьях Лояна и построить небольшой домик в здешней деревеньке, среди прекрасных «гор и вод», где Ду Фу стал часто бывать, намереваясь одно время поселиться поблизости. Он очень любил брата и его семью, охотно проводя у них долгие осенние вечера. В доме Ду Цзо его радушно принимали и относились к нему с большим почтением, хотя сам он в шутку называл себя ленивым и старым дядюшкой Ду Фу, который лишь отвлекает своего «племянника» от важных дел. Вот два стихотворения, подаренных Ду Цзо осенью 759 года и рассказывающих об их встречах в Циньчжоу:

Темнеет в горах.
Собираются тучи вокруг.
Боюсь, что мой брат
не отыщет дорогу домой.
Сейчас он идет
берегами замерзшей реки,
И птицы над ним
в темноте замирают лесной.
Спешит он скорей возвратиться
в свой маленький дом:
Давно его ждет
под деревьями сада жена,
Вздыхая о муже.
которого дядюшка Ду,
Лентяй и бездельник,
опять задержал допоздна.

* * *

Ты желтого проса
хороший собрал урожай,
Запасом зерна
обещав поделиться со мной.
И вот эти зерна
искусный прошли обмолот, -
Давно же я, право,
не пробовал пищи такой!
По мне так душистей:
цветов золотых хризантем
Отборное просо,
что с мальвою рядом растет.
Ты знаешь, как любит их дядюшка
вместе смешать:
Едва лишь представлю,
и влажным становится рот.
(«Посылаю три стихотворения Ду Цзо после его возвращения в горы»)

Столь же охотно навещал Ду Фу и настоятеля Цзаня в его ветхом жилище, открытом холодным осенним ветрам. Они беседовали ночи напролет, вспоминая прошлое, и Ду Фу старался

утешить доброго настоятеля, занесенного судьбою в эти края:

Как же вы оказались
в заброшенных этих краях,
Где осенние ветры
тоску нагоняют и страх.
Под дождем увядают
кусты хризантем во дворе,
Опадают под инеем
лотосы в старых прудах.
Только вы остаетесь
по-прежнему духом крепки,
Понимая, что все в этом мире -
лишь пепел и прах.
Вот мы встретились снова,
беседуем ночь напролет,
И сияет для нас
золотая луна на холмах.
(«Ночую в доме почтенного Цзаня»)

Однажды отшельник, живший неподалеку, прислал в подарок Ду Фу корзину свежего лука, - поэт и на это событие отозвался стихами:

За дощатым забором,
где добрый отшельник живет,
Овощами на грядках
всю осень богат огород.
Свежим луком зеленым
(не высохла даже роса)
Он наполнил большую корзину -
подарок мне шлет.
Я сравню этот пук
с разнотравьем зеленых полей,
А головки хрустящие -
яшмы отборной белей.
Стариковское дело -
от хвори жестокой страдать,
Но наваришь горячего супа, -
и жить веселей.
(«Тридцать связок лука, присланные осенним днем от отшельника Жуань Фана»)

Хотя Ду Фу и жаловался на старость, болезни и немощи (он и в самом деле страдал лихорадкой - следствием перенесенной малярии), стихи писались удивительно легко. Он словно и не задумывался, какой иероглиф выбрать для начала строки, а какой поставить в конец, чтобы строка рифмовалась с другими строками и не нарушала строгого тонального рисунка стихотворения - все это получалось само собой, без заметных усилий, и Ду Фу едва успевал заносить на бумагу рождавшиеся строфы. Раньше он работал над стихами гораздо медленнее - быть может, виною тому была чиновничья служба, отвлекавшая от литературных занятий. Теперь же за месяц он мог сочинить более двадцати стихотворений на самые разные темы (недаром он давал своим циклам название - «стихи о самом разном»). Наступало то счастливое для каждого поэта время, когда стихами становилось все, что он «видел и слышал». Стоило донестись до него отдаленному стуку деревянного валька, которым женщины отбивают белье на камнях, и воображение тотчас подсказывало строки о том, что «осень проходит, и скоро зима будет злиться», а солдаты никак не вернутся с полей сражений; их жены готовы выстирать вороха одежды, но разве пошлешь их за тысячи верст туда, где мужья несут тяжелую службу («Стирка»)! Стоило услышать пение сверчка среди осенней травы, и стихи словно вторили его песне: так неприметен и мал сверчок, но его голос трогает сердца людей, и, как будто зная об этом, он вечерами проникает в дома, чтобы своей песней радовать человека («Сверчок»).

А однажды ночью Ду Фу приснился его старый друг Ли Бо, от которого он давно не получал вестей. Ду Фу знал, что около двух лет назад, в самый разгар мятежа Ань Лушаня, Ли Бо был вовлечен в заговор принца Линя, члена императорской фамилии, вознамерившегося воспользоваться неусточивой обстановкой в стране, чтобы самому захватить власть. После разгрома армии принца Ли Бо арестовали и посадили в тюрьму. Ему грозила та же опасность, что и Ван Взю, обвиненному в государственной измене и лишь чудом избежавшему сурового наказания. Поэтому Ду Фу так сильно встревожила судьба старшего друга:

Закадычный мой друг,
Ты мне трижды являлся во сне,

Значит, ты еще жив,
Значит, думаешь ты обо мне.

Ну а что если это

Покойного *друга душа*

Прилетела сюда -
В темноту моего шалаша?..

Прилетела она
Из болотистых южных равнин,

Улетит - и опять
Я останусь во мраке один.

Ты - в сетях птицелова,
Где выхода, в сущности, нет,

Где могучие крылья
Не в силах расправить поэт.

Месяц тихим сияньем
Мое заливает крыльцо,

А мне кажется - это
Ли Бо осветилось лицо...
(«Вижу во сне Ли Бо»)

По случайному стечению обстоятельств в разгроме армии принца участвовал храбрый рыцарь Гао Ши. Знал ли он о том, что в стане мятежников находится его друг? Даже если и знал, то вряд ли мог помочь ему: по служебному положению Гао Ши чаще приходилось выполнять приказы, чем отдавать их. Так сложилась судьба трех поэтов, некогда путешествовавших вместе, собиравших в горах лечебные травы и читавших друг другу стихи у ночного костра.

ОТ ЦИНЬЧЖОУ ДО ЧЭНДУ: ПУТЕВАЯ АНТОЛОГИЯ

Ду Фу оставался в Циньчжоу всего полтора месяца, хотя вначале рассчитывал обосноваться там надолго.

Но он был вынужден отказаться от своих намерений: жизнь в Циньчжоу стоила недешево, да и природа этого края вскоре стала казаться унылой и однообразной. Кроме того, Ду Фу приходилось делать слишком много визитов, живя в провинциальном городке, где каждому хотелось принять у себя автора «Стихов в пятьсот слов...» и «Песни о красавицах». Он уставал от роли знаменитого

поэта, в честь которого устраивают обеды и загородные прогулки; ему хотелось одиночества и тихой, сосредоточенной работы. Поэтому в ноябре 759 года семейство Ду снова собралось в дорогу. Прощаясь с Циньчжоу, Ду Фу написал длинное стихотворение, в котором ему удалось высказать многое из того, что он думал и чувствовал в это время:

Дряхлею с годами,
ленивый и глупый старик, -
О завтрашних нуждах
задуматься мне недосуг.
Захочется есть -
расспрошу о богатых краях;
Замерзнув, подумаю:
вот бы уехать на юг!
Сейчас в Ханьюане,
хотя наступает зима,
Похожа на осень
прохлада ноябрьских дней.
Деревья и травы
не начали даже желтеть,
А горы и реки
манят красотою своей.
В Каштановом городе
тоже неплохо живут:
Поля и луга
обступают высокий хребет,
Крестьяне готовят на ужин
дешевый батат,
И дикого меда
нетрудно найти на обед.
(«Покидая Цинъчжоу»)

Итак, поэт обозначил маршрут своего путешествия: из Циньчжоу на юго-запад до района Ханьюань, а оттуда - в Каштановый город, расположенный в живописном уезде Тунгу. Ду Фу надеялся, что там ему будет легче прокормиться с семьей, но вскоре он разочаровался и в этих своих надеждах. Каштановый город оказался вовсе не так гостеприимен, как он рассчитывал, и поэту пришлось обивать пороги в поисках случайного заработка. А тут на беду заболел еще его старый конь, верно служивший ему многие годы:

Я седлал тебя часто

На многих просторах земли,

Помнишь зимнюю пору
У северных дальних застав?

Ты, состарившись в странствиях,
Отдал все силы свои

И на старости лет
Заболел, от работы устав.

Ты, по сути, ничем
Не отличен от прочих коней,

Ты послушным и верным
Остался до этого дня.

Тварь - как принято думать
Среди бессердечных людей, -

Ты болезнью своей
Глубоко огорчаешь меня.
(«Больной конь»)

С такой же грустью смотрел он на диких гусей, как бы сравнивая себя - скитальца - с перелетными птицами и остро чувствуя свое одиночество в эти ненастные II ветреные зимние дни (зима в Каштановом городе оказалась вовсе не такой теплой, как рисовалось в воображении):

Дикого гуся
Несет из Монголии ветер,

С севера дуя,
Он мелкую гальку несет.

Звонко свистит -
И в лесу содрогаются ветви,

Пышные травы
К земле в три погибели гнет.

Семьи в богатых домах
Собираются вместе -

Флейты звучат там,
Тепло, и веселье, и свет.

Там не узнают
О путнике в южном предместье -

Он до сих пор еще
В летнее платье одет.
(Из цикла «Пять стихотворений, в которых выражаю свои чувства»)

Одетый в летнее платье, Ду Фу раскапывал лопатой снег, надеясь найти хотя бы немного неубранного батата, чтобы накормить семью (дикий мед и дешевый батат, о которых он писал, остались лишь поэтическими образами) :

Длинная лопата!
Длинная лопата с ручкой деревянной,
Стала ты отныне
для меня единственной надеждой.
Желтого батата
не найти под горным толстым снегом,
Не спасут от ветра
старые заплаты, тощие одежды.
Вот бреду устало
со своей лопатой и пустой котомкой,
Плачут мои дети
в утлой комнатенке за глухой стеною.
До чего тоскливо!
Я вторую песню допою лихую, -
Пусть в домах напротив
слушают соседи и грустят со мною.
(Из цикла «В 759 году поселившись в уезде Тунгу, сочинил семь песен»)

Вспоминая братьев, Ду Фу думал о том, что если ему придется умереть в этих краях, то никто из них даже не найдет его могилы:

У меня есть братья,
у меня есть братья в стороне далекой.
Кто из них троих

прежних сил своих сохранил немного?
Суждено всю жизнь
расставаться нам - не дождаться встречи,
И степная пыль
поднялась вокруг - не видна дорога.
На восток летят
гуси чередой, журавли - за ними,
Как бы я хотел
унестись им вслед и до вас добраться!
Эту третью песнь
трижды пропою. До чего тоскливо!
Если здесь умру,
то моих костей не найти вам, братцы.
(Из цикла «В 759 году поселившись в уезде Тунгу, сочинил семь песен»)

24 декабря 759 года семейство Ду покинуло уезд Тунгу. Зимний ветер нес горькую пыль, срывая холстину, покрывавшую уложенные на телегу вещи, трепал гривы коней, и Ду Фу, шагавший навстречу ветру, нагибался вперед и придерживал на голове шапку. В такую погоду лучше всего оставаться дома, кутаться в верблюжье одеяло и греть руки над теплой жаровней, но ему ли, нищему поэту, спокойно жить на одном месте, если даже мудрецы древности «никогда не сидели на циновке так долго, чтобы ее согреть». За этот год Ду Фу пришлось уже совершить три трудных путешествия: из Лояна в Хуачжоу, из Хуачжоу - Циньчжоу, из Циньчжоу - в Тунгу. И вот теперь - четвертое, может быть самое трудное, потому что им предстоит взбираться по шатким бревенчатым настилам горных дорог, ночевать на отвесных скалах и греться у костра...

В последние дни декабря самое трудное путешествие этого года благополучно закончилось - Ду Фу со своим семейством наконец добрался до Чэнду, Южной столицы империи. Их встретили шумные перекрестки, крики уличных торговцев, суета и оживление, столь заметно отличавшие быт южан от чинной благопристойности северных городов. Богатые особняки южной знати не уступали усадьбам чанъаньских вельмож. Музыка и пение слышались всюду, но Ду Фу и здесь чувствовал себя путником, заброшенным в чужие края, и с тоской вспоминал родной север:

Солнце вечернее,
спрятавшись в вязах и тутах,
Греет усталого путника

старое платье.
Много чудесного
встретив на горных дорогах,
Вдруг у небесной черты
оказался опять я.
Всюду встречаются
лица людей незнакомых,
Срок возвращенья домой
никогда не настанет.
Воды великого Цзяна
стремятся к востоку, -
Так же томительно
тянутся годы скитаний.
В городе славном
есть много усадеб цветущих,
Даже зимой
дерева в них покрыты листвою.
Всюду разносится
имя чудесного града:
Флейты поют
и свирели звучат надо мною.
Дивно звучат,
но внимает им путник с печалью,
В сторону глядя
на быструю воду речную.
Птицы летят -
возвращаются в старые гнезда,
Я ж никогда не увижу
сторонку родную.
Вот и луна
на небо вышла ночное,
Звезды вокруг
замерцали трепещущим светом.
С давних времен
люди привыкли к скитаньям, -
Стоит ли мне
думать с тоскою об этом?
(«Город Чэнду»)

Ду Фу утешал себя тем, что и в древности людям приходилось скитаться вдали от родных мест: недаром в стихах Цао Чжи так часто встречается образ перекати-поля, а Се Линъюнь сравнивает себя с птицей, тоскующей о родных лесах.

Вот и Ду Фу написал о птицах, возвращающихся в старые гнезда - туда, куда ему уже не вернуться. «Сторонка родная» осталась далеко позади, и Ду Фу предстоит устраиваться здесь, на чужбине - в славном городе Чэнду.

ДУ ФУ СТРОИТ СОЛОМЕННУЮ ХИЖИНУ

Крестьяне из южных предместий Чэнду, отвозившие на рынки города свежую зелень, каждое утро видели, как на берегу Реки Ста Цветов, за небольшим деревянным мостом, поднимается остов нового дома. Сначала на огороженном месте появились бамбуковые колонны-столбы, затем на них легли поперечные и продольные балки, а на балки - соломенная крыша. Затем плотники вставили в окна просторные рамы, оклеенные оконной бумагой, навесили двустворчатые двери, и вскоре новый дом был готов, а вместе с ним и дворик, обнесенный забором, боковые флигели, кухня, словом, все то, что необходимо для устроенной жизни. Крестьяне из южных предместий знали, что дом принадлежал господину Ду Фу, приехавшему сюда с семьею из дальних мест и - на время постройки будущего жилища - поселившегося в соседнем буддийском Монастыре Соломенной Хижины, где ему отвели несколько пустовавших келий. По утрам господин Ду приходил посмотреть, как работают плотники, и всякий раз радовался тому, что его дом поднимался на глазах, как тесто в кадушке, замешенное сноровистой хозяйкой. Иногда он сам брал в руки топор или помогал обмазывать глиной и белить бамбуковые столбы-колонны. Работал господин Ду умело - не скажешь, что кабинетный ученый, хотя он привез с собой книг гораздо больше, чем домашнего скарба. Видно, нужда заставила овладеть разными ремеслами, да и хотелось поскорее вселиться в готовый дом.

Дом с соломенной крышей стоял на северном берегу реки, примыкая к маленькому - всего четыре-пять дворов - селеньицу. Сады, огороды, капустные грядки, и никакой суеты и шума городских улиц, хотя Южная столица совсем рядом, в пяти километрах. Если приглядеться, видны башни городских стен и крыши буддийских пагод. Конечно, для образованного человека, склонного к ученым занятиям, место самое подходящее - лучше и не найти. Выйдешь весенним утром в поле, запрокинешь голову, глядя, как чертят воздух ласточки и стрижи, как сияет прозрачное голубое небо и сверкает под солнцем вода в поливных канавах, которые мелкой сеткой покрывают квадратики рисовых посадок, - до чего хорошо! Вот только бы были друзья, не забывающие навестить бедного ученого в его сельском уединении и послушать

недавно законченные стихи! А друзья у господина Ду есть, и немало. Иначе он не собрал бы денег на постройку своей соломенной хижины и не продержался бы в этих краях с такой большой семьей. Добрые и заботливые друзья - они приносят ему на обед овощи и рис, присылают саженцы и семена. Даже сам губернатор Чэнду, могущественный и влиятельный человек, относится к Ду Фу с глубоким почтением, помня об их прошлых встречах в Чанъани на императорских аудиенциях. И другие достойные люди Южной столицы и соседних областей спешат засвидетельствовать свое почтение прославленному поэту, пригласить к себе, помочь с устройством на новом месте.

Самой счастливой неожиданностью для Ду Фу явилось то, что здесь, на юге, он снова встретился с Гао Ши: храбрый рыцарь занимал должность губернатора соседней области Пэнчжоу. Узнав о том, что Ду Фу находится в Чэнду, он, как только выдался свободный от службы день, поспешил к нему, разыскал Монастырь Соломенной Хижины, где временно поселился поэт, и наконец обнял старого друга. Ду Фу тоже обрадовался встрече, хотя его и насторожили новые черточки в облике Гао Ши. Он все больше убеждался в том, что это уже не тот - прежний - Гао с его рыцарской отвагой и дерзкими мечтами о подвигах. Перед Ду Фу стоял властный и энергичный чиновник, сознающий себя «отцом народа и слугой государя». На юге Гао Ши приходилось усмирять мятежи честолюбивых военачальников из местной знати, мечтавших пойти по стопам Ань Лушаня, а кроме того, в области Пэнчжоу постоянно вторгались тибетцы, угрожая безопасности местных жителей. Одним словом, дел у губернатора хватало, и, по отзывам людей, он успешно справлялся с ними. У Ду Фу губернаторская деятельность Гао Ши вызывала искреннее уважение, хотя сам он - со времени службы в Хуачжоу - глубоко разочаровался в чиновном поприще. Поэтому друзья подчас не понимали друг друга: Гао Ши старался мягко убедить Ду Фу, что ему необходимо снова вернуться на службу, а Ду Фу с настойчивостью повторял, что его истинное призвание - литература. Что ж, пусть каждый из них остается при своих убеждениях. Несмотря на споры и разногласия, Ду Фу и Гао Ши простились как истинные друзья, для которых не имело значения, что один из них был чиновником, на досуге писавшим стихи, а другой - поэтом, бросившим службу.

Едва чиновничья коляска Гао исчезла за деревянным мостом, Ду Фу дернулся к своим обычным делам. Главным его делом было, конечно же, завершение постройки дома. Отныне все его мысли сосредоточивались на соломенной хижине, которую он мечтал поскорее увидеть готовой, невольно торопил плотников и

сам работал не покладая рук. Соломенная хижина - это не усадьба в Чанъани и не дом в Хуачжоу, где все подчинено строгому распорядку жизйи чиновника, с ранним подъемом, спешным завтраком, отъездом в управу и редкими - всего лишь раз в десять дней - отпусками «для мытья и отдыха». Когда-то великий Тао Юаньмин построил себе хижину «под сенью пята ив», теперь и у Ду Фу будет подобная хижина - соломенная, где он сможет заниматься поэзией и выращивать на грядках такой же сочный лук с белыми яшмовыми головками, как у доброго отшельника из Циньчжоу. Вот только бы хватило денег, чтобы расплатиться с плотниками. К счастью, троюродный брат поэта, живший в Чэнду, вовремя предложил свою помощь.

Как тоскливо идти
чередой бесконечных дорог,
На речном берегу
возвращаться в пустое жилье!
В одинокой глуши
ты решил разыскать старика,
И исчезла тоска -
этим утром не стало ее.
Ты готов разделить
все заботы о нашем жилье, -
Вот и деньги привез,
по зеленым проехав полям.
На чужой стороне
у меня есть единственный брат:
Не считает за труд
по-соседски наведаться к нам.
(«Мой троюродный брат Ван Пятнадцатый, служащий в ведомстве генерал-губернатора, приехал из города навестить меня и привез деньги на постройку соломенной хижины»)

Весной, когда работы по постройке дома приближались к концу, Ду Фу задумался над тем, что посадить во дворе. Ему хотелось чувствовать под ногами мягкую упругость сосновых игл, вдыхая душистый - с кислинкой - запах молодой хвои. Узор сосновой коры напоминает чешую дракона, а вечнозеленые ветви словно бы обещают долголетие всем живущим под их пышной кроной. Сосне не страшны зимние ветра, и ее ветви не гнутся под тяжелыми шапками снега. Недаром древние мудрецы называли сосну воплощением духовной силы, мужества и стойкости, а Ду Фу, бросившему чиновничью службу, мужество и стойкость

сейчас нужнее всего. Поэтому он, конечно же, посадит во дворе сосну. Но где взять саженцы? Пришлось снова обратиться к одному из друзей - господину Вэй Баню, чтобы тот прислал маленькие деревца для посадки:

Ни ива, ни вяз с ней не могут сравниться -
царит надо всеми она,
Ни слива, ни тополь с листвою зеленой -
она все равно зеленей.
Хотел бы укрыться я в ветках тенистых
на долгую тысячу лет.
Пожалуйста, вышлите саженцев стройных
с пучками надежных корней.
(«Прошу господина Вэй Ваня найти для меня несколько саженцев сосны»)

В конце весны 760 года хижина была готова - крытая сверкающей белой соломой, она стояла задней стеною к городу, а чуть поодаль шумела бамбуковая роща, тянулись вдоль реки плакучие ивы, носились в воздухе грачи и ласточки, и Ду Фу с улыбкой повторял, что, пожалуй, его жилище можно принять за домик Ян Сюна, хотя сам он слишком ленив, чтобы сочинять оды, достойные кисти этого древнего мастера. Ду Фу с женой забрали вещи из буддийского храма и поблагодарили монахов за гостеприимство. Их дети носились по дому со своими игрушками, отыскивая для них место получше, и госпожа Ду сокрушенно вздыхала: не успели переехать, а в комнатах уже беспорядок. Целая неделя ушла на то, чтобы устроиться, разместиться, наладить домашнее хозяйство. Ду Фу больше всего радовался своему кабинету, немного похожему на запомнившийся с детства кабинет отца: такие же подставки для кистей, удобный подлокотник для руки, держащей кисть, тушечница, курильница и множество других мелочей, столь. дорогих сердцу пишущего человека. Жена поставила в вазу цветы - первые пионы, рано распустившиеся в этом году, а в аквариум они пустили золотых рыбок. На низкий лаковый столик Ду Фу положил стопку прекрасной бумаги, вызывающей одновременно два противоположных желания - написать на ней стихотворение и оставить нетронутой чистую белую поверхность.

То ли гадатель-геомант, приглашенный Ду Фу, удачно выбрал место для будущей постройки, то ли небесные светила особенно благоприятствовали семейству Ду, но 760 и 761 годы были для них на редкость счастливыми. По утрам Ду Фу брал мотыгу и возделывал землю, ухаживал за посадками (он посадил у себя

овощи, зелень, а на специально огороженном участке - лекарственные травы, в которых постоянно нуждался из-за неослабевающего кашля и приступов астмы). Жена звала его завтракать, подавая к столу варенный на пару рис, соевый творог, а иногда что-нибудь из деликатесов южной кухни - к примеру, жаркое из змеиного мяса. После завтрака они отдыхали: Ду Фу читал буддийские сутры, а жена тем временем расчерчивала на мелкие квадратики лист бумаги, чтобы сыграть с мужем в шашки. В соседней комнате сынишка стучал молотком, делая из иголок рыболовные крючки: в Реке Ста Цветов ловилось множество рыбы. Сыграв партию в шашки, Ду Фу с женой и детьми садились в маленькую лодку и отправлялись гулять по реке, любуясь прибрежными ивами и слушая весенние лягушачьи концерты. Где-нибудь на отмели детям разрешали искупаться в прозрачной теплой воде, а затем все вместе пили душистый чай или сладкий сок из сахарного тростника. Возвратившись домой, Ду Фу снова работал на участке, читал или занимался с детьми - младших обучал грамоте, а старшим показывал различные стили каллиграфии.

В соломенную хижину часто наведывались гости. Слыша стук в дверь, Ду Фу подзывал к себе сына, чтобы тот помог завязать тесемки головного убора - принимать гостей (даже соседей, забежавших за щепоткой соли или перца) следовало по всем правилам этикета. Неудивительно, что в семье Ду Фу были рады гостям, а гости с радостью навещали их дом: с ними соседствовали люди такие же добрые и отзывчивые, как и они сами. К северу от них жил пожилой господин, по его словам, покинувший службу из-за преклонного возраста, но Ду Фу догадывался, что истинной причиной его добровольной отставки послужила любовь к уединению и философским раздумьям. Сосед выращивал у себя чудесный бамбук, словно бы уподобляясь персонажу одной древней книги, называвшему бамбук своим другом, без которого невозможно прожить и единого дня. Сосед сочинял стихи, охотно показывая их Ду Фу, и угощал его домашним виноградным вином. С южной стороны жил не менее почтенный чудак, носивший причудливую черную шляпу с острыми углами и выращивавший на продажу каштаны. К нему во двор стаями слетались птицы, для которых он оставлял на ступенях дома зерно и крошки хлеба, а его дети приветливо улыбались Ду Фу, когда поэт открывал калитку.

Из Чэнду к Ду Фу любил приезжать его знакомый художник Вэй Янь, особенно хорошо писавший сосны и лошадей. Прогуливаясь вдоль Реки Ста Цветов и глядя на вечернее солнце, опускающееся за перила деревянного моста, они, конечно же,

беседовали о живописи, и Ду Фу восхищался зимними пейзажами Ван Вэя, которые ему не раз приходилось видеть, и вспоминал, как во время одного из юношеских путешествий ему посчастливилось побывать в храме, расписанном великим У Даоцзы. Картины Вэй Яня тоже нравились Ду Фу, и он даже пообещал однажды прислать ему большой кусок шелка, чтобы художник изобразил на нем его любимые сосны. Сделать этого Ду Фу не успел: вскоре Вэй Яню пришлось уехать из Чэнду. Когда они прощались, Ду Фу попросил оставить ему на память картину, и Вэй Янь тут же - в несколько взмахов кисти - написал на стене комнаты двух лошадей. Для Ду Фу, с детства любившего породистых скакунов, это был лучший подарок. Восхищенный искусством живописца, он сочинил в ответ стихотворение:

С господином Вэй Янем прощаемся мы -
он приехал меня навестить.
Зная то, как люблю я картины его,
подарил свою живопись мне.
Взял он тут же истертую старую кисть и,
как будто играя, взмахнул,
И увидел я словно оживших коней
на широкой восточной стене.
Вот один наклонился к траве, а другой
поднял морду и тихо заржал.
Но промчатся стремительно тысячу верст
по дороге они столбовой.
В наше страшное время хотел бы иметь
я таких быстроногих коней,
Чтоб служили мне верно до смертного дня,
чтобы умерли вместе со мной.
(«Пишу на стене комнаты под картиной Вэй Яня, изображающей лошадей»)

Осенью 760 года в Чэнду сменился губернатор: место Пэй Мяня, оказывавшего поэту знаки внимания и покровительства, занял совсем другой, неизвестный ему человек. Для Ду Фу эта перемена означала очень многое еще и потому, что среди подчиненных Пэй Мяня было несколько его друзей, помогавших поэту деньгами, и теперь - с их отъездом - он остался совсем без гроша. Не на что кормить детей, содержать дом. Госпожа Ду тайком от мужа закладывает на базаре вещи. Удрученный нехваткой денег, Ду Фу посылает полную отчаянья записку Гао Ши:

Вот и прожили мы
половину стремительной жизни.
Надвигается осень,
и холодно в доме пустом.
Разрешите спросить,
дорогой губернатор Пэнчжоу,
Не поможете ль нищему
ломаным медным грошом?
(«Через цензора Цуя Пятого посылаю Гао Ши, губернатору Пэнчжоу»)

Гао Ши, конечно, откликнулся на просьбу друга, но та небольшая сумма, которую он смог одолжить (находясь на посту губернатора, ему приходилось помогать многим беженцам с севера), не спасла поэта от всех несчастий. Порывом осеннего ветра сломало старое двухсотлетнее дерево, которое росло перед домом и которое Ду Фу так любил. Оно рухнуло, словно крепостная башня, и его ветви безжизненно раскинулись по земле. Соломенная хижина словно осиротела без этого стража-великана, и пейзаж вокруг нее удручающе изменился. Затем осенний ветер, постепенно набиравший силу, разрушил соломенную крышу дома:

Часть крыши
Оказалась за рекой,

Рассыпавшись
От тяжести своей.

Часть,
Поднятая ветром высоко,

Застряла на деревьях
Средь ветвей.

Остатки - в пруд слетели
За плетень,

И крыша вся
Исчезла, словно дым.

Мальчишки
Из окрестных деревень

Глумятся
Над бессилием моим.

Они как воры
Среди бела дня

Охапки камыша
Уволокли

Куда-то в лес,
Подальше от меня,

Чем завершили
Подвиги свои...

Лишенный собственного жилья из-за «разбойничьих дел» осеннего ветра, вынужденный ютиться с семьей под дырявой крышей, Ду Фу закончил это стихотворение удивительными строками:

О, если бы
Такой построить дом,

Под крышею
Громадною одной,

Чтоб миллионы комнат
Были в нем

Для бедняков,
Обиженных судьбой.

Чтоб не боялся
Ветра и дождя

И, как гора,
Был прочен и высок,

И если бы,
По жизни проходя,

Его я наяву
Увидеть мог, -

Тогда -
Пусть мой развалится очаг,

Пусть я замерзну -
Лишь бы было так.
(«Стихи о том, как осенний ветер разломал камышовую крышу моей хижины»)

«ВЕСНЫ И ОСЕНИ» НА БЕРЕГУ РЕКИ СТА ЦВЕТОВ

Весной 761 года жители деревеньки, где поселилась семья Ду Фу, с тревогой наблюдали подъем весенних вод. Река Ста Цветов вышла из берегов, затопила прибрежные ивы, плоские камни для стирки белья, остовы брошенных лодок и медленно приближалась к жилищам людей. Каждое утро сыновья поэта выбегали на берег, сообщая отцу, сколько сухого места осталось перед домом, и Ду Фу опасался, что наводнение заставит их покинуть соломенную хижину, с таким трудом отремонтированную после налета осеннего ветра, разметавшего ветхую крышу.

Вода бушует ночью
Все сильней

И на два фута
Поднялась опять.

Пройдет
Совсем еще немного дней -

И мне придется
Дом свой покидать.

У переправы - рынок.
Я взгляну:

Там лодками торгуют
День-деньской.

Жаль, денег нет:
А то б купил одну

И привязал к забору
Над рекой.

(Из цикла «Подъем весенних вод»)

Но точно так же, как возвращается в свои берега успокоившаяся река, улеглась и успокоилась тревога Ду Фу, и в соломенной хижине вновь началась безмятежная и счастливая жизнь. Поэт словно бы почувствовал в себе новые силы и, глядя на распускавшиеся весенние цветы, забывал о старости и болезнях.

Весенним днем
На берегу покатом

Цветы переплелись
Сплошною чащей.

Шатаюсь,
Опьяненный ароматом,

Поистине
Боюсь весны пьянящей,

В стихах или вине -
Была б охота -

Сравнюсь
С любыми сыновьями века:

Так что не надо
Сбрасывать со счета

Меня -
Уже седого человека.
(«На берегу реки в одиночестве хожу, любуясь цветами»)

Он казался себе похожим на Тао Юаньмина (второе имя - Тао Цянь) - создателя замечательных стихов и ценителя вина, который умел довольствоваться малыми - и истинными - радостями уединения среди «садов и полей», простой крестьянской работы.

Халат
Я лишь накидываю свой

И Тао Цяню
Следую во всем.

Нет пред глазами
Суеты мирской,

Хоть болен я -
А легок на подъем.
(Из цикла «В единении с природой»)

Так же, как Тао Юаньмин, Ду Фу с чувством истинного земледельца радовался весеннему дождю, шуршащему ночью на соломенной крыше.

Добрый дождь -
Свою он знает пору -

И приходит вовремя,
Весною.

Вслед за ветром
Он уйдет не скоро,

Землю
Влагой напоив живою...
(«Весенней ночью радуюсь дождю»)

Когда прошла весна с теплыми дождями и цветущими травами, когда миновало лето с пылающей южной жарой и наступила прохладная и ясная осень, Ду фу отправился путешествовать по окрестностям Чэнду. Ему хотелось побывать в самых разных местах, но возраст и болезни заставляли выбирать из них те, что поближе - на расстоянии нескольких часов езды. Именно на таком расстоянии от Чэнду находился уездный центр Тансин, где поэт получил заказ на сочинение мемориальной надписи для местной гостиницы. Выполнение этого заказа сулило небольшую сумму денег, которых ему по-прежнему не хватало. Приехав в Тансин, он быстро справился с работой, навестил здешнего градоправителя (именно градоправитель помог поэту получить заказ) и двинулся дальше - в областной центр Шучжоу. В этом городе - после недавнего перемещения - служил Гао ТТТи, и Ду Фу, конечно же, стремился повидать доброго Гао. Но его ожидало разочарование: Гао Ши уехал из города по служебным

делам, и Ду Фу встречали его подчиненные. Они устроили поэту самый теплый прием, и эти несколько дней в Шучжоу запомнились ему надолго. Вместе с гостеприимными хозяевами он катался на лодке, наблюдая, как строится бамбуковый мост через реку. Ду Фу, любивший вникать в подробности всякой работы, не сводил глаз с ловких и умелых плотников, рубивших бамбук, связывавших вместе бамбуковые бревна и настилавших пролеты моста. Поистине они владели своим искусством не хуже легендарных мастеров древности, совершавших чудеса с помощью топора, ножа или кузнечного молота.

Ду Фу остался в Шучжоу до возвращения Гао Ши: он не мог позволить себе уехать, не повидавшись с другом. Хотя жизнь у них складывалась по-разному и они не во всем понимали друг друга, Ду Фу благодарил судьбу за то что ему не приходилось тосковать в разлуке с Гао Ши так же, как он тосковал в разлуке с Ли Бо. О Ли Бо он давно не получал никаких вестей, а с Гао Ши они часто встречались, толковали «о древнем и современном», пили вино и читали стихи. Разве это не счастье - иметь на чужбине старого близкого друга! И надо беречь это счастье, словно искорку тепла в ненастную осеннюю ночь... До самого утра в комнате Гао не гасла свеча, а с восходом солнца Ду Фу отправился дальше: из Шучжоу он еще собирался заехать в Цинчэн и Ханьчжоу, а затем вернуться домой. Дома его ожидали все те же - прежние - дела и заботы. Надвигалась зима, и надо было подготовиться к холодам. Запасая дрова, Ду Фу бродил по лесу и рубил мелкий кустарник. Зиму и лето он не любил: стихи лучше писались весною и осенью. Поэтому сейчас, прощаясь с прозрачными осенними днями, Ду Фу ждал будущей весны, когда снова распустятся цветы, запоют на разные голоса птицы и он напишет:

Цветы распускаются,
Полные жизни,

Поют на чужбине
Весенние птицы.

Отсюда -
За тысячи ли от отчизны

Три года гляжу я,
Как солнце садится...
(«Боясь людей»)

ГОСПОДИН ЯНЬ У СТАНОВИТСЯ ГУБЕРНАТОРОМ ЧЭНДУ

Первый человек, сообщивший Ду Фу о назначении новым губернатором Чэнду господина Янь У, увидел на его лице выражение нескрываемой радости, заставившее подумать, что господин Янь У приходится поэту близким родственником. В этой мысли он почти не ошибся: Ду Фу действительно хорошо знал Янь У. Когда, соскучившись по дому, поэт отправлялся из походной ставки императора в деревушку Цянцуиь, где жили его родные, канцлер Янь участвовал в проводах Ду Фу (вспомним название стихотворения «На прощальном пиру оставляю эти стихи для секретаря Цзя и канцлера Яня...», а также строки из него: «В эту грозную пору мне жалко покинуть друзей», относящиеся к Янь У). Затем они встречались в Чанъани, на дворцовых аудиенциях; затем оба очутились в пограничном городке Циньчжоу. И наконец - новая встреча в Чэнду. Поэт обрадовался за жителей города, которыми отныне будет управлять не «местное ничтожество», а человек с добрым сердцем и ясным умом, искренне помышляющий о процветании края. Быть под началом у такого человека - и для Ду Фу большая удача. Хотя он и не собирался бросать соломенную хижину и пришпиливать к седым волосам чиновничью шапку, в нем, словно лесной ручей под стаявшей коркой снега, снова ожило стремление к деятельности. Ведь сказал же Конфуций, что истинный мудрец всегда там, где справедливость и разум, и, когда в государстве настают времена просвещенных правителей, мудрец приходит им на помощь. Может быть, с появлением Янь У такие времена настали и для Ду Фу, и, советник императора в прошлом, теперь он станет советником справедливого губернатора?

Надежды стареющего поэта доказать, что он способен проявить себя не только «в стихах или в вине», но и в больших делах, эти надежды вскоре осуществились: новый губернатор нуждался в таких людях, как Ду Фу. Хотя среди чиновников Ду Фу пользовался репутацией наивного чудака и неудачника, эти же чиновники твердили наизусть его стихи. Слово поэта - вещее слово. Вот почему, не получив официального назначения на должность (помимо всего прочего, Ду Фу формально находился в служебном отпуске), он стал как бы неофициальным помощником губернатора. Янь У прислушивался к советам друга. Когда в районе Чэнду случилась засуха, грозившая погубить урожай, Ду Фу подал губернатору доклад, напоминая ему древнее конфуцианское учение о том, что стихийные бедствия посылаются Небом в наказание за несправедливые поступки

людей, и посоветовал - как средство умилостивить Небо - выпустить из тюрем всех заключенных (заключенными были крестьяне, не сдавшие налогов, и мелкие рыночные воришки). Губернатор велел открыть двери тюрем, и Небо, словно в ответ на это, послало па землю дождь:

Ласточек стаи
в гнезда забились свои,
Свежестью леса
остро запахло вокруг.
Близится вечер.
Дождь по соломе стучит, -
Радостно слушать
капель немолкнущий стук.
(«Радуюсь дождю»)

Не меньше Ду Фу радовались дождю жители Чэнду и крестьяне из окрестных деревень: они выходили на порог дома и, подставляя лицо струйкам воды, смотрели на дождевые облака, улыбались и поздравляли друг друга. Босоногие мальчишки набирали воды в пригоршни, бегали по лужам, поднимая фонтаны брызг, и вскоре становились похожими на чертей из буддийского ада. Матери под бамбуковыми зонтиками выбегали за ними и уводили сушиться у жаровни... Все говорили о новом губернаторе, сумевшем умилостивить Небо, и Ду Фу с гордостью сознавал и себя причастным к благим начинаниям Янь У. Последнее время жить ему стало полегче, и их дружба с Янь У крепла день ото дня. Когда выдавалась свободная минута, вместе отправлялись гулять, поднимались на пагоды буддийских храмов, слушая звон колокольчиков на крышах, любовались цветами в садах, ловили рыбу, и Ду Фу в шутку называл себя старым рыбаком. Однажды Янь У прислал ему в подарок кувшин вина, и поэт написал по этому поводу небольшое стихотворение:

Спустилось из-под синих туч,
с вершин высоких гор,-
Его душистый терпкий вкус
оценит лишь знаток.
Вино доставили ко мне,
седому рыбаку,
Чтоб я сейчас же - при гонцах -
его отведать смог.
(«Благодарю губернатора Янь У за кувшин доброго вина, приготовленного даосским отшельником цинчэнских

гор»)

Ду Фу и Янь У часто заговаривали о событиях в столице - любая новость вызывала в них отклик. Ду Фу особенно тревожила судьба стареющего Сюаньцзуна, который на склоне лет стал пленником чанъаньских дворцов. Каждый его шаг контролировался шпионами могущественного евнуха Ли Фуго, и поэт сравнивал бывшего императора с несчастной птицей, томящейся в неволе. Ее израненный рот полон крови, она испуганно прячется в гуще деревьев, издавая пронзительные жалобные крики... Вскоре Сюаньцзун скончался, а вслед за этим последовала и смерть его сына - императора Суцзуна, который под конец жизни стал беспомощной игрушкой в руках Ли Фуго. Могущественный евнух при поддержке своих приспешников возвел на престол нового императора - Дайцзуна. Через некоторое время после этих важных событий губернатор Янь У был вызван во дворец. Провожая друга, Ду Фу писал:

Неужели всю жизнь
мне на юге прожить суждено?
Знать бы, выпадет случай
вернуться на север родной...
Коль сумеешь достичь
ты в столице высоких постов,
Ради правды, мой друг,
не страшись рисковать головой.
(«Десять рифм на прощание с господином Янем,
вызванным ко двору императора»)

Что же дальше? Что ожидает Ду Фу здесь, на юге, и как сложится его жизнь? Суждено ли ему снова увидеть родной север, или же его гроб опустят в горячий песок под южными пальмами? Встретятся ли они когда-нибудь с Янь У, или же их дороги отныне разойдутся навеки? Обо всем этом думал Ду Фу на прощальном пиру, сидя среди гостей, произносивших застольные речи в честь губернатора и обмахивавшихся шелковыми веерами. Было душно, и в самый разгар пира Ду Фу незаметно вышел на террасу. Молодой человек, соскочивший с коня, принял его за слугу и велел подать вина. Ду Фу про себя усмехнулся и, не говоря ни слова, удалился.

Кто он, этот наездник лихой
на проворном гнедом жеребце?

Вот у самой террасы он спрыгнул с коня
и без спросу уселся на стул.
Видно, некому было его воспитать, -
даже имя свое не назвав,
На серебряный чайник с горячим вином
он надменно и дерзко кивнул.
(«Молодой наездник»)

ДУ ФУ ВОСПЕВАЕТ КРАСОТУ ВЕЩЕЙ

В этой главе не случайно так много стихов. Дело в том, что после разрыва со службой в сознании Ду Фу наступает перелом: он становится *профессиональным* поэтом. Разумеется, это слово - профессиональным - не следует понимать слишком буквально, потому что в средневековом Китае профессионального поэтического творчества как такового не существовало; поэты могли творить ради славы, ради «утверждения имени» в поколениях своих потомков, наконец, ради самого творчества, остающегося безвестным и безымянным, но никогда - ради денег. Китайские поэты стихами хлеб не зарабатывали (иное дело - сочиненные на заказ эпитафии, надписи на мемориальных стелах и т. д.). Поэтому мы можем говорить лишь о том, что Ду Фу стал считать литературу главным делом жизни, стал работать как профессиональный поэт, то есть писать много и регулярно. Поражает само количество написанного им за 759-762 годы: сотни стиховорений, большая часть которых включалась во все литературные антологии. Поражает (особенно если учесть, что в эти годы он часто болел) *непрерывность* творческого труда: Ду Фу словно бы постоянно находится в состоянии «ветра и потока», как называлось в Китае поэтическое (и жизненное) вдохновение.

В лирике сычуаньского периода (город Чэнду, где жил Ду Фу, расположен в современной провинции Сычуань) поэт как бы не выбирает тем и с уверенностью подлинного мастера, которому доступны любые темы, пишет обо всем, что происходит вокруг. О сверчке, о светляке, о негодных деревьях, о больном кипарисе, о засохших пальмах, о весеннем паводке, о праздновании «дня холодной пищи» - весеннего праздника, приходившегося по европейскому календарю на начало апреля. Останавливая внимание на определенном предмете, Ду Фу воспринимает его не отдельно, а словно бы в «потоке» бытия, захватывающего «всю тьму вещей». Маленький сверчок, поющий в траве, для Ду Фу так же величествен и грандиозен, как и вся природа, а больное мандариновое дерево вызывает скорбные мысли о «болезни века».

По этой причине Ду Фу невозможно назвать поэтом природы или поэтом политических аллегорий, хотя комментаторы немало потрудились над расшифровкой его «намеков на древность». К примеру, в стихотворении «Светляк» Ду Фу пишет: «Он, говорят, из трав гнилых возник - боится света, прячется во тьму». Комментаторы истолковывают эти строки как намек на евнуха Ли Фуго, но смысл всего стихотворения гораздо шире: поэт воспевает светлячка как часть огромного мира, в котором нет различия между тоненькой паутинкой и целой Вселенной. «Равенство вещей» для Ду Фу становится поэтическим законом. Он достигает того счастливого для каждого художника состояния зрелости душевных сил и полноты внутренней энергии, когда стихи рождаются - словно искра от трения - от соприкосновения с любым, даже случайно выбранным, предметом внешнего мира.

Может быть, поэтому лирика Ду Фу становится не так «густа», как раньше. «Густота и разреженность» - традиционные категории китайской эстетики, часто употребляемые критиками для оценки стихов и живописи. Применительно к Ду Фу эти категории означают, что в лирике сычуаньского периода появляется больше воздуха, больше «пустотности», как сказал бы средневековый китайский критик, и Ду Фу словно бы уподобляется живописцу, который ценит незаполненное поле белого листа бумаги не меньше, чем сам рисунок. «Густота» прежних стихотворений поэта возникала от внутренней сосредоточенности на одной - важной - теме, требовавшей духовного напряжения и кропотливых технических усилий для своего воплощения. В прежних стихах Ду Фу именно создавал литературу, понимаемую как словесный узор «вэнь» (подобный узору на чешуе дракона); в сычуаньский период им словно бы движет мысль, что литература уже изначально существует в мире, и задача поэта заключается в том, чтобы *выявить* ее, сделать зримой и слышимой («Излагаю, но не создаю», - говорил Конфуций). Для этого не надо много слов, достаточно лишь нескольких взмахов кисти, чтобы родилось стихотворение, в четырех или восьми строках которого выражается высший смысл бытия.

«Разреженность» целого требует особой сконцентрированности в *детали.* О деталях в сычуаньской лирике Ду Фу можно написать специальное исследование, настолько велика их роль для поэта. Новый Ду Фу-это прежде всего поэт тончайшей детали, как бы наводящий увеличительное стекло на самые крошечные предметы. Он обладает поистине микроскопическим зрением, способным заметить даже то, как «к пчеле приклеился листочек ивы», «усики пчел покрыты сладостною пыльцою», «рыбы мерзнут в воде, к тростникам

прижимаясь бесшумно».

Столь же обостренно чуток и слух поэта, улавливающий отдаленный гомон птиц, смутный шум ветра, тихий плеск речных волн. Недаром в стихах 759-762 годов Ду Фу, по наблюдению современного китайского литературоведа Фэн Чжи, особенно охотно пользуется эпитетами «затихший», «умиротворенный», «сокровенный». Для Ду Фу то, что он «видит и слышит», предшествует тому, что он «думает и чувствует»: предметный план его поэзии прописан выпукло и рельефно, а «мысли и чувства» даются как бы намеком, остаются в глубинном подтексте строки. Читатель сам домысливает настроение стиха, дорисовывает изображенную в нем картину с помощью собственной фантазии, «вчитывает» себя в стихотворный текст. Не случайно Ду Фу в сычуаньский период так часто обращается к жанру «юн у» - «воспеваю вещи», предоставляющему широкий простор читательскому воображению.

И наконец еще одна черта сычуаньской лирики Ду Фу - ее этнографическая точность. Китайским поэтам издавна приходилось совершать путешествия в отдаленные провинции империи, а иногда даже в «варварские» земли, вот и Ду Фу, оказавшись на юге, столкнулся с новыми для него обычаями, новым укладом жизни, поэтически воссоздать который, не нарушая классического строя китайского стиха, было для северянина сложной задачей. К примеру, в китайской поэзии с древности воспевались полив огорода, ирригационные работы, крестьянский труд - для этого существовал устойчивый, отчеканенный традицией набор образов, но как заставить читателя почувствовать, что он на юге, какие отобрать детали, на каких остановиться подробностях? Ду Фу с удивительным искусством рисует приметы именно *южного* быта, и исследователи, знакомые с исторической этнографией Китая, до сих пор поражаются точности его описаний. «...Трубы провожу на огород» - типично южная бытовая подробность (для полива огорода там приходилось прокладывать бамбуковые трубы); «Мне надо берег укрепить камнями» - вновь характерная и точная этнографическая деталь. И таких деталей у Ду Фу очень много - они рассыпаны по страницам его книг. В сычуаньской лирике поэт достигает редкой гармонии всех выразительных средств; Инь и Ян - эти две силы обретают в его стихах классическое равновесие.

Глава седьмая ПРОСВЕТЛЕНИЕ ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Окно на юг -
сижу спиною к лампе,
Под ветром хлопья
кружатся во тьме.
В тоске, в безмолвье
деревенской ночи
Отставший гусь
мне слышится сквозь снег.
Бо Цзюйи,
«Снежной ночью в деревне»

ПОМОЩНИК ГРАДОПРАВИТЕЛЯ СЮЙ ДЕВЯТЫЙ ПОДНИМАЕТ МЯТЕЖ В ЧЭНДУ

Жители Чэнду, так же как и Ду Фу, опечаленные отъездом господина Янь У, с тревогой задумались о том, кто станет их новым губернатором. Ведь если господина Янь У вызвали в столицу, его наверняка назначат на более высокую должность: такие честные и преданные люди нужны повсюду. Но кого же пришлют взамен? Вдруг это будет жестокий тиран или хитрый мошенник, обирающий народ, - не поздоровится тогда южанам. Размышляя таким образом, жители Чэнду не предполагали, что претендент на губернаторское кресло объявится задолго до того, как господин Янь У успеет добраться до столицы. В июле 762 года помощник градоправителя Сюй Девятый поднял мятеж в Чэнду, доказав тем самым свое намерение стать маленьким диктатором юга. Южане давно привыкли к подобным мятежам, - с ними приходилось вести борьбу и храброму Гао Ши в его бытность губернатором Пэнчжоу, и многим другим губернаторам и военачальникам. Этот мятеж был таким же кровавым и бессмысленным, как и все остальные. Головорезы Сюя Девятого, для поддержки боевого духа разукрасившие себя лошадиной кровью, выволакивали людей из домов, срывали одежды и украшения, казнили на глазах у близких. Словно мертвые рыбы, выброшенные на берег штормовой волной, лежали на улицах трупы убитых. Мятежники грабили лавки, врывались в богатые

особняки, разбойничали в храмах и монастырях. Под сапогами грабителей хрустели черепки разбитых фарфоровых ваз, костяные гребни женщин, рассыпанные четки буддийских монахов. Дым пожаров застилал улицы: деревянные домики Южной столицы сгорали быстро, как свечки. Дороги загромождали опрокинутые коляски и экипажи, бились в агонии раненые лошади. Вскоре сопротивление правительственных гарнизонов было подавлено, и 31 июля Сюй Девятый провозгласил себя губернатором.

Имя самозванца было хорошо знакомо Ду Фу. Около года назад Сюй Девятый навестил поэта в соломенной хижине, и Ду Фу посвятил ему стихотворение:

На вечерней заре,
В деревенском моем захолустье,

Ты заходишь со свитой
Под кровлю убогого дома.

Нашей дружбы начало
Меня избавляет от грусти,

Но стыжусь, что не в силах
Устроить, как должно, приема.

Оценив тишину
И бамбук, что посажен рядами,

Позабыв о делах,
Ты гуляешь под ясной луной.

О, когда же ты снова
Придешь любоваться цветами,

Что распустятся скоро
Над тихою гладью речной?
(«Меня навещает помощник градоправителя Чэнду - Сюй Девятый»)

Ду Фу испытывал смущение оттого, что по бедности был не в силах устроить подобающего приема столь знатному гостю со свитой сопровождавших его чиновников. Но гость остался доволен и радушием хозяина, и преподнесенными стихами, в которых выражалась надежда на будущие встречи. Они расстались с самыми дружескими чувствами, и Сюй, конечно,

запомнил, что в соломенной хижине, на берегу Реки Ста Цветов, есть человек, который в нужный момент может пригодиться. И вот теперь этот момент настал, и едва лишь вспыхнуло пламя мятежа, Ду Фу ясно понял, что к нему со дня на день могут нагрянуть гонцы от Сюя с предложением (а по существу, с ультимативным приказом) перейти на сторону мятежников. Что ему ответить? Разумеется, он не собирался ради приятельских отношений с Сюем Девятым изменять своему долгу перед императором и порочить славное имя предков, но, не сказав «да», он бы тем самым сказал «нет», а это означало, что Сюй после многих месяцев дружбы сразу увидел бы в нем врага. Любезные улыбки, льстивая речь, заверения в искренней преданности и даже преклонение перед талантом Ду Фу - все мигом исчезло бы, и поэт вполне мог оказаться среди жертв своего бывшего покровителя. Оставалось одно - бежать, и, наскоро собрав вещи, Ду Фу отправился на восток от Чэнду в город Цзычжоу.

Дорога заняла около двух дней - встревоженный и удрученный сидел он в коляске, не замечая назойливых мух, жары и палящего солнца. Тревога не покинула Ду Фу даже тогда, когда захваченный мятежниками город исчез за дальним поворотом дороги, ведь там, в Чэнду, осталась его семья. Хотя жена уверяла, что ей и детям ничего не грозит, Ду Фу не мог чувствовать себя спокойно, пока они не с ним. Поэтому, едва устроившись в Цзычжоу, он стал думать о том, чтобы перевезти сюда семью. К счастью, такая возможность представилась, и вскоре семейство Ду в сопровождении одного из дальних родственников благополучно прибыло в Цзычжоу. Радостной была их встреча: у Ду Фу словно не хватало рук, чтобы обнять всех своих детей и жену, а они, не решаясь поверить, что удалось избежать смертельной опасности, грозившей и им, и ему, не могли на него насмотреться, гладили его морщинистое лицо и седые волосы на висках, как будто это лишний раз подтверждало реальность их встречи. Ду Фу с видом хозяина показывал домочадцам их новое убежище - конечно, не такое уютное, как соломенная хижина, но вполне пригодное для жизни. Рассказывал о друзьях, которые появились у него в Цзычжоу, и особенно много о помощнике здешнего губернатора господине Яне, чья сердечность и душевная теплота скрашивали его пребывание в чужом городе. Добрый Янь понимал, как важна для Ду Фу его дружеская поддержка, помогавшая отвлечься от тревожных мыслей. Тревога и страх - если им поддаться - способны опутать человека, словно лианы ствол пальмы. Поэтому главное - не поддаваться, гнать от себя тревожные мысли, стараться победить страх! Именно об этом не уставал твердить

Янь, принимая в гостях поэта и словно заговаривая в нем неведомую болезнь. И постепенно Ду Фу исцелялся. В гостеприимном доме Яня он забывал о своих невзгодах - они вместе подогревали на огне виноградное вино и в разгар пирушки даже пытались исполнить стремительный танец с мечом, кружась по залу наподобие двух драконов. Затем - когда хмель проходил - они зажигали свечи в бронзовых подсвечниках, доставали томик старинных стихов и до утра читали любимых поэтов - Тао Юаньмина, Се Линъюня, Юй Синя...

Осень и зиму 762 года семейство Ду провело спокойно и неторопливо - в хлопотах, заботах и развлечениях. Им хотелось отвлечься от тягостных впечатлений, связанных с мятежом Сюя Девятого, и поэтому двери дома они держали открытыми для гостей. Их навещали друзья - такие, как господин Янь, и сами они постоянно ходили в гости. Как и во всех городах, где им случалось бывать, Ду Фу приглашали на пиры и званые обеды: здешние чиновники считали за честь принять у себя такого знаменитого поэта. Ду Фу никому не отказывал и, несмотря на то, что он по-прежнему часто болел, старался быть среди людей, это отвлекало от грустных мыслей и печальных воспоминаний. Хозяин встречал гостей у ворот усадьбы и, приветствуя поклонами, провожал в парадный зал, где уже были постелены циновки и дымились в котлах изысканные южные яства. Слуги приносили чайнички с подогретым вином, а девушки-музыкантши настраивали на коленях лютни, чтобы усладить слух гостей томными южными мелодиями... Иногда Ду Фу с семьей отправлялись на лошадях за город или садились в лодку, чтобы полюбоваться осенними берегами реки Пэй, протекавшей неподалеку. Лодочник умело работал веслом, почти бесшумно опуская его в воду, и нос лодки мягко рассекал прибрежные заросли. Вспоминались строки Се Линъюня, поэта-южанина, который за три века до Ду Фу, похоже, испытывал те же самые чувства, плывя по одной из южных рек:

Я слышу шум ветвей
дряхлеющего леса,
К сияющей луне
свой поднимаю взгляд,
Но красота небес
и эта даль речная
От одиноких дум
меня не исцелят...
(«Соседи провожают меня до пристани Квадратная Гора»)

В эти дни Ду Фу особенно беспокоила судьба соломенной хижины, оставленной без присмотра. Все последнее время, пока они жили в предместьях Чэнду, Ду Фу заботился о ней и, накопив немного денег, даже начал постройку нового флигеля, поставил беседку неподалеку и посадил четыре маленьких сосны в дополнение к тем, что уже росли возле дома. Сосны прижились и стали дружно тянуться вверх. Ду Фу старательно ухаживал за ними, поливал в засушливые дни, защищал от сильного ветра и мотыгой рыхлил под ними землю. Каждое утро, выйдя во двор, он прежде всего шел к своим соснам, с улыбкой смотрел на них, тихонько трогал колючие иглы, воображая, какими стройными деревьями - могучими, словно небесные драконы, - эти сосны станут лет через двадцать-тридцать, когда детям Ду Фу будет столько же, сколько ему сейчас. А пока он даже запрещал сыновьям бегать по двору, опасаясь, как бы они случайно не задели нежные деревца, и вот теперь нет никого, чтобы присмотреть за ними, и любой недобрый человек может вырвать их с корнем, вытоптать ухоженную землю, разрушить и уничтожить то, на что Ду Фу затратил столько кропотливого труда.

Четыре маленьких сосны
всегда передо мной.
Тревожусь я, что не дадут
расти им сорняки.
Как нелегко тянуться вверх
их тоненьким ветвям,
Как нужен им сейчас уход
заботливой руки!
(«Посылаю в соломенную хижину на берегу реки»)

Зимой 762 года до Цзычжоу докатились вести о том, что императорская армия вместе с союзными войсками уйгуров разгромила отряды Ши Чаои, последнего предводителя восстания Ань Лушаня. 20 ноября произошла решающая битва, в результате которой была освобождена (и основательно разграблена «дружественными» войсками уйгуров) Восточная столица Лоян, а 17 февраля 763 года отрубленную голову Ши Чаои доставили в Чанъань к императорскому двору. Узнав об освобождении Лояна (а следовательно, и фамильных владений в Яныпи), Ду Фу написал стихи, может быть, самые радостные в своей жизни:

За ущельем Меча я услышал о том,
что врагами оставлен Цзибэй,

И стою, оглушенный, в счастливых слезах,
и глаза застилает туман.
Посмотрел на детей, обернулся к жене, -
где их прежняя грусть и тоска?!'
Стаи рассеянно старую книгу листать,
сумасшедшею радостью пьян.
А потом пел я буйные песни весь день
и, вино наливая в кувшин,
Все старался представить дорогу домой
средь цветущих весенних полян.
Мы сначала пройдем через горы Бася,
а затем через горы Уся
И, спустившись к Сянъяну, увидим вдали
нашу родину - старый Лоян.
(«Услышав о том, что императорская армия освободила юг и север реки Хуанхэ»)

Ду Фу действительно мечтал сейчас же отправиться на север и даже мысленно составлял маршрут предстоящего путешествия. Все манило в дорогу, вызывало нетерпеливое желание двинуться в путь, и поэт с завистью смотрел на ласточек, залетевших однажды во время завтрака на террасу их дома. Вот бы и ему расправить крылья и, подчиняясь легкому воздушному потоку, унестись вслед весенним облакам... Но обстоятельства снова задержали поэта на юге, и вместо Лояна ему пришлось поехать на северо-запад в Мяньчжоу и Ханьчжоу. В Ханьчжоу он рассчитывал застать своего старого друга Фан Гуаня, за которого он некогда заступился перед императором, но оказалось, что Фан отправился в столицу Чанъань, а в Ханьчжоу Ду Фу встретил новый губернатор (Фан Гуань занимал этот пост с осени 760 года), устроивший в его честь катанье на лодках. Поэт все еще находился во власти той радости, которую вызвало в нем известие о победе императорских войск, поэтому, счастливый и окрыленный, он с азартом отдавался веселью и развлечениям.

Возвратившись в Цзычжоу, Ду Фу вновь окунулся в шумную городскую жизнь, полную радостного опьянения и счастливой безмятежности. Он охотно участвовал в веселых «праздниках на воде», которые устраивал губернатор Цзычжоу, всегда включавший поэта в списки приглашенных. Вот стихи об одном из таких праздников, написанные летом 763 года:

Гости к пристани выходят,
расседлав своих коней;
Их красавицы встречают

и на палубу ведут.
Веера певиц искусных
отражаются в воде,
Их узорные одежды
украшают старый пруд.
Рукавов прозрачных пары
на ветру взлетают вверх,
Золоченую посуду
волны весело кренят.
Красотой друг с другом спорят
лики благородных дев,
И лукавого веселья
шаловливый полон взгляд.
(Из цикла «Два стихотворения, сочиненных ради забавы во время моих частых прогулок по реке с губернатором Цзычжоу Чжаном и гетерами»)

Безмятежное настроение этих летних дней в Цзычжоу было прервано тревожными вестями, полученными осенью. В сентябре 783 года в страну вторглись отряды тибетцев, захватившие пограничную область Лунъюй и начавшие стремительное продвижение к столице. Верховный евнух Чэн Юаньчжэнь, сменивший на этом посту убитого Ли Фуго (бывшего диктатора нашли зимним утром в кровати с отрезанной головой), ничего не сообщил императору о грозящей опасности, и китайская армия не успела организовать оборону. Столица Чанъань осталась незащищенной, и когда враги были уже совсем близко, император бежал из города, а 16 ноября в Чанъань вошли тибетцы... Узнав об этом, Ду Фу вновь задумался над планами боевых операций и составил доклад, содержавший ряд стратегических предложений. Надежды на скорое возвращение в Яньши рухнули. Оставалось одно - ждать.

СНЕГОПАД В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

В лодке все спали, и лишь один Жеребенок, случайно приоткрыв глаза, видел, как отец поднялся с циновки, накинул на плечи теплый зимний халат и вышел на палубу. Жеребенок, уже привыкший к тому, что у отца бессонница и он часто встает по ночам, хотел снова заснуть, но странный белый свет, мелькнувший за занавеской, заставил отбросить одеяло. Жеребенок понял, что над рекой шел снег, и это вызвало в нем желание хотя бы краешком глаза взглянуть на необычное

зрелище. Здесь, на юге, снег выпадает редко, и было бы обидно пропустить такой случай. Поэтому мальчик тихонько оделся и, поеживаясь от холода, нырнул под занавеску вслед за отцом. Ду Фу сидел под самой мачтой и смотрел на реку. Лицо его было спокойно, и если бы не слабый свет луны, пробивавшийся из-за туч, Жеребенок бы не заметил, что в глазах отца блестят слезы. Мальчик от растерянности замер на месте, намереваясь юркнуть обратно под навес, но отец жестом подозвал его к себе, посадил рядом и обнял. «Ничего, ничего, мы их прогоним, этих бандитов, обязательно прогоним», - пробормотал он, и Жеребенку стало ясно, о чем думал отец. Конечно, о воинственных племенах туфаней, захвативших столицу, о новых расправах и казнях, о свисте ременных плетей, рассекающих воздух, и гортанных криках всадников, о тюках с награбленным добром, притороченным к седлам тибетских лошадок.

«Какой чудесный снег!» - сказал мальчик, чтобы успокоить отца, и Ду Фу улыбнулся ему в ответ: «Да чудесный, давно такого не выпадало». Они вместе смотрели на крупные белые хлопья, похожие на ивовый пух, на побелевший прибрежный кустарник и покрытые белыми шапками валуны, на которых женщины отбивают белье. Падая на воду, снег мгновенно таял, но полоска бамбукового леса на берегу оставалась белой, словно иероглиф «бай», часто встречавшийся в стихах Ду Фу, посвященных родному северу. «Если набрать побольше таких иероглифов, то и получится сегодняшний снегопад», - думал мальчик, подставляя ладонь под падающие хлопья и глядя, как они медленно тают, превращаясь в капельки воды. «Тебе это о чем-нибудь напоминает?» - спросил отец, заметивший его жест. «Когда у нас на севере шел снег, я так же подставлял руку», - ответил Жеребенок и тотчас же пожалел о сказанном: в глазах отца снова заблестели слезы («Как часто он стал плакать», - подумал мальчик). Ду Фу надолго замолчал, ветер шевелил его бороду, и пряди седых волос на голове казались обсыпанными снегом. Отец часто писал в стихах, что его виски словно побелил иней, и вот теперь Жеребенок в самом деле не мог разобрать, то ли это седина, то ли снежные хлопья. «Ты не замерз? Принести тебе плащ?» - спросил он, испытывая чувство острой жалости к отцу. Ду Фу не ответил, словно не расслышав вопроса. Мальчику стало тоскливо и немного страшно стоять в темноте (луна совсем исчезла за тучами), и, поклонившись на прощание, он отправился спать.

Оставшись один, Ду Фу еще сильнее укутался в халат. Снег летел ему прямо в лицо, и вскоре сидевший на палубе поэт стал похож на заснеженное старое дерево. Есть такие деревья с голыми

торчащими ветками, потрескавшейся корой и обнаженными корнями, - они доживают до глубокой старости, потому что никому *не нужны.* Это сравнение понравилось Ду Фу, и он подумал, что было бы хорошо использовать его в стихах о «человеке с седыми висками», у которого нет пристанища в мире и ветер носит его, словно перекати-поле. Однажды Ду Фу написал о себе: «В молодости я был похож на рыбу, которая весело плещется в ручье, а теперь я стал похож на бездомную собаку». И это истинно так. Он часто ловит себя на мысли, что ему безразлично, ехать или оставаться на месте, - все равно вокруг чужбина. И как ни гостеприимны новые друзья, встречающие его повсюду, их щедрые подарки не избавят от горького сознания своего одиночества. Он - вечный странник на чужбине. Такова судьба, с которой он должен мириться. И хотя он прочел множество даосских книг, помогающих сохранять мужество в тяжелые дни, ему никогда не было так горько, как в эту зиму.

К утру потеплеет и снег превратится в дождь. Серые облака, застилающие небо, и белесый туман, укутывающий даль реки, сольются в густую, непроглядную пелену. На поверхность воды словно опустится мелкая, сотканная из тончайшей паутины рыбацкая сеть, и запрыгают пузыри, похожие на головы резвящихся рыб. Дождь застучит по палубе лодки и бамбуковому навесу, под которым прячутся дети, жена и он сам, не знающий, как их согреть и чем накормить. Насквозь отсыревший парус обвиснет, как мокрая тряпка, и ветер погонит их лодку к прибрежным камышам. Они будут долго стоять у берега, дожидаясь, когда кончится ненастье, и Ду Фу не спастись от тяжелых мыслей. С осени у него больна дочь, и жене становится все труднее ее выхаживать вдали от соломенной хижины, их единственного пристанища здесь, на юге. Их мальчики тоже часто недомогают, хотя стараются скрывать это от родителей, да и самого Ду Фу душит кашель и бьет лихорадка. Кончается 763 год, а в их судьбе - никакого просвета. «Всадники в желтых тюрбанах» - воинственные туфани - еще не изгнаны из страны. Некогда, во времена династии Хань, нашелся смельчак, попросивший у императора веревку, на которой он обещал привести во дворец плененного вождя жестоких «варваров». А сейчас найдется ли полководец, чтобы вернуть стране мир?

Уже окончанье года,
А я на дальних просторах,

Но взято и здесь оружье,
Чтоб не прошли враги.

Пыль, поднятая туфанями,
Окутала снежные горы,

Гремят барабаны и трубы
В городе у Реки.

Льется кровь ежедневно
На каждой нашей дороге, -

Кто ж во дворце веревку
Попросит, как в старину?

Можно ль боятся смерти,
Если страна в тревоге?

В далеком уединенье
Я верю в свою страну.
(«В конце года»)

СЕМЕЙСТВО ДУ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СОЛОМЕННУЮ ХИЖИНУ

Старый сторожевой пес со впалыми боками и облезлой шерстью, положивший голову на лапы и с тоской смотревший на пустую глиняную миску, из которой пили дождевую воду юркие пичуги, внезапно приподнял голову, недоверчиво прислушался к отдаленному скрипу колес, а затем с лаем бросился к воротам. Вот уже два года он жил без хозяев, охраняя брошенное ими жилище, уныло слоняясь по двору или убегая на поиски добычи, и все это время собственное существование казалось ему таким же пустым и никому не нужным, как шелуха кунжутных орехов. Старый пес уже потерял последнюю надежду снова увидеть обитателей дома, услышать вкусный запах домашней похлебки, получить мозговую косточку со сладкими хрящиками, поймать на лету поджаренную в масле пампушку, потереться спиной о ногу хозяина или опрокинуться на спину в ожидании, что хозяин почешет ему живот, и вдруг ворота дома открылись и во двор въехала коляска, в которой сидел его хозяин с женой и детьми. Обезумев от радости, сторожевой пес бросился к ним, стал лизать руки, взвизгивать и подпрыгивать, норовя лизнуть в лицо. Они шутливо отворачивались, но не бранились и не прогоняли его, а хозяин даже ласково погладил верного пса и вытряхнул ему в

миску остатки еды из дорожной коробки. Пес набросился на еду и почти мгновенно опустошил миску, не успев почувствовать, что в ней было. Досыта наевшись, он вылизал миску, потерся спиной о ногу хозяина и от умильного восторга спрятался у него под полой халата. Спрятался и долго не хотел вылезать, хотя все смеялись и стыдили его, а Ду Фу называл бедного пса старым бездельником, таким же, как его хозяин. Ду Фу делал вид, что сердится, хотя на самом деле совсем не сердился; напротив, он сам готов был впасть в умильный восторг при виде соломенной хижины.

Целых два года они скитались по южным землям и вот теперь - в солнечный весенний день - возвратились на берега Реки Ста Цветов. Возвратились радостные, окрыленные, полные самых счастливых надежд: мятежники Сюя Девятого разгромлены, а кроме того, получена весть о победе императорской армии, возглавляемой храбрым Го Цзыи, над воинственными тибетцами. Столица Чанъань освобождена; 2 февраля 764 года император вновь поселился в своем дворце. Это событие вызвало бурное ликование в городе: несколько дней не смолкало шумное празднество, и весь народ славил освободителей родного края. Многие провинциальные чиновники, съехавшиеся в столицу, получили новые назначения. В их числе получил назначение и Ду Фу, о котором внезапно вспомнили во дворце. Поэта снова назначили инспектором по делам просвещения, но уже не области Хуачжоу, которую он покинул много лет назад, а столичной префектуры Цзиньчжао. Помимо всего прочего, это означало, что Ду Фу получал возможность вернуться на север, о чем он так мечтал и к чему стремился. Казалось бы, он должен не раздумывая принять новое назначение, но Ду Фу понимал, что за оказанную милость придется платить. В столице на каждого подчиненного - десять начальников, каждому из которых надо льстить и угождать, и чем выше кабинет начальника, тем ниже сгибают перед ним спину. Многие чиновники готовы пасть ниц, сдувая пыль с туфель своего начальства и подкатываясь ковриком ему под ноги. Такова плата за службу в столице - плата унизительная для седеющего поэта. Поэтому, как ни тяжело ему было, Ду Фу не принял нового назначения и вежливо отклонил императорскую милость: здесь, на юге, он слишком привык к независимости, чтобы отказаться от нее, соблазнившись званием столичного чиновника. Вместо префектуры Цзиньчжао он вновь отправился в Чэнду, чтобы встретить там своего старого друга Янь У.

Те, кто полагал, что Янь У, вызванный к императорскому двору, навсегда останется в столице, ошиблись: 11 февраля 764 года он был назначен генерал-губернатором Цзяннани -

огромного района к югу от Янцзы. Таким образом, полномочия Янь У значительно расширились, хотя он и вернулся на прежнее место службы. После бессмысленного кровавого мятежа Сюя Девятого южане смотрели на Янь У как на посланца самого Неба, тем более что и раньше они относились к нему с большой любовью. Все ждали от Янь У такого же справедливого и гуманного правления, как и в прежние годы, связывая с ним надежды на возрождение края. Ду Фу искренне разделял энтузиазм своих сограждан, хотя ему-то были знакомы не только хорошие, но и дурные стороны натуры Янь У - его вспыльчивый нрав, заносчивость, склонность к роскоши и безрассудному мотовству. Поэт подчас мягко увещевал своего друга, призывая его к той скромности и непритязательности, которые отличали лучших людей древности. Случались меж ними и ссоры, но при этом Ду Фу продолжал искренне уважать Янь У, глубоко ценя его дружбу. Кроме того, Янь У был для поэта не только другом, но и покровителем, готовым помочь в трудную минуту, и лишь благодаря ему Ду Фу смог вновь поселиться на берегу Реки Ста Цветов.

Едва лишь показалась вдали соломенная крыша дома, залаяли собаки и закричали соседские петухи, у Ду Фу гулко забилось сердце и, как писалось в древности, он «стал от нетерпения вытягивать шею». Жена и дети тоже высовывали головы из окон и привставали с сиденья, а Жеребенок от избытка радости даже выскочил из коляски и побежал впереди лошадей. Когда открыли ворота, прежде всего увидели четыре маленьких сосны, посаженных Ду Фу незадолго до отъезда. Сосны чудом сохранились и выжили - зеленые и стройные, они тянулись вверх, к весеннему солнцу. Ду Фу бережно полил их и взрыхлил под ними землю, а затем по-хозяйски обошел двор, заглянул во все уголки, испытывая ту острую радость узнавания, которая появляется вблизи родных мест.

Заросшая мхами,
тропинка выходит к реке,
Под старым навесом
цветы, как и прежде, стоят.
Давно я покинул
родное жилище мое
И вновь возвращаюсь
в весенний запущенный сад.
Стою, опираясь о посох,
у старых камней,
Бочонок вина

выношу на прибрежный песок.
Далекие чайки
над заводью тихо скользят,
И ласточек легкую стаю
несет ветерок.
Хотя нам бывает и трудно
по жизни идти,
Не ведаем, много ль иль мало
еще проживем.
Когда протрезвею,
вина себе снова налью
И снова почувствую с радостью:
это мой дом!
(«Возвращение весной»)

Приведя в порядок соломенную хижину, починив местами прохудившуюся крышу и выдернув сорняки, заполонившие сад, Ду Фу стал, как и прежде, навещать Янь У, и тот все чаще заговаривал о том, чтобы поэт поступил к нему на службу. Генерал-губернатору Цзяннани нужен умный советник, а для Ду Фу чиновничье жалованье будет большим подспорьем, ведь не секрет, что в его доме часто нечего есть. Так говорил Янь У, убеждая поэта, но Ду Фу отвечал уклончиво и неопределенно. Да, он благодарит своего друга за заботу, но в его ли годы так резко менять привычный уклад! Он уже стар для служебной карьеры и оставшиеся дни хочет использовать для творчества. Поэтому Ду Фу просит уважаемого Янь У извинить его, но он готов и дальше хлебать жидкий овощной суп, лишь бы не погружаться снова в чиновничью рутину, обольщаясь несбыточными надеждами на то, что когда-нибудь ему поручат настоящее дело... Янь У принимал эти объяснения с терпеливой улыбкой, сам же снова и снова принимался убеждать Ду Фу, а однажды пожаловал к нему в соломенную хижину с вином и изысканными яствами в пирамиде лаковых коробок. В доме все переполошились, принялись перемывать посуду на маленькой кухне, укрывшейся в тени бамбуков, готовить корм для лошадей и накрывать столы для почетного гостя. Ду Фу понимал, что ему предстоит выдержать новую атаку, но теперь это было гораздо труднее: законы гостеприимства не позволяли в чем-либо отказывать гостю.

В деревне глухой, за плетеной калиткой
живу я от всех вдалеке:
Убогий шалаш под соломенной кровлей
стоит над глубокой рекой.

Мы лодку возьмем, чтобы в ней до заката
беспечно скользить по волнам, -
А чем же еще деревенский затворник отплатит
за дружбу с тобой?
(«В середине лета господин Янь У приезжает в соломенную хижину и привозит с собой вино и угощение»)

Так написал Ду Фу в стихотворении, подаренном Янь У в тот летний день 764 года, когда знатный гость посетил его хижину. Ду Фу пришлось заплатить за дружбу с Янь У не только катанием на лодке: генерал-губернатор уехал в Чэнду, заручившись согласием поэта поступить на службу. Таким образом, отказавшись от должности столичного инспектора, Ду Фу не сумел избежать службы в провинции и в то же злосчастное лето 764 года был назначен военным советником генерал-губернатора. Облачившись в красное чиновничье платье и получив особый знак, подтверждавший его полномочия, - серебряную рыбку, поэт каждое утро являлся в управу, занимал свое место за рабочим столом и, растерев тушь, принимался за составление служебных бумаг и донесений. Как военный советник, он помогал Янь У освобождать юг от тибетских отрядов, которые все еще оказывали сопротивление здесь, в Цзяннани. С одной стороны, эта деятельность отвечала внутреннему настрою поэта-патриота, но с другой стороны - Ду Фу, наученный горьким опытом чиновничьей службы, не слишком верил в то, что его доклады приносят реальную пользу. Тем не менее он отдавал все силы своей работе и часто оставался ночевать в управе, засыпая над страницами очередного доклада.

Прозрачная осень. Ночная прохлада.
Платаны у тихой реки.
Ночую один в опустевшей управе.
Смотрю на огарок свечи.
Опять моему бормотанию вторят
лишь звуки солдатских рожков,
И некому вместе со мной любоваться,
луною в осенней ночи.
Лишь ветер ненастный пылит над дорогой,
и писем никто мне не шлет.
Глухое безмолвие каменных башен, -
как трудно добраться домой!
- Сегодня моим одиноким скитаньям
десятый исполнился год:

Живу вдалеке от родимого края,
как птица на ветке лесной.
(«Ночую в управе»)

Красное платье Ду Фу (вообще чиновнику его ранга полагалось носить зеленое, но, как ближайший советник Янь У, он был отмечен особой привилегией) и серебряная рыбка, которую он держал в специальном футляре, вызывали недобрые чувства среди других чиновников, и поэт часто ловил на себе завистливые взгляды. Его подозревали в том, что было ему более всего чуждо, - в стремлении любой ценой сделать карьеру, обогнав своих молодых конкурентов. Ду Фу это казалось смешным - он в роли преуспевающего выскочки! Но злобное шипение вокруг него невольно доносилось до слуха, и поэт чувствовал себя словно в змеином болоте, где каждый опрометчивый шаг грозил гибелью. В эти дни он создал свое знаменитое «Не подозревайте!»:

Старик, ничего не достигнувший в жизни,
седеет твоя голова
И выпадут скоро последние зубы, -
тебя мне поистине жаль.
А помню, когда-то свои сочиненья
ты трижды носил во дворец
И сам удивлялся, что громкая слава
летела, как молния, вдаль.
Седые мужи из Собрания мудрых
стеною стояли вокруг.
И все, кто собрался в дворцовых покоях,
на кисть любовались твою.
В те давние годы и сам император
искусство поэта ценил;
А ныне голодный, в дырявых лохмотьях
у края дороги стою.
Я сам поседел, но с командой безусой
я вынужден дружбу водить,
Они же в лицо улыбаются льстиво,
но слышу их смех за спиной.
Хочу я сказать молодым зубоскалам:
«Прошу извинить старика.
Я вам не соперник, так стоит ли, право,
устраивать слежку за мной!»

Пока Ду Фу был занят на службе, соломенная хижина приходила в запустение, дворик зарастал травой, соседские мальчишки незаметно обламывали ветки садовых деревьев, хозяйничали на грядках, а иногда даже забирались через окно к нему в комнату, разбрасывали книги, без спросу трогали вещи. Ду Фу казалось обидной несправедливостью то, что сам он - седой, как осенний журавль, вынужден тратить последние годы на мнимое соперничество с «молодыми зубоскалами» вместо того, чтобы бродить по бревенчатым настилам горных дорог, слушая, как величественно сменяют друг друга времена года, как клокочут в земных артериях могучие токи рек, как гудит в «небесных пустотах» ветер, и земной и вселенский. Каждый час - минута - сосредоточенной тишины раскрывает ему мерцание Дао, и каждый день никчемной суеты уводит от истинного Пути. Здесь, в губернаторской канцелярии, Ду Фу словно бы живет не своей, а чужой жизнью, похожий на беспомощную старую черепаху, барахтающуюся в сетях рыболова. Доклады, над которыми он проводит бессонные ночи, уходят с императорской почтой... куда?.. в дворцовый архив, где их едят бумажные черви. Так стоит ли обманывать самого себя? Не лучше ли вернуться в соломенную хижину, как Тао Юаньмин вернулся под сень «пяти ив»?!

Ду Фу стал все чаще обращаться к Янь У с просьбой об отпуске и все реже появляться в управе. Дома он с облегчением снимал свой красный халат и, облачившись в домашнее платье, выносил циновку во двор, чтобы полюбоваться закатом. Душа его на минуту освобождалась от тяжкого гнета забот, но ночами вновь одолевали мучительные мысли о туфанях, рыскающих неподалеку, о судьбе двоюродных братьев, о родном севере:

Ночная прохлада
врывается в спальню мою,
Луна посылает на землю
мерцающий свет.
Блестят под луною
тяжелые капли росы,
Покажутся редкие звезды,
и снова их нет.
Дорогу во тьме
освещают себе светляки,
Далекие птицы
друг друга зовут над водой.
Повсюду война,
и сраженьям не видно конца, -

Зачем же я снова об этом
вздыхаю с тоской
(«Бессонная ночь»)

23 мая 765 года Янь У умер, и Ду Фу остался в Чэнду без всякой поддержки. Он решил покинуть этот город, отправившись на восток по Янцзы, а там, может быть, вернуться на север. Госпожа Ду быстро уложила в коробки вещи и переоделась в дорожное платье: она привыкла к частым переездам. Дети помогли ей отнести вещи в коляску и уселись поближе к окошкам. Ду Фу простился со своей комнатой, где он написал за эти годы так много стихов, с любимыми соснами и бамбуковой рощей. В путь!

Пять лет в Чэнду
Я нищим гостем прожил,

Потом в Цзычжоу
Прожил целый год.

Среди застав я заперт был,
И что же -

Вновь к дальним рекам
Путь меня ведет.

От бурь гражданских
Поседел я быстро,

Остаток дней,
Как чайка, буду жить.

Пусть государством
Ведают министры,

А старику
Довольно слезы лить.
(«Покидаю Шу»)

Лодка плывет меж крутых берегов Янцзы, сияет огромная луна, похожая на императорское нефритовое блюдо, в лунном свете, словно покрытые изморозью, серебрятся осенние травы, а Ду Фу вновь просыпается ночью, растирает тушь и пишет о том,

что он - «чайка между землей и небом» и его вечный жребий - скитания. Горькие строки, но в них - истинная поэзия. Так, может быть, именно страдания и беды, выпадающие на долю поэта, чеканят его стих и придают ему ту великую силу, которая в древних трактатах именовалась «движением жизни»?

В лодке с высокой мачтой
Тихою ночью плыву я.

Гладя прибрежные травы,
Легкий проносится ветер.

Мир заливая сияньем,
Светит луна, торжествуя,

И над великой рекой
Воздух прозрачен и светел.

Если бы литература
Мне помогла хоть немного:

Освободила от службы -
Вечной погони за хлебом.

Ныне ж мое положенье
Схоже своею тревогой

С чайкой, которая мечется
Между землею и небом.
(«Записал свои мысли во время путешествия ночью»)

ВОСЕМЬ СТАНСОВ ОБ ОСЕНИ

Жители небольшого городка Куйчжоу, именуемого также Городом Белого Императора и расположенного у самого входа в Ущелье Янцзы, вряд ли обратили внимание на лодку, причалившую к пристани в один из дней поздней весны 766 года. Для обитателей городка в этом событии не было ничего примечательного - у берега стояло множество таких лодок, груженных мелким товаром, и еще больше сновало их целыми днями вверх и вниз по реке. Новая лодка казалась самой обычной, а в ее пассажирах легко угадывалось обедневшее семейство северян, заброшенное судьбою в эти края. Старик с

худым лицом и седой бородой, его тихая жена и послушные, воспитанные дети - именно этим людям и принадлежала лодка - выгрузили на берег поклажу и, расспросив прохожих, где находится гостиница, двинулись в указанном направлении. В гостинице старик назвал свое имя - Ду Фу, и хозяин аккуратно занес его в толстую книгу, позвал слугу и велел проводить гостей в комнату, отнести туда вещи и заварить чай, чтобы путешественники могли отдохнуть с дороги. В комнате Ду Фу и его семейство разулись, сели на циновки, отпивая мелкими глотками душистый чай и вытирая губы салфеткой. «Вот мы и в Куйчжоу», - сказал поэт и первым поставил на столик пустую чашку.

До того как попасть в Город Белого Императора (это название городок Куйчжоу получил по имени одного из древних правителей, присвоившего себе титул Белого Императора), семейство Ду Фу проделало долгий и трудный путь по Янцзы, останавливаясь на разные сроки в Жунчжоу, Чжунчжоу и других местах. Самой долгой была остановка в уезде Юньань - Облачное Спокойствие, - где Ду Фу пролежал больной осень и зиму 765 года и почти всю весну 766 года. В конце весны он поправился, и они снова сели в «лодку с высокой мачтой», чтобы плыть дальше. Река была чиста и прозрачна; прибрежные ивы зеленели совсем по-летнему, как бы говоря о том, что пора уже прощаться с весной. Люди повсюду толковали о посевах, о будущем урожае, о том, будут ли дожди, а Ду Фу смотрел на залитые солнцем горы и, казалось, понимал все, что чувствуют звери и птицы - там, вдалеке, на горных склонах. Чем ближе к Куйчжоу, тем ровнее становились берега, словно великий Юй, мифический усмиритель Великого Потопа, на славу потрудился здесь, сдвигая с места горы и выравнивая остроконечные пики. Вскоре за поворотом реки показались городские стены и башни, крыши многоярусных буддийских пагод, причалы для лодок и будка чиновника, ведающего всеми делами на пристани. Полуденное солнце отвесно падало на согнутые спины грузчиков, с мешками снующих по трапам, на лотки торговцев, раскладывающих на набережной свои товары, на бамбуковые шляпы рыбаков, возвращающихся с утренней ловли. Та же жизнь, что и везде!

Проведя в городе некоторое время, семейство Ду перебралось в гористую местность к северо-западу от Куичжоу: здесь было тише, спокойнее, и Ду Фу отдыхал от городского шума. Любивший горы, словно настоящий южанин, Ду Фу готов был уподобиться поэту Се Линъюню, который изобрел для себя специальные «альпинистские» ботинки со съемными шипами, позволявшие взбираться на самые крутые вершины. Чистый

горный воздух целителен для легких, и Ду Фу - почти как Се Линъюнь - бродил по горным тропам, слушал удары колокола в буддийском монастыре, спускался в долины, разговаривал с людьми - рыбаками, дровосеками, крестьянами. Ему хотелось ощутить то, что древние называли «фэн» - «веянье местных нравов», и ои открывал для себя поистине любопытные вещи. Удивительные люди эти куйчжоусцы! Мужчины у них занимаются домом - варят, парят, разводят кур и цыплят, а женщины выполняют самую тяжелую работу. Больно смотреть, как, согнувшись в три погибели, они тащат на рынок вязанки хвороста, получают горсть мелких монет и снова с топором поднимаются в горы. Но и этой тяжелой участи они рады, потому что мужчин в этих краях меньшинство (к тому же многих погубила война), и иным женщинам до седых волос не удается выйти замуж и приходится носить девичий наряд. Находятся злые насмешники, утверждающие, что женщины Куйчжоу попросту очень некрасивы, потому-то и не берут их замуж, но насмешникам не мешало бы вспомнить, что сама Ван Чжаоцзюнь, знаменитая красавица древности, была родом из этих краев.

Устроившись и осмотревшись на новом месте, изучив здешний уклад жизни, Ду Фу решил заняться разведением овощей. Нужно было кормить семью, а теплое южное солнце, хорошо согревавшее землю, и устойчивый климат этих мест обещали щедрый урожай. Правда, куйчжоусцы испытывали трудности с водой: из-за особенностей почвы здесь не рыли колодцев, а подводили к полям и огородам воду горных источников - иногда на довольно значительное расстояние. Вот и Ду Фу пришлось прокладывать водопровод из бамбуковых труб, затратив на это много труда и денег. Однако его старания не принесли результата: лето 786 года выдалось на редкость засушливым, и все посевы погибли. С горечью смотрел поэт на сухую, потрескавшуюся землю, на которой ничего не взошло, и тоненькую, словно ниточка шелкопряда, струю воды, сочившуюся из бамбуковой трубы. Потерпев неудачу с выращиванием овощей, Ду Фу, как истинный куйчжоуский мужчина, стал разводить цыплят, утешая себя тем, что куриным мясом он сможет накормить семью не хуже, чем салатом и луком. К тому же в народе говорят, будто бы мясо черных куриц помогает лечить ревматизм, от которого поэт жестоко страдал последние годы. Одним словом, разведение цыплят сулило немало выгод, и Ду Фу с женой купили по сходной цене петуха и несушек и поселили их во дворе, усиленно заботясь о том, чтобы им хватало корма и чтобы горные лисицы, рыскающие здесь по ночам, не смогли пробраться в куриный загон.

На этот раз результаты стараний Ду Фу и его жены превзошли все ожидания - несушки так быстро расплодились, что вскоре их вместе с цыплятами насчитывалось около пятидесяти. Они бегали по двору, проникали в дом, забирались на стулья и опрокидывали на столах тарелки. Повсюду стоял такой писк, что Ду Фу не знал, куда деваться с бумагой и письменными принадлежностями: писать стихи было просто невозможно. В конце концов они с женой почти возненавидели красные гребешки своих цыплят, и Ду Фу велел сыновьям смастерить для них клетки и рассадить цыплят в соответствии с возрастом, чтобы в случае драки сильные не забили насмерть слабых.

В мелких заботах, будничных радостях и огорчениях быстро промелькнуло лето и наступила осень, прохладная, ясная, с редкими дождями. В Куйчжоу прибыл новый губернатор - господин Бо, которого Ду Фу хорошо знал, поскольку они некогда вместе служили под началом Янь У. Губернатор Бо дружески относился к Ду Фу и, видя его неудачные попытки наладить домашнее хозяйство, взял поэта на службу частным секретарем. Эта должность не требовала каждодневного присутствия в управе и скучного сидения над бумагами: Ду Фу быстро справлялся со своими обязанностями, а остальное время гулял, навещал друзей и сочинял стихи. Заботясь о том, чтобы у поэта были надлежащие условия для творчества, губернатор даже предложил ему поселиться в жилых комнатах Западной Палаты - удивительного по красоте здания, одной из достопримечательностей Куйчжоу. Ду Фу согласился, и вот слуги перенесли его книги и вещи в новое жилище. Здесь поэту никто не мешал, - целыми днями он писал стихи, а в перерывах между занятиями поднимался на верхнюю террасу с красной резной балюстрадой, покрытой лаком, и оттуда любовался городом, желтеющими листьями клена, цветущими в садах хризантемами:

Волны на стрежне встают в полный рост,
в небе самом волненье.
Тучи над крепостью ветер сплотил,
слил их с земною тенью.
Лес хризантем снова в цвету...
слезы иных дней жизни.
Челн одинокий в вечном плену...
сердце в садах отчизны.

Это стихотворение стало началом замечательного цикла «Восемь стансов об осени», созданного поэтом в 766 году. Поднимаясь на террасу Западной Палаты, Ду Фу видел не только

закатное солнце над городскими стенами Куйчжоу, тысячи маленьких домиков, окруженных горами, голубую дымку над рекой, но его внутреннему - духовному - взору словно бы открывалась вся история, настоящее причудливо смешивалось с прошлым, реальное - с фантастическим:

Обитель горная - дворец Пэнлай -
к Наныланъ вратами обращен.
Злащеный столп Чэнлу...
там, где Небесная река и дождь времен.
На западе пруд Яшмовый - в него
царица-матерь Запада вошла.
С востока фиолетовая мгла
уже заставу Хань обволокла.
Два облака - Фазаньих два хвоста,
два опахала овевают трон.
В короне солнечной дракона чешуя,
лик государя озарен...
(Стихотворение пятое)

Дворец Пэнлай, обитель бессмертных, небесный прообраз Великого Лучезарного Дворца императора Сюаньцзуна... горы Наньшань, расположенные к югу от него... злащеный столп Чэнлу - Принимающий росу... Яшмовый пруд, в котором купалась Ян Гуйфэй, удостоенная сравнения с самой Сивапму - матерью-царицей Запада... пограничная застава Хань, которую некогда миновал философ Лаоцзы, покидая Китай и отправляясь в Индию... - эти причудливые картины, проносившиеся в воображении поэта, как бы связывали воедино «древнее и современное», мифическое и легендарное прошлое с недавней историей тайской династии.

Полог жемчужный, резные столбы,
желтых цапель парад.
Вожжи парчовые, бивни мачт,
белые чайки парят.
Сил нет смотреть: жаль эту даль...
пляски минувших дней.
Самое сердце Циньской земли...
вотчина древних царей.
(Стихотворение шестое)

Кончилась благодатная осень 766 года, подарившая поэту

счастливые дни вдохновения, а вскоре окончилась и его служба у губернатора Бо. Желая отблагодарить Ду Фу за честную службу, а заодно под благовидным предлогом помочь поэту деньгами, губернатор преподнес ему на прощание тяжелую связку монет - сумму, достаточную для того, чтобы ближайшие годы не думать о куске хлеба. Ду Фу был смущен и обрадован, не зная, что ответить доброму Бо. Слезы выступили из глаз поэта, пытавшегося подобрать слова признательности: разве он заслужил... разве достоин!.. Губернатор с улыбкой пожал его руку: не надо ничего говорить, друзья все понимают без слов... Дома Ду Фу выложил связку монет на стол и позвал жену. Госпожа Ду не поверила своим глазам, увидев такое богатство: отныне она будет молиться за доброго Бо и его предков, а детям накажет всю жизнь помнить о человеке, спасшем их от нищеты. Но как распорядиться деньгами? Ду Фу считал, что часть денег следует отложить на черный день, а на оставшуюся сумму купить собственный дом и завести большое хозяйство, которое смогло бы их кормить, одевать и приносить ежегодный доход. Госпожа Ду была согласна, вот только найдутся ли у ее мужа силы, чтобы заниматься хозяйством? Ду Фу с его болезнями и постоянной литературной работой будет трудно выкраивать время для хозяйственных дел. Так отвечала мужу преданная госпожа Ду, но Ду Фу уверял, что чувствует себя гораздо лучше, да и к тому же у него есть надежные помощники: Медвежонок и Жеребенок стали совсем взрослыми, возмужали, заговорили ломким баском, и их сестренка тоже заметно вытянулась и повзрослела.

Решение было принято, и вскоре Ду Фу приобрел участки земли сразу в двух местах - в Восточной деревне, расположенной на берегу ручья Восточный Нан, и на западной окраине Куйчжоу, у ручья Западный Нан. Помимо земельных угодий, у семейства Ду появилось два небольших домика с хозяйственными постройками, терраса, просторный павильон, цветник, фруктовый сад с апельсиновой рощей и рисовое поле. Добираясь на ослике от одного ручья до другого, Ду Фу любовался стройными рядами фруктовых деревьев, цветочными грядками и посадками риса, спускающимися к реке. Чтобы управляться со всем этих хозяйством, собственных рук, конечно, не хватало, и семейству Ду пришлось нанять слуг и работников. Ду Фу впервые ощутил себя хозяином, под надзором которого пашут, сеют, поливают ранние всходы, собирают урожай, молотят, ссыпают в мешки зерно и увозят на продажу. А заготовка дров, починка изгороди вокруг дома, уход за лошадьми - об этом тоже надо вовремя позаботиться. Хочешь успеть со всеми делами - поднимайся с рассветом, и Ду Фу, едва заслышав крик петуха, открывает глаза,

набрасывает халат и надевает стоптанные туфли. Скорей, скорей взглянуть, не сорвало ли ветром крышу амбара, не побило ли градом бутоны цветов, не размыло ли дождем грядки с лекарственными травами! И так целый день: хлопоты, беспокойства, заботы. В горячую пору жатвы или сева некогда бывает присесть и погреть спину под теплыми лучами солнца. Словно ткацкий челнок, он мечется между Западным и Восточным Наном, отдает распоряжения слугам, принимает сделанную работу, распределяет обязанности на следующий день: кого послать на прополку, кому поручить полив огорода, с кем отправиться за хворостом или на ловлю рыбы. Рядом с Ду Фу его сыновья - стараются помогать отцу, поддерживают под руки, когда он устает от ходьбы, следят, чтобы ему не напекло голову, чтобы ветром не просквозило поясницу. Дочь с матерью хозяйничают на кухне, гремят сковородами, подбрасывают в печь хворост, режут овощи на обед...

Ду Фу любит повторять, что отныне ему приходится делить время между занятиями сельским хозяйством и литературой. Часто он с нетерпением дожидается часа, когда можно достать бумагу и тушь, воскурить благовония, заварить крепкого чаю и поработать над начатым стихотворением. Стихов он пишет много - иероглифы столбцами заполняют бумагу, и на среднем пальце руки, держащей кисть, вспухает бугорок мозоли. Все, кому он читает новые строки, от восхищения привстают на месте, хватаются за бока и хлопают в ладоши, но сам Ду Фу редко бывает доволен. Ему кажется, что в прежние времена писали лучше, и он чувствует себя учеником великих поэтов - Цюй Юаня, Ян Сюна, Се Линъюня, Тао Юаньмина. Закончив стихотворение, Ду Фу снова торопится в сад или в поле. Всем, чем дарит его земля, он щедро делится с соседями и, если деревенские мальчишки забираются в сад, не сердится, не топает ногами и не грозит им ивовым прутом. Наоборот, Ду Фу позволяет рвать самые спелые мандарины, желтеющие на ветках, словно слитки золота: набирайте вдоволь, только не ломайте ветки и не вытаптывайте землю под деревьями. Мальчишки не заставляют себя долго упрашивать и вскоре сами становятся похожими на деревья, обсыпанные плодами. Ду Фу провожает их до калитки, и вот уже мальчишки бегут по улице, поднимая пятками пыль и роняя душистые мандарины, но прежде, чем исчезнуть за поворотом, останавливаются и хором кричат: «Спасибо, дядюшка Ду!» - «Пожалуйста, пожалуйста, приходите еще», - бормочет в ответ Ду Фу и машет им рукой на прощание. Мальчишки не единственные посетители его сада. Старая крестьянка, живущая неподалеку, частенько наведывается к нему за финиками, и Ду

Фу всякий раз делает вид, будто не замечает, как она уносит домой полную корзину. Кто знает, может быть, бедной женщине нечего есть, кроме сорванных в чужом саду фиников, и разве он вправе лишить ее последнего куска! Поэтому Ду Фу не подсчитывает убытки и всегда предупреждает гостящих у него родственников и друзей, чтобы и они не прогоняли бедную крестьянку.

Тот, кто отдает, счастливее того, кто берет. Ду Фу верен этому правилу всю жизнь, поэтому и здесь, в Куйчжоу, он чувствует себя счастливым. Жаль только, здоровье то лучше, то хуже. Однажды поэт решил вспомнить молодость и, словно во времена юношеских странствий по берегам Хуанхэ, промчаться верхом на коне, но не удержался в седле и упал, с трудом доплелся до дома и долго пролежал больной, принимая отвары из трав и настои целебных корней. С этих пор здоровье Ду Фу ухудшилось, и домашние все чаще слышали кашель и глухие стоны, доносившиеся из его комнаты. Падение с лошади словно разрушило тоненькую перегородку, сдерживавшую напор застарелых болезней, и теперь они обрушились, подобно реке, прорвавшей плотину. Болели ноги, мучили приступы лихорадки, но, что самое печальное, Ду Фу почти потерял слух, и жене приходилось объясняться с ним жестами или писать на бумаге свои вопросы и ответы. В погожие дни он с посохом в руке выходил из дома - взглянуть на оленей, пасущихся в горах, порадоваться запаху созревающих колосьев риса, но, сделав несколько шагов, возвращался назад. Жена укладывала его в постель и растирала ноги змеиной мазью. Ду Фу спрашивал, как дела в поле, в саду, в огороде. Жена рассказывала ему обо всем - подносила к глазам листки бумаги. Он читал, кивал головой, улыбался. Затем брал кисть, переворачивал обратной стороной исписанную бумагу и набрасывал несколько стихотворных строк.

Я подобен.
Белой обезьяне,

Плачущей
Во время снегопада.

К временам
У-да и Кай-юаня

Нам давно бы
Возвратиться надо.
(«О чем вздыхаю»)

Годы правления под девизом У-дэ и Кай-юань - времена расцвета танскои династии и времена юности Ду Фу. Вот почему он вспоминает о них с такой болью.

СТРАНСТВИЯ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Летом 767 года Ду Фу навестил двоюродный брат Ду Гуань, приехавший с севера, из местечка Ланьтянь, и эта встреча вновь вызвала в поэте мысли о возвращении. Братья говорили о заброшенном фамильном кладбище, за могилами которого никто не следит, об оставшихся без присмотра домах в Яныни, где некогда жили их предки, о заросших бурьяном полях и огородах, над которыми стаями летают вороны. Разбросанные войнами по всему Китаю члены семейства Ду должны наконец собраться вместе, на своей земле, - иначе их роду грозит бесславная гибель. Нет ничего хуже смерти в чужом краю, среди чужих людей, вдалеке от родины. Поэтому их долг - вернуться в родное отечество и, расчистив от бурьяна древнее поле, вспахать на нем первую борозду. Вот только хватило бы сил и здоровья тронуться с места - для Ду Фу это самое важное. Благодаря заботам жены он снова чувствует себя лучше, но надолго ли эта перемена! Не свалит ли в дороге лихорадка, не отнимутся ля ноги, не подведут ли больные легкие?! И Ду Фу решил отложить свой отъезд до осени, чтобы набраться побольше сил, укрепить себя лечебными травами и не спеша снарядиться в путь. Ду Гуань отправился обратно в Ланьтянь, где у него осталась жена, и братья условились, что осенью Ду Гуань встретит Ду Фу в Данъяне и они вместе поднимутся на Башню Ван Цапя, названную так в честь древнего поэта, одного из «Семи цзяньаньских мужей», окружавших трон Цао Цао. Однако Ду Гуаню пришлось надолго задержаться в Ланьтяне, и Ду Фу перенес свой отъезд на зиму, затем отложил до весны, а затем - до осени 768 года. Причиной новой отсрочки послужило то, что в район Чанъани снова вторглись тибетцы и переселяться туда с семьей было опасно. Казалось, сама судьба чинила ему препятствия, заставляя менять намеченные планы, но вот из столицы Чанъань донеслись вести о том, что захватчикам дан отпор: это случилось под самый Новый год, и Ду Фу в который раз задумался о возвращении. Он понял, что медлить больше нельзя. Пройдет еще три-четыре года, и он уже не сможет подняться с постели, а пока есть силы, надо решаться. Сейчас или никогда. Ду Фу дождался того момента, когда семья соберется за праздничным столом, когда зажгут

разноцветные фонарики и вынесут блюда с овощами, фруктами и прочими яствами, и под звуки новогодней музыки объявил о своем решении. Госпожа Ду опустила глаза, и в ее руках задрожали костяные палочки для еды. В кои-то веки им выпала удача и они обзавелись собственным домом, сумели наладить хозяйство, приносящее постоянный доход, - неужели все это бросить?! И ради чего?! Ради новых скитаний и странствий?! Заметив, как опечалилось лицо жены, Ду Фу подошел к ней и обнял за плечи. Он догадывался, о чем она думает, - эти мысли и ему добавили морщин. Но Ду Фу хорошо знал и о том, что жена не может но думать о родном севере и эта, главная, мысль для нее дороже всех остальных. И действительно, на следующий день госпожа Ду стала потихоньку собираться в дорогу, а Ду Фу вместо новогодних визитов отправился договариваться о продаже домов и хозяйственной утвари. Покупатель вскоре нашелся, и они составили купчую, в которую не вошел лишь фруктовый сад, подаренный Ду Фу одному из друзей. Семейство Ду простилось со слугами и работниками, трудившимися у них в поле, и нагруженная вещами лодка взяла курс на Цзянлин.

В Цзяилине Ду Фу встретили друзья - Чжэн Шэяь и Ли Чжифан, которых поэт знал уже много лет. Первый был отшельником, построившим себе хижину в окрестностях Цзянлина, второй - крупным чиновником, но, несмотря на это, Ду Фу к обоим относился с одинаковой теплотой и любовью. Он решил задержаться в Цзяилине: встреча с друзьями могла быть последней, и Ду Фу хотелось, чтобы она надолго осталась в памяти. Они катались в коляске по городу, бродили узкими улочками, закрываясь зонтиками от весеннего солнца, любовались цветущей зеленью садов с «горами и водами», разговаривали с уличными торговцами, слушали проповедь в буддийском храме, поднимались на городскую стену и смотрели на белые паруса лодок, скользивших по Янцзы. Случалось, их приглашали в гости, и друзья пировали до глубокой ночи, и пока не гасла луна, сочиняли стихи в жанре «нанизанные строки» - Ду Фу писал на листке бумаги две первые строки, затем две строки добавлял Ли, затем - Чжан, а затем - хозяин дома. Эта игра требовала не только поэтической сноровки, но и чувства истинной дружбы между всеми участниками: лишь в этом случае из «нанизанных строк» рождалось законченное стихотворение. Помимо старых друзей, Ду Фу навещал в Цзянлине и своего троюродного брата Ду Вэя, служившего под началом могущественного Вэй Боюя - генерал-губернатора южных областей. Пышные празднества, устраиваемые Вэй Боюем, не так привлекали Ду Фу, как дружеские пирушки с Чжэн Шэнем и Ли

Чжифаном, и, избегая общества знатных особ и местных богачей, он не слишком охотно принимал приглашения. Промелькнуло лето, и началась осень 768 года. Ду Фу отправился в небольшое путешествие на юго-восток от Цзянлина, но вскоре вернулся, получив известие о смерти друга: Ли Чжифан болел уже около года, но никто не ожидал, что развязка наступит так скоро. Стоя у гроба, накрытого легкой прозрачной тканью, Ду Фу думал о том, что будущие историки по достоинству оценят заслуги «министра Ли», который сделал много полезного на своем посту, а знатоки стиха будут с восхищением повторять его лучшие строки: Ли Чжифан «утвердил свое имя» в памяти потомков.

Похоронив друга и совершив положенный траурный обряд, поэт продолжил путь на север, но его остановили слухи об очередном вторжении тибетцев. Поистине многострадальная столица Чанъань не ведала покоя, и, словно волны разбушевавшейся реки, на нее обрушивались набеги врагов. Где приютиться? Куда повернуть лодку? Эти тревожные вопросы задавал себе Ду Фу, подсчитывая последние деньги и вытряхивая последние крошки еды из дорожных корзин. К счастью, в уезде Гунъань нашелся человек, согласившийся приютить семейство Ду - некий образованный господин Вэй, собиратель редких книг и большой любитель литературы. Он с почтением отнесся к знаменитому поэту и предложил остаться в его доме. Ду Фу с благодарностью принял приглашение: исхудавший, осунувшийся, больной, он мечтал хотя бы о коротком отдыхе. Господин Вэй отдал в распоряжение гостей лучшие комнаты и позаботился обо всем необходимом: о бумаге и письменных принадлежностях для Ду Фу, зеркале и туалетном столике для его жены. Вскоре забулькала вода в бронзовом котелке для чая и с кухни стали доноситься запахи вкусного жаркого. После обеда гости хорошо отдохнули, а затем господин Вэй пригласил Ду Фу на прогулку. Садилось солнце над рекой, сверкала роса на головках подсолнухов. Хозяин и гость беседовали о литературе, читали наизусть древних поэтов, а из сада долетали голоса детей, бросавших камушки в искусственное озеро и забиравшихся на искусственные горы...

Наша лодка отчалит в туманную даль
от высоких речных берегов.
Чтобы снова скитаться в озерном краю
и приюта нигде не найти.
Скоро все, чем мы были так счастливы здесь,
станет прошлым далеким для нас,
Только связка душистой целебной травы:

будет вечно со мною в пути.
(«На рассвете покидаем Гунъань»)

Эти стихи написаны в начале февраля 769 года, когда семейство Ду покидало гостеприимный дом господина Вэя, где они прожили часть осени и всю зиму. Это время было коротким и счастливым отдыхом для поэта, которого ожидали новые странствия: в Гунъане, на берегу одного из притоков Янцзы, Ду Фу оправился от болезней и собрался с силами, чтобы плыть дальше. Но куда? На севере, в районе Чанъани, по-прежнему хозяйничали тибетцы, поэтому в конце концов семейство Ду оказалось на восточном берегу озера Дунтин - в местечке Юэчжоу, где только-только начиналась весна и рыбацкие сети еще висели замерзшими возле хижин. С озера Дунтин, на котором Ду Фу уже приходилось бывать, по-зимнему веяло холодом, и дикие гуси пролетали в вышине, под серыми облаками, похожие на призраков. Нынешняя зима была тяжелой для здешних жителей, и Ду Фу столкнулся в Юэчжоу с картинами ужасающей бедности. Бесконечные войны разорили рыбаков и крестьян, вынужденных продавать в рабство собственных детей, чтобы уплатить налоги. Заунывные звуки солдатских рожков доносились с городских стен, и сигнальные огни вспыхивали в темноте холодными ночами. Оставаться в этих местах, конечно же, было нельзя, и Ду Фу с семьей отправились дальше на юг, к устью реки Сян. Мелькали речные заводи, паруса рыбачьих лодок, прибрежные деревеньки. Несколько месяцев семья провела в Хэнчжоу, вынужденная сделать остановку из-за обострившихся болезней Ду Фу: поэт вновь почти не поднимался с постели, и здешние врачи лечили его с помощью традиционных методов китайской медицины - иглоукалывания и прижигания. Нанятые Ду Фу лодочники проводили время в винных лавках, бесцельно бродили по городу, гоняли по зеленой лужайке набитый шерстью кожаный мяч и каждый вечер бранились из-за затянувшейся остановки. Госпожа Ду пыталась их успокоить, но единственным средством, способным на них подействовать, были деньги, а их-то как раз отчаянно не хватало.

Лодочники день ото дня становились все мрачнее, подолгу перешептывались по углам и бросали косые взгляды на раздвижные двери, за которыми лежал больной старик с редкими седыми волосами, умеющий лишь водить кистью по бумаге и читать нараспев стихи. Зачем им такая обуза! Не наняться ли к другим хозяевам, которые вкуснее накормят и больше заплатят, а эти полунищие бродяги пусть сами плывут дальше! К счастью,

иглоукалывание и прижигание помогли Ду Фу подняться, и к лету 769 года все его семейство перебралось в Таньчжоу. Там они расплатились с лодочниками и на оставшиеся деньги сняли небольшой домик возле реки. Ду Фу надеялся отыскать здесь друзей. Как часто в его жизни друзья протягивали ему руку - вот и сейчас горсть монет и мешочек муки были бы для него спасением. Поэтому, устроив семью на новом месте, поэт отправился на поиски, но вернулся почти ни с чем: те, кого удалось найти, сами были слишком бедны, чтобы давать в долг. Семья стала бедствовать: на обед они варили жидкий суп, в котором плавали головка лука и скудная огородная зелень. Дети чувствовали постоянный голод, украдкой пробирались на кухню, заглядывали в пустые миски. Сам Ду Фу почти ничего не ел, оставляя последние крошки детям, и все больше напоминал скелет, обтянутый кожей. Глухота усиливалась. В мае 770 года ко всем этим несчастьям добавилось еще одно: в Таньчжоу вспыхнул мятеж. Всадники с горящими факелами мчались по улицам, врывались в дома, грабили и убивали. Семейству Ду снова пришлось бежать. Началась последняя пора их скитаний.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Весь день над рекой шел снег, кружась в воздухе лепестками цветущей сливы, покрывая белым траурным нарядом берега, крыши крестьянских домиков, голые ветки утуна и пятнистые стволы бамбука, а к вечеру «небесный эфир» внезапно прояснился, тучи рассеялись, и в природе наступило удивительное состояние, которое так любили изображать художники - просветление после снегопада. Сквозь тонкую облачную дымку, словно откуда-то из другого мира, светило солнце - туманное, призрачное, неясное, и все вокруг казалось застывшей картиной волшебного фонаря. Каждый, кто плыл в это время по реке, невольно останавливался, и лодочники поднимали шесты над водой, чтобы не нарушать вечерней тишины. Ду Фу, чья лодка стояла привязанной к берегу, тоже вышел на палубу и долго смотрел на прояснившееся небо, на реку, глубоко вдыхая влажный и мягкий, пахнущий снегом воздух. Его домашние отправились в ближайшее селение за покупками, а он остался сторожить лодку. И вот - такое чудо! Боишься поверить своим глазам, глядя на призрачный полусвет солнца, сквозящего в облачной дымке, на выступившие из пасмурной мглы склоны далеких гор, на заснеженные перила моста, перекинутого через реку. Боишься и с сожалением думаешь, что эта волшебная картина скоро исчезнет и вместе с ней исчезнет та радость,

которая после долгих дней тоски и отчаяния ожила в груди...

Бегство из Танъчжоу было особенно трудным и опасным. На дорогах хозяйничали мятежники, опрокидывавшие коляски чиновников и крестьянские телеги, грабившие редких прохожих, а госпожа Ду несла на руках дочурку, которую еще не отняли от груди. Она родилась совсем недавно - младшая дочь Ду Фу, - родилась словно бы вопреки всем тяготам их жизни. И удивительное дело, с ее рождением им стало не труднее, а *легче,* хотя в семье прибавилось забот, увеличились расходы, а случайных заработков Ду Фу едва хватало на муку и овощи. Маленькое существо, лежавшее в пеленках, словно объединило их всех, помогло переносить лишения, и, стоило склониться над колыбелькой, как все плохое забывалось и они чувствовали себя счастливыми. Ду Фу, нянчивший дочурку все свободное время, как бы помолодел, морщины на лице разгладились, щеки зарозовели и округлились. Девочка стала для него самым дорогим и любимым существом на свете, и поэт готов был, подобно духам-хранителям дверей, защищать ее от несчастий и бед. И вот теперь опасность заставила их бежать. Спотыкаясь о корни деревьев, раздвигая ветки, царапавшие лицо, сбивая в кровь ноги, они пробирались сквозь лесную чащу, ночевали у костра и со страхом прислушивались к голосам диких зверей. Затем плыли в лодке, стараясь, чтобы их не заметили с берега, и по ночам не зажигая огней. В Хэнчжоу остановились у господина Ян Си, правителя здешних мест, и снова поплыли дальше. Ду Фу надеялся добраться до Чэньчжоу, где служил один из его дальних родственников. После нескольких дней пути начались проливные дожди, река Лэй, по которой они плыли, вышла из берегов, течение усилилось, и семейству Ду пришлось причалить к берегу. Вымокшие до нитки, голодные и продрогшие, они метались от дома к дому в поисках ночлега. Закрывая от дождя дочурку, Ду Фу стучал в двери, говорил, кто они и откуда, умолял о помощи.

Наконец над ними сжалились и впустили, а вскоре правитель Лэйяна, узнавший о несчастьях семьи Ду Фу, прислал в подарок вина и мяса и пригласил их к себе: это было нежданным спасением. Самое страшное осталось позади, и теперь Ду Фу беспокоился лишь о том, чтобы не заболела дочурка, попавшая под проливной дождь. Каждую минуту он приподнимал край одеяльца и заглядывал ей в лицо: нет ли признаков жара, не блестят и не слезятся ли глаза? Вместе с женой они приняли все меры предосторожности, напоив девочку целебным отваром и растерев ее тельце сухим полотенцем. Казалось, опасность отступила, но девочка все же заболела - правда, это произошло позднее, в конце лета, когда семья вернулась в город Таньчжоу,

освобожденный от мятежников правительственными войсками. Домик на берегу реки встретил их хмуро и неприветливо. Словно предсказывая трагический исход болезни, на прибрежный песок накатывали большие волны, грозовые тучи ползли по небу, и вспыхивали молнии. Несколько недель Ду Фу с женой боролись за жизнь дочурки, но спасти ее не смогли: девочка умерла. Ее похоронили на здешнем кладбище, под зеленой сосной, - такой же маленькой, как и она сама. После похорон Ду Фу еще больше сгорбился, лицо прорезали глубокие морщины, глаза покраснели от бессонницы. Надо было продолжать жить, и каждое утро он садился за рабочий столик, привычно растирал тушь, брал кисть из нефритовой подставки, но рука отказывалась писать. Зачем эти столбики письменных знаков, если на свете нет любимого крошечного существа, тоненьким голоском подзывающего к себе и требующего заботы, ухода, ласки! Он отдал бы все - мудрость древних философов и вдохновение великих поэтов, - лишь бы снова услышать голос дочурки и качнуть подвешенную на веревках плетеную люльку. Но приговор судьбы не изменишь, и, понимая это, Ду Фу снова заставлял себя работать. Он должен кормить жену и старших детей: безделье - слишком большая роскошь для бедняка, едва зарабатывающего на жидкий овощной суп.

Так проходили недели и месяцы... Ду Фу с женой молча встречались за завтраком, молча прощались перед сном. Казалось, что радости в доме больше не будет. И вот, оставшись сторожить лодку, Ду Фу увидел среди облаков прозрачное зимнее солнце. Просветление после снегопада! Значит, есть еще надежда! Значит, радость еще вернется, и измученный болезнями поэт в холщовом платье бедняка еще напишет строки, которые будут звучать в веках.

О, если б
Переплавить мы могли

Доспехи
На орудия труда,

Чтоб каждый дюйм
Заброшенной земли

Перепахать.
И было б так всегда.

Чтобы крестьянин

Сеял в добрый час

И шелководством
Занялся опять;

Чтоб патриоту,
Как теперь у нас,

Не надо было
Слезы проливать;

Мужчины в поле
Выполняли б долг,
И пели женщины,
Мотая шелк.
(«Песнь о хлебе и шелковичных червях»)

ДУ ФУ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Ду Фу умер зимой 770 года. Последние годы жизни он провел на юге, вдалеке от столицы и фамильного гнезда в Янышпи, разлученный с двоюродными братьями, потерявший старых друзей. К тому времени уже умерли Ли Бо, Ван Вэй, ученый Чжэн; 17 февраля 765 года в Чанъани скончался Гао Ши. Храбрый рыцарь Гао, спутник юношеских скитаний Ду Фу, возлежал на пышно убранном траурном ложе, и каждый, кто встречал его катафалк на улицах Чанъани, понимал, что хоронят важную и значительную персону. Под конец жизни Гао Ши достиг высоких чинов и званий - возможно, это отчасти повлияло на его отношения с Ду Фу. Храбрый Гао многим помог поэту на юге, но их взаимные дружеские чувства, столь поэтично выраженные в стихотворных посланиях, не могли полностью сгладить разницу положения: с одной стороны, могущественный губернатор, перед которым трепещет целая область, а с другой - странствующий стихотворец, живущий на случайные заработки. Думается, Гао Ши нет-нет да и позволял себе по отношению к Ду Фу покровительственный тон наставника. В южной лирике поэта попадаются намеки на то, что его друг пытался убедить отшельника из соломенной хижины вернуться на службу и карабкаться дальше по служебной лестнице. Конечно, в Ду Фу это вызывало протест и несогласие, и он решительно отказывался последовать советам друга.

Некоторые источники говорят о том, что Ду Фу не всегда

соглашался с Гао по вопросам военной стратегии (мы помним, что поэт составил не одно донесение трону с предложениями по военным вопросам). Особенно это проявилось во время долгой и затяжной войны с тибетскими племенами туфаней. Когда туфани захватили южную область Лунъюй, Гао Ши пытался атаковать их, но неудачно. В результате противник укрепился в Сунчжоу и других областях, получив выгодные позиции для дальнейшего наступления. Ду Фу откликнулся на эти события стихами, причем в одном из стихотворений, как отмечает биограф поэта У. Хаи, «выражено чувство разочарования в Гао». Как в полководце, добавим мы. Ду Фу продолжал искренне любить своего друга, но в то же время не мог простить ему то, что из-за его стратегических просчетов область Сунчжоу была отдана врагу.

Среди людей, с которыми Ду Фу был особенно близок на юге, следует назвать и Янь У - интересную и отчасти загадочную фигуру. Если основываться только на текстах Ду Фу, то Янь У предстает чуть не как идеальный правитель древности, чья неутомимая деятельность на посту генерал-губернатора снискала ему любовь и поклонение простого народа. Правда, одно стихотворение поэта, в котором он демонстративно отказывается от слишком богатого и щедрого подарка, трактуется комментаторами как своеобразное предостережение Янь У. Если принять эту трактовку - а для этого есть все основания, - то придется признать за Янь У склонность к роскоши и расточительству, как мы уже говорили, всегда осуждавшуюся строгой китайской традицией. Однако другие источники на этом не останавливаются, приписывая Янь У качества, делающие его чуть ли не злодеем. Наибольшую тень на генерал-губернатора Цзяннани бросает «Новая история династии Тан», один из эпизодов которой изображает Ду Фу и Якь У как открытых врагов. Если верить «Новой *история»,* Ду Фу позволил себе не слишком уважительно высказаться о Янь У, а тот готов был в отместку казнить поэта, и лишь своевременное вмешательство матери Яня сохранило ему жизнь. Могло ли это быть в действительности? Думается, вряд ли, и, по-видимому, правы те исследователи, которые ставят под сомнение свидетельство династийной хроники. Приведенный в ней эпизод обладает всеми признаками исторического *анекдота,* приписывающего действительно существовавшим людям вымышленные слова и поступки. В данном случае так произошло и с Янь У, который из исторического персонажа превратился в героя ходячих «рассказов об удивительном».

И наконец последнее. Где и при каких обстоятельствах умер Ду Фу? В «Старой истории династии Тан» *об* этом говорится так:

«Живя в Лэйяне, Ду Фу посетил здешний храм Юэ, где его задержало внезапное наводнение. Десять дней он провел без пищи. Правитель Лэйяна, узнав об этом, сам отправился за ним на лодке. Это случилось на втором году правления под девизом «Юн тай». Съев мяса и выпив белого вина (сразу после голода. - *Л. Б.),* Ду Фу тем же вечером умер в Лэйяне». Долгое время эта версия считалась документально подтвержденной одним из стихотворений Ду Фу, посвященным правителю Лэйяна, однако У. Хан доказал, что авторы династийной истории ошиблись в датировке стихотворения: оно не было *последним* в собрании сочинений поэта. На самом деле Ду Фу умер не в Лэйяне, а в Танъчжоу, куда он с семьей вернулся после окончания мятежа. Потеря любимой дочери, безусловно, ускорила смерть поэта, а причиной ее послужила лихорадка, на которую он жалуется в последних стихах. Ду Фу был похоронен в Юэчжоу - одной из областей юга, а затем его останки перевезли на фамильное кладбище в Янына. Госпожа Ду скончалась вскоре после своего мужа.

Ду Фу оставил огромное поэтическое наследие - около 1400 стихотворений, разнообразных по размерам (от четверостишия до большой поэмы), жанрам, стилевым особенностям, а главное - разнообразных по содержанию. Ду Фу пишет обо всем - о сельскохозяйственных работах, ценах на урожай, обсуждает в стихах вопросы военной стратегии, рассказывает о ночном дежурстве в управе, сокрушается по поводу ветра, разломавшего камышовую крышу дома, благодарит за присланные в подарок саженцы сосны или связки лука. В любом, даже самом незначительном, происшествии он находит тему для стихов (в китайской классической поэзии, так же как и в живописи, тема стихотворения или картины заменяет заголовок). При этом он ничего не выдумывает, а всегда описывает лишь то, что было на самом деле. В китайской средневековой эстетике не сложилось таких понятий, как вымысел, воображение, фантазия, столь важных для поэтического творчества нашего времени. Однако китайский поэт от этого не чувствовал себя беднее - напротив, действительность в его восприятии была богаче самого изощренного вымысла. Для Ду Фу выдумывать несуществующее означало бы попросту сочинять неправду. Вот почему мы можем доверять его стихам даже в самых мельчайших деталях: понятие жизненной правды, ключевое для китайской эстетической мысли, заставляет поэта неукоснительно следовать фактам, и в большом и в малом. Многие события танской эпохи у Ду Фу переданы подробнее и точнее, чем в династийных хрониках, - не

случайно его стихи называли «поэтической историей», но Ду Фу не был бы китайским поэтом, если бы, описывая светлячка или бабочку, позволил себе малейшую неточность. Для китайского поэта знание дороже красоты, и красота - это лишь форма того великого знания природы, с которого начинается творчество.

В своих стихах Ду Фу нередко пишет о поэзии. Иногда это краткие, афористические суждения, иногда - пространные высказывания, но во всех случаях поэт ограничивается наиболее общим, философским определением сути поэтического творчества. Конкретных рассуждений о поэтическом ремесле, работе над стихом, вдохновении поэта у Ду Фу гораздо меньше, и исследователям обычно не составляет труда их перечислить. Однако это не означает, что у Ду Фу не было определенных взглядов на свое ремесло: молчание в данном, случае красноречивее слов. Ду Фу - это не только поэт жизненной правды, но и поэт жизни в том ее понимании, которое сложилось в средневековом Китае. Поэтому саженец сосны или связка лука - для него более возвышенный и достойный описания предмет, чем само поэтическое вдохновение. Не случайно это слово (по-китайски «шэнъ») - одно из самых редких в словаре Ду Фу, и он употребляет его как бы не в основном, а во второстепенном значении. Вдохновение поэта не абсолют для Ду Фу, а его одухотворенность - лишь отблеск одухотворенности самой жизни. Именно жизнь, природа, космос, с точки зрения Ду Фу, наполнены высшей духовной энергией, и задача поэта - подключиться к этому источнику. Поэт - лишь сотворец собственных стихов; говоря языком Конфуция, он «излагает, но не создает». Поэт словно считывав! небесные письмена «вэнъ» и заносит их на бумагу. Он - посредник, передаточное звено, поэтому технология собственного творчества - для него пустая, иллюзорная тема, не имеющая самостоятельного значения. Для Ду Фу всегда важно не то, как он пишет, а то, как он живет, и в своем творчестве он выносит себе оценку не как поэту, а как человеку.

Многие западные исследователи говорят о спиритуальной (от английского слова «spirit» - «дух») сущности средневековой китайской культуры, считая ее наиболее характерной метафорой - застывшую фигуру монаха, погруженного в медитацию. При этом они как бы разделяют понятия жизни и духовной практики, рассматривая любую творческую деятельность как одну из спиритуальных дисциплин. Для Ду Фу подобный метод совершенно непригоден: этого поэта невозможно понять через отвлеченную духовность, выделив в его творчестве ключевые философские понятия и выстроив по ним мировоззренческую схему. Спиритуальная сущность Ду Фу растворена в жизни, и поэт

настолько верен своему призванию, насколько правдив и честен в конкретных жизненных поступках. Лозунг «Не выходя со двора, познать мир» - не лозунг Ду Фу. Поэт стремится именно к выходу во все сферы жизни, будь то государственная служба или возделывание риса, путешествия или сочинение стихов. В этом смысле Ду Фу, может быть, самый не во ст очный поэт, потому что за ним стоит не метафора «недеяния», а метафора действия. Неспроста мы так много знаем о его жизни - хотя бы по сравнению с другими поэтами тайской эпохи. Даже биография Ли Бо - это наполовину легенда, вымысел, исторический анекдот, не говоря уже о таких загадочных фигурах, как буддийский монах Хань-шань, Мастер с Холодной Горы, и его друг Ши-дэ - Подкидыш. Биография Ду Фу, напротив, удивительно реальна и достоверна, словно он сам изобразил свою жизнь с такой отчетливостью, с какой китайский художник изображал бытовые сценки. Мы видим Ду Фу вплоть до мельчайших черточек его внешности - худого лица, бороды, редких седых волос, и зримость этого образа как бы совпадает с *предметной рельефностью всей его биографии.*

Именно с *творчеством Ду Фу связана формула средневековой китайской эстетики: страдания и невзгоды чеканят стих поэта, а ведь эта формула - тоже одна из самых невосточных. Для буддийского монаха, сочинявшего стихи, вдохновение наступало тогда, когда он «забывал» о житейских невзгодах, очищался от страдания, но Ду Фу всем своим опытом противоречит этой посылке. В его стихах - и боль, и тоска, и гнев, и радость - все человеческие чувства. Вот он вместе с женой и детьми спасается от мятежников Ань Лушаня, вот выращивает цыплят в пригородах Куйчжоу, вот преследует дичь с охотничьим соколом на нарукавнике - эти картины так далеки от иконописных изображений буддийских «просветленных» или даосских отшельников! В то же время - и это не парадокс - Ду Фу подлинно китайский поэт, чьи стихи, словно корни цветущего дерева, вскормлены соками национальной почвы. Ду Фу гордится своими корнями (корень и ствол - исконно китайская метафора), своей принадлежностью к одной из древнейших наций, но при этом он трезво оценивает не только ее взлеты, но и ее падения,. Ду Фу - патриот в высшем смысле слова, хотя его патриотизм ограничен историческим сознанием эпохи. Китай для него - «Срединное государство», император - «Сын Неба», поэт - слуга императора. Ду Фу унаследовал эти понятия от многовековой традиции, но поэтически сумел объединить их в едином значении Отечества и Народа. Стихи Ду Фу удивительно богаты по этническим характеристикам, недаром они служат незаменимым источником для тех, кто изучает историю китайской нации. Поэт воссоздает*

полнокровный этнический тип китайца танской эпохи: обычаи, нравы, бытовой уклад, религиозные верования и обряды. Его стихи - компедиум исторических сведений, мифов и легенд, фольклорных традиций. Поэзия Ду Фу - подлинное зеркало нации, отразившее ее прошлое, настоящее и будущее.

Вот почему Ду Фу - поэт универсальный. Плотная, терпеливо проработанная материя его стиха способна принимать любые формы, словно раскаленная стеклянная масса у опытного стеклодува, и творчество поэта органично соединяет то, что в дальнейшем стало знаменем враждующих поэтических группировок. Разве не удивительно, что Ду Фу называли своим учителем и сторонники Бо Цзюйи (772-846), призывавшего к упрощению поэтического языка, к использованию в поэзии разговорных оборотов, и последователи Ханъ Юя (768-824), выступавшего за «возврат к древности», за усложненную языковую архаику! Между тем сам Ду Фу в равной степени далек от Бо Цзюйи и Ханъ Юя и в равной мере близок им обоим. Он чужд теоретической односторонности школы, но как поэт-практик одинаково приемлет самые разные методы. Недаром его собственным поэтическим вкусам отвечают и простой, классически-строгий стих «трех Цао», и изощренная, стилистически сложная поэзия эпохи Северных и Южных династий. Творческая практика Ду Фу - пример широкого культурного синтеза, а сам поэт - созидатель духовных ценностей. Нет ничего более чуждого Ду Фу, чем отрицание накопленных традиций - хотя бы в пределах, поставленных китайским средневековьем. Хорошо известны парадоксальные жесты чанъских монахов или даосских отшельников, символизирующие отказ от накопленного опыта, ниспровержение авторитетов («Встретишь будду - убей будду»). Для Ду Фу такие жесты неприемлемы. Миссия поэта - именно в культурном накоплении, собирании разрозненных элементов в единое целое.

Гармоничность и уравновешенность делают поэзию Ду Фу классической и образцовой. Образцовость, соответствие канонизированным нормам - одно из основных требований средневековой китайской эстетики, по которому поэтам часто присваивали заранее установленные разряды. Нормы оценки были самыми строгими, и если поэт претендовал на первый разряд, он должен был продемонстрировать виртуозное владение техникой стихосложения, безупречный вкус, благородную сдержанность в выражениях, искренность чувств и мыслей и т.д. Поэзия Ду Фу полностью удовлетворяла этим требованиям и всегда относилась к самому высшему разряду. Если оценки других великих поэтов (например, Тао Юанъмина) менялись на протяжении веков, то

репутация Ду Фу как величайшего классика оставалась неизменной. Стихотворные посвящения Ду Фу - корифею, мастеру, учителю - могли бы составить целую антологию, в которую вошли бы произведения и больших, и малых поэтов. Все они с восхищением повторяли его строки, цитировали эпизоды его биографии, посещали места, связанные с его именем. Если Ду Фу случалось написать стихи на стене буддийского храма, почтовой станции или горной беседки, то его отдаленный потомок оставлял рядом свои стихи, сочиненные в той же манере. «Отвечаю на стихи Ду Фу...», «Вторю стихам Ду Фу...», «Подражаю стихам Ду Фу...» - эти заголовки звучат, словно тысячекратное эхо, вызванное великой поэзией. Это эхо не умолкает и по сей день, и стихи Ду Фу находят новых читателей не только в Китае, но и во всем мире.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДУ ФУ

712 - рождение.

730 - неудачная попытка совершить путешествие на север. Ду Фу пересек Хуанхэ, но был остановлен наводнениями рек До и Чань.

731 - начало юношеских странствий. Ду Фу достиг крайнего юго-востока империи - областей Сучжоу, Ханчжоу, Юэчжоу и Тайчжоу.

735 - возвращается домой и сдает отборочные экзамены, дающие право участвовать в императорских экзаменах.

736 - неудача на императорских экзаменах в Чанъани. Ду Фу отправляется в новое путешествие - на север, в район древних княжеств Ци и Чжао.

740 - смерть отца. Ду Фу хоронит отца на фамильном кладбище, а затем отправляется в Лоян на похороны тетушки Пэй.

743-744 - живет в Лояне. По предположению исследователей, дает частные уроки или служит домашним секретарем у знатного вельможи. Осенью 744 года встречается с Ли Бо и Гао Ши.

745 - проводит лето в Линьцзи вместе с Гао Ши и Ли Юном, а осенью переезжает в деревушку, расположенную неподалеку от Каменных Врат. Зимой возвращается в Чанъань.

751 - большие императорские жертвоприношения Лаоцзы, основателю даосизма. В честь этого события Ду Фу сочиняет три оды и посылает их во дворец. Император отдает приказ проэкзаменовать автора од и зачислить на должность. Ду Фу блестяще сдает экзамены, но должности так и по получает. Через три года он посылает императору еще две оды - «Западный холм» и «Орел», но и эта попытка получить должность оказывается тщетной.

753 - семейство Ян устраивает пиршество по случаю весеннего праздника. Ду Фу создает «Песнь о красавицах».

754 - написан цикл стихов «Грустно. Осенний дождь». Ду Фу с семьей переезжает в Фэнсянь.

755 - в третий раз посылает во дворец оду. Поэта назначают на должность секретаря правового ведомства во дворце наследного принца. Смерть сына. Созданы «Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в Фэнсянь». Начало мятежа Ань Лушаня.

756 - вместе с семьей спасается бегством от мятежников Ань

Лушаня. Попадает в плен к мятежникам и под конвоем возвращается в Чанъань.

757 - бежит из захваченной врагами Чанъани. Пробирается в ставку императора и получает новое назначение на должность. Подает прошение об отпуске. Вместе с семьей живет в деревушке Цянцупь. Отправляется в Чанъань, освобожденную от мятежников, и вскоре перевозит туда семью. Поэта высылают из столицы в область Хуачясоу, где он служит инспектором по делам просвещения,

759 - совершает служебную поездку в Лоян. Навещает родные места в Яньши. Создает стихи «Посвящаю Вой Ба, живущему на покое», «Прощание старика» и др. Подает прошение о бессрочном отпуске и вместе с семьей отправляется в пограничный городок Циньчжоу.

760 - строит соломенную хижину. Создает многие циклы стихов.

762 - помощник градоправителя Сюй Девятый поднимает мятеж в Чэнду. Ду Фу бежит в Цзычжоу.

764 - мятеж Сюя Девятого подавлен. Ду Фу возвращается в соломенную хижину и становится военным советником генерал-губернатора Янь У.

765 - уходит с поста военного советника.

766 - семья Ду Фу переезжает в городок Куйчжоу. Поэт создает «Восемь стансов об осени».

767 - летом Ду Фу навещает двоюродный брат Ду Гуань. Поэт надеется осенью вернуться на север, но затем откладывает свой отъезд. В район Чанъани вторгаются тибетцы, и переселяться туда с семьей становится опасным. Ду Фу продает дом, отправляется в Цзяплин, а затем в Гунъань.

768 - Ду Фу с семьей покидает дом господина Вэя, приютившего их в Гунъаие. Странствия в Юэчжоу и Хэнчжоу. Летом семья Ду Фу перебирается в Таньчжоу, где они снимают небольшой домик на берегу реки.

770 - мятеж в Таньчжоу. Последняя пора скитаний Ду Фу. Болезнь и смерть маленькой дочери. Кончина поэта.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ду Фу. Стихотворения. Пер. с китайского А. Гитовича. М.- Л., 1902.

Конрад Н.И. «Восемь стансов об осени» Ду Фу. - В кн. «Запад и Восток. Статьи». М., 1966.

Серебряков Е.А. Ду Фу. Критико-биографический очерк. М., 1958.

Серебряков Е.А. Патриотизм и народность великого китайского поэта VIII века Ду Фу. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1954.

Три танских поэта: Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу. Триста стихотворений. Пер. А, Гитовича. Предисловие Н. И. Конрада. М., 1960.

Души сянчжу (Стихи Ду Фу с подробными комментариями). В 5-ти томах. Комм. Цю Чжаоао. Пекин, 1979 (на китайском языке).

Сяо Дифэй. Ду Фу яньцзю (Изучение творчества Ду Фу). Цзинань, 1958 (на китайском языке).

Фу Дунхуа. Ли Бо юй Ду Фу (Ли Бо и Ду Фу). Шанхай, 1933 (на китайском языке).

Фэн Чжи. Ду Фу чжуань (Жизнеописание Ду Фу). Пекин, 1962 (на китайском языке).

Цао Муфань. Ду ши цзашо (Заметки о поэзии Ду Фу). Чэнду, 1981 (на китайском языке).

Чэнь Исинь. Ду Фу пинчжуань (Жизнь и творчество Ду Фу). Шанхай, 1982 (на китайском языке).

Ayscough F. Travels of a Chinese poet Tu Fu, guest of rivers and lakes a. d. 712-770. 2 vol.. London, 1934.

Davis A. R. Tu Fu. New York, 1971.

Hawkes D. A. little primer of Fu. Tu. Oxford, 1967.

Hung W. Tu Fu: China's greatest poet. Cambrige (Mass.), 1952.

Стихи Ду Фу печатаются в переводах А. Гитовича, Л. Бежина, Э. Балашова, Л. Меньшикова.